

Научно-теоретический и практический журнал

ОРАЛДЫҢ ҒЫЛЫМ ЖАРШЫСЫ

№ 39 (118) 2014

«Оралдың ғылым жаршысы» журналы - журнал «Оралдың ғылым жаршысы»
Собственник: ТОО «Уралнауцкнига» (город Уральск)
Адрес собственника: 090005, РК, ЗКО, г.Уральск, ул. Гагарина, № 52/1
Директор Хабибуллин М.Ф., тел: 8 (7112) 262750, сот. тел: 8 777 4165571

Главный редактор: **Хабибуллин М.Ф.**
Ответственный редактор: **Екимов С.В.**
Технический редактор: **Устименко Е.В.**
Дизайн и верстка: **Щащенко И.Г.**

Свидетельство о постановке на учет средства массовой информации
от 10 февраля 2006 года № 6549-Ж
выданное Комитетом информации и архивов Министерства культуры,
информации и спорта Республики Казахстан

Периодичность издания - ежеквартально.
Тираж 300 (Триста) экземпляров.

Сдано к печати 07.11.2014 года. Подписано к печати 07.11.2014 года.
Условно печатный лист 9,5 Формат 60x84 1/8.
Способ печати – ризограф.

Отпечатано в типографии ТОО «Фирма Сервер + »,
расположенной по адресу: 090000, РК, ЗКО, г.Уральск, ул.Курмангазы, № 162.

Адрес редакции: 090005, РК, ЗКО, г.Уральск, ул. Гагарина, № 52/1.
Представительство на Украине +38 (056) 3701313
E-mail: info@rusnauka.com

ISSN 1561-6908

Научно-теоретический и практический журнал

ОРАЛДЫҢ ҒЫЛЫМ ЖАРШЫСЫ

№ 39 (118) 2014

Серия:

История
Философия
Политология

МАЗМУНЫ

ИСТОРИЯ

- Иванов В.В.**
 БЫВШИЕ ЭСЭСОВЦЫ В СОСТАВЕ ФРАНЦУЗСКОГО
 ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА В СРАЖЕНИИ
 ЗА ДЬЕН БЬЕН ФУ 1953–1954 ГГ. ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ 5
- Панфилова Т.**
 КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СПОРТИВНЫЕ
 ЮНОШЕСКО-МОЛОДЕЖНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА
 ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЧИНЫ (XIX- XX СТ.) 17
- Худобородов А.Л., Яшина М.А.**
 ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
 НА УРАЛЕ: НА МАТЕРИАЛАХ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 АРХИЕПИСКОПА ОРЕНБУРГСКОГО
 И ТУРГАЙСКОГО МЕФОДИЯ (ГЕРАСИМОВА) 24
- Рукоуев Е.Ю.**
 ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
 В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 28
- Никитина Т.Б.**
 «ЗОЛОТОЙ» ПОЯС ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО
 РУСЕНИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА МАРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ 38
- Макарова Т.А.**
 АЛЕКСАНДР I И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА
 В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917-20-е гг.) 43
- Ибрагимов М.М., Балаева А.Р.**
 АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЧЕЧНЕ В 1920-30-Х ГГ 49

ФИЛОСОФИЯ

- Шамша И.В.**
 ПРОШЛОЕ КАК МОДУС ВРЕМЕНИ 54

Малютина Н.Н., Шевчук В.В., Квасков В.Н. РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ВРАЧА.....	61
Шмаков В.С. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА.....	67
Громова Е.А. РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ НАЧАЛА XX ВЕКА О ДИАЛЕКТИКЕ МИРА И ВОЙНЫ	78
Береснева Н.И., Мишланова С.Л., Голева Е.О. «ПАРАДОКСОВ ДРУГ»: РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПАРАДОКСАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЯЗЫКА НАУКИ.....	86

ПОЛИТОЛОГИЯ

Коростелев Н.Ю. РАЗРАБОТКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	91
Скиперских А.В. ВЛАСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ: ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ (НЕСКОЛЬКО ЗАРИСОВОК О ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ)	98
Бойко Н.П. НОВЫЕ РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ	105
Лоло М.М. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	109

сотрудничество, осуществляемое в разных формах, не только способствует сохранению общего культурного пространства, но и направлено на придание связям этих государств нового импульса.

Ключевые слова: постсоветское пространство, кинематограф, кинофестивали, русскоязычный мир.

Problems of preservation of the post-Soviet cinematic space

Abstract: This article raises the problem of humanitarian cooperation between the countries of the Commonwealth of Independent States. It is shown that the cinematographic cooperation carried out in different forms, not only contributes to the preservation of the common cultural space, but also aimed at giving new impetus to the relations of post-Soviet these states.

Keywords: post-Soviet space, cinema, film festivals, Russian-speaking world.

зили сожаление, что зрители Украины, Азербайджана и Молдовы не смогли увидеть и составить свое мнение о ленте, не в силу своего свободного выбора, а в силу принятого за них решения. В Молдове, по мнению лидера молдавских социал-демократов и владельца киносети PATRIA В. Шелина, могут закрыться кинотеатры, потому что кассовые фильмы на русском языке запрещены, а на фильмы на английском языке из-за незнания языка ходят 0,5% зрителей. Уже четыре года фильмы на русском идут в сопровождении субтитров. Но теперь русское кино вообще запрещено, что стало ответом на мясной запрет России для Молдавии и реэкспорт европейских товаров. [5]

То, что у кинематографического сотрудничества как фактора развития взаимодействия множества государственных и негосударственных акторов постсоветского пространства имеются не только проблемы, но и перспективы, очевидно. Поскольку кинематографическое пространство отличается открытостью, свободой творческого самовыражения, ему непросто существовать в строго заданных рамках, в том числе и государственных границ. Естественно возникновение новых форм взаимосвязей как деятелей кино, так и кинозрителей. На пространстве СНГ многие творческие проекты реализуются без заключения специальных международных договоренностей, что еще раз подчеркивает общность школ, подходов к производству деятелей кинематографа. Какими бы глубокими ни были исторические связи, они требуют постоянной заботы, постоянного обновления, потому что у кинематографа постоянно обновляется не только тематика, но и зритель. А после распада СССР на его территории выросло новое поколение, у которого появились новые ориентиры, в том числе кинематографические. И отсюда перед кинематографистами стоит задача не упустить этого зрителя, для этого требуется расширять сотрудничество национальных кинематографий, в том числе в рамках взаимосвязей кинематографических вузов и научных структур.

Литература

1. Корнеева И. Нежданная казахская любовь // Российская газета. 2011. 25 августа.
2. Пепеляев В. «Звездные собаки» приземлились в Минске // Союз Россия-Беларусь. 2008. № 516. 25 августа.
3. Степанчикова Е. Европейский запрос на культуру стран СНГ // Российские вести. Федеральный еженедельник. 2012. № (19) 2094. 20 – 26 июня.
4. Война на экране. М.: Материк, 2006.
5. Гамова С.Ф. Молдавия запретила русское кино // Независимая газета. 2014. 11 июля.

Аннотация: В статье поднимается проблема сохранения и развития гуманитарных связей стран-участниц Содружества Независимых Государств на материалах сотрудничества кинематографистов. Показано, что кинематографическое

К.и.н. Иванов В.В.

Россия

Амурский Гуманитарно-Педагогический Государственный университет.

БЫВШИЕ ЭСЭСОВЦЫ В СОСТАВЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА В СРАЖЕНИИ ЗА ДЬЕН БЬЕН ФУ 1953–1954 ГГ. ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ

В мае 2014 г. исполнилось 60 лет с момента завершения сражения за Дьен Бьен Фу. Битва за маленькое селение на северо-западе Вьетнама, продолжавшаяся более шести месяцев, поставила точку в жестокой колониальной войне 1946–1954 гг. и решила судьбу французского владычества в Индокитае.

Одним из аспектов истории боевых действий под Дьен Бьен Фу стало участие в сражении подразделений Иностранного легиона – соединения в составе вооруженных сил Франции, комплектуемого из иностранных наемников. Ряд исследователей, в том числе и советских и российских, анализируя колониальную войну Франции в Индокитае, нередко приписывал Легиону роль ударной силы колонизаторов во всех крупных операциях в Индокитае 1946–1954 гг. Особое место Иностранному легиону занял и в исследованиях по истории сражения за Дьен Бьен Фу.

Тема массового участия в боевых действиях в Индокитае бывших военнослужащих германской армии, вступивших в Иностранную легион, обсуждалась политиками, военными, историками, журналистами Франции, СССР, США. Сторонники версии о массовом использовании наемников, в первую очередь, немецких, в индокитайской войне приводят в свою пользу следующие основания. Значительный рост национально-освободительной борьбы во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. в африканских и азиатских колониях Франции требовал привлечения крупных войсковых группировок. Гибель в далёких владениях вчерашних французских школьников, призванных в армию, автоматически приводила бы в действие антивоенные организации и движения. В условиях и без того нестабильной внутривойсковой ситуации во Франции в период с 1946–1958 гг., подобные проблемы могли бы привести к весьма негативным последствиям для режима Четвертой республики.

Следовательно, главная ставка при подавлении восстаний в заморских владениях делалась на участие колониальных войск и Иностранного легиона. В 1950–1990-е гг. ряд исследователей утверждал, что Легион комплектовался и пополнялся, в основном за счёт притока волонтеров из Германии и из числа военнопленных, находившихся во Франции. Традиционно считается, что это были бывшие военнослужащие частей СС и СД – военные преступники, скрывавшиеся от возмездия.[2, с.39]

Обычно это мнение подкреплялось основанием, что французское командование, озабоченное пополнением своих войск, не обращало внимание на прошлое волонтеров, поступавших в Легион, руководствуясь, исключительно, конечной целью – одержать победу над мятежниками, удержать колонии под контролем. В свою очередь, для бывших военнослужащих из частей СС и СД вербовка в Легион давала шанс получить по окончании контракта новые документы, французское гражданство, вид на жительство и немалую сумму денег. Короче говоря, возможность легального существования в годы, когда поиск гитлеровских палачей велся во многих странах Европы и, спустя некоторое время, начать новую жизнь.

Это не вполне справедливая точка зрения по многим причинам. Для того, чтобы оценить справедливость этих утверждений, необходимо хотя бы кратко ответить на следующие вопросы:

1. Принимали ли участие в индокитайской войне 1946–1954 гг. в составе французского Иностранного легиона бывшие немецкие военнослужащие?
2. Могли быть среди легионеров эсэсовцы, скрывавшиеся от наказания за военные преступления, совершенные в период 2-й мировой войны?
3. Имеет ли основание утверждение об участии бывших эсэсовцев в сражении за Дьен Бьен Фу 1953–1954 гг.?

После окончания 2-й мировой войны в 1945 г. во французском плену находилось 1 млн. 65 тыс. немецких солдат и офицеров. Из них 237 тыс. чел. были пленены собственно войсками Франции.[9, с.210] Основная часть сдалась армиям США и Великобритании. Париж настаивал на передаче немцев, т.к. они должны были участвовать в восстановлении экономики, разрушенной войной. Вашингтон и Лондон пошли навстречу требованиям своего союзника. Однако, как показали последующие события, военнопленные использовались не только в качестве дешевой рабочей силы, но и «пушечного мяса» в колониях.

В начале 1950-х гг. в СССР тема участия в индокитайском конфликте немецких военных преступников, служивших в Иностранном легионе, неоднократно использовалась в идеологической борьбе с Западом. В условиях «холодной войны» клише «гитлеровец» и «фашист» часто использовались советскими СМИ для определения врага. В 1920–1930-е гг. употреблялся термин «белогвардеец». Как правило, те, кому навешивался этот ярлык, не имели никакого отношения к Белому движению в период гражданской войны в России 1918–1922 гг. Именно так появились «белокитайцы», «белоэстонцы», «белолатыши», а потом и «белофинны». В 1949 г. после разрыва отношений СССР и Югославии, в советских газетах нередко правительство И.Б. Тито называли «фашистским режимом». «Пособниками фашистов» именовали болгарских и румынских монархистов, боевиков Армии Крайовой в Польше. Не избежало подобного подхода и освещение кремлевскими СМИ событий в Индокитае.

Что касается широкой вербовки в Иностранный легион бывших немецких военнослужащих для участия в индокитайской войне, то, в отличие от других

ностудии Film.ua состоялась первая в СНГ открытая лекция историка киноискусства, почетного члена Международного общества The Magic Latern Society С. Гавриленко «Археология кино», в которой были освещены неизвестные страницы истории кинематографа в царской России и Украине, демонстрировалась работа реконструированных аппаратов докинематографического времени.

Из деловой активности на уровне общего кинематографического пространства следует упомянуть главное ежегодное событие для киноиндустрии России, стран СНГ и Балтии – ежегодный международный профессиональный форум и выставка киноиндустрии (кинотеатры, дистрибуция фильмов, кинопроизводство) «КИНО ЭКСПО». Это мероприятие является одним из трех крупнейших мировых выставок киноиндустрии, на которой представлено все, что необходимо для создания и эффективной эксплуатации современных кинотеатров, оборудование и услуги для кинопроизводства, кинотеатров, дистрибуторов фильмов и киноиндустрии входит в тройку самых масштабных мировых конвенций киноиндустрии. В 2013 г. участниками Форума и выставки «Кино Экспо» стали свыше двух тысяч профессионалов киноиндустрии из всех регионов России, стран СНГ, Балтии и других зарубежных стран. В 2014 г. в Санкт-Петербурге прошли уже XVI международный форум и выставка «КИНО ЭКСПО». Отдельное направление выставки – развлекательная инфраструктура: весь спектр развлекательных технологий, систем и комплексов для кинотеатров, торгово-развлекательных комплексов и объектов общественно-деловой недвижимости. Деловая программа включает конференции, семинары, круглые столы, деловые встречи, посвященные актуальным проблемам кинобизнеса, в том числе: ежегодную конференцию организации кинотеатров «Киноальянс»; международную конференцию «Бизнес кинотеатров»; конференцию «Кинопроизводство в России и странах СНГ – актуальные проблемы и решения»; международную конференцию по повышению доходности бизнеса кинотеатров, организуемую компанией Sosa-Cola; презентации новых кинотехнологий; Университет «Кино Экспо» – программу курсов повышения квалификации технических специалистов кинотеатров и технических специалистов в области кинопроизводства; образовательную программу Школу кинопредпринимателей. Во время выставки работает Центр делового общения представителей российского и международного кинобизнеса, киноиндустрии и профессионалов в области недвижимости: сетевых операторов кинотеатров, девелоперов, управляющих компаний торгово-развлекательных комплексов и общественно-деловой недвижимости.

Наряду с успехами сотрудничества нельзя пройти мимо ограничений, которые наблюдаются в национальном прокате, когда художественный фильм и зрители становятся «заложниками» решения чиновников и общественных организаций. В марте 2012 г. Министерство культуры Украины отозвало прокатную лицензию картины режиссера Д. Файзиева «Август. Восьмого», сделав показ этого фильма невозможным в стране. Продюсеры и творческая группа фильма выра-

усилий всех народов бывшего СССР, как тот исторический факт, который и сейчас играет консолидирующую роль на постсоветском пространстве. Фестиваль преследует цели расширения профессионального диалога между деятелями кино, продвижения кинематографии России и стран СНГ за рубежом, знакомство участников кинорынка с лучшими работами последних лет.[3]

Показ кинолент авторов стран СНГ в странах дальнего зарубежья служит укреплению связей деятелей кино и внутри самого постсоветского мира. Приведем пример организованного в 2010 г. в Нью-Дели кинофестиваля «Дружба» стран СНГ и Индии. В программе киносмотр были фильмы из России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Индии. В мае 2011 г. в Лиссабоне при содействии представительства Россотрудничества и поддержке Посольств России, Украины и Молдавии в Португальской республике в рамках празднования 20-летия СНГ прошел Фестиваль «Русскоязычное кино стран СНГ», организованный Конфедерацией Союзов кинематографистов стран СНГ, Литвы, Латвии и Эстонии совместно с МФГС. Во время фестиваля жители Лиссабона смогли познакомиться с пятью лентами, представляющими четыре бывшие союзные республики. Также название фестиваля, содержащее понятие «русскоязычное кино», раскрывает значимую сторону поддержки пространства русского языка, интерес к изучению которого в мире весьма высок.

Как и в Португалии, во Франции в Париже в рамках празднования 20-летия создания СНГ в мае 2011 г. в Российском центре науки и культуры прошел Первый Фестиваль русскоязычного кино стран СНГ с показом фильмов из России, Азербайджана, Казахстана и Украины. Значимость этого события для укрепления русскоговорящего пространства во всем мире исключительно велика. Подобные фестивали могли бы проходить и в других российских центрах науки и культуры, число которых на разных континентах постоянно увеличивается.

Сохранению единого кинематографического пространства способствует присуждение премии Российской Академии кинематографических искусств «Ника», которая считается главной кинопремией в странах СНГ и Балтии. Первая церемония награждения состоялась зимой 1988 г. Начиная с 2003 г., 16-й церемонии, премия вручается за лучший фильм стран СНГ и Балтии.

Имеются новые проявления научного сотрудничества. В НИИ киноискусства 25 апреля 2005 г. была проведена научно-практическая конференция «Вторая мировая война: история и мифология», по материалам которой издан сборник «Война на экране», посвященный 60-летию Победы. [4] Его первый раздел завершается списком военных фильмов, созданных в СССР и странах СНГ с 1942 по 2004 гг. Второй раздел сборника включает в себя стенограмму творческой дискуссии «Советская художественная кинематография в 1944 года», состоявшейся с 13 по 15 февраля 1945 года в Московском доме кино. В третьем разделе представлены отзывы иностранной прессы 1942-1946 гг. на некоторые советские военные фильмы, которые публикуются впервые. Весной 2011 г. на киевской ки-

случаев, советским идеологическим институтам ничего не нужно было придумывать, т.к. французская сторона давала достаточно поводов. В первую очередь, это касалось фактов. Теоретически, с логикой рассуждений советских идеологов было трудно поспорить. Раз вербуют германских военных в Легион, значит, среди них могут быть бывшие эсэсовцы. А если так, то это военные преступники, скрывавшиеся от наказания. СС – организация, в соответствии с приговором Нюрнбергского трибунала, являлась преступной. Из вышеизложенного следовал почти безупречный вывод: Франция руками гитлеровских палачей подавляет национально-освободительное движение в Индокитае.

В пользу этой версии были представлены и серьезные аргументы. 2 ноября 1949 г. глава МГБ СССР генерал-полковник В.С. Абакумов представил И.В. Сталину специальный документ с грифом «Совершенно секретно» № 6121/А: «Об использовании французскими властями военнопленных немцев для подавления национально-освободительного движения в Африке и против республики Вьетнам. Докладываю, что перлюстрацией международной почтовой корреспонденции немецкого населения МГБ СССР выявлены письма, свидетельствующие о том, что части французского иностранного легиона укомплектовываются преимущественно военнопленными немцами, которые, находясь на снабжении англичан и американцев, используются в подавлении национально-освободительного движения в Африке и республики Вьетнам. Выписки из таких писем по указанному вопросу прилагаются. Не целесообразно ли было бы использовать эти материалы в советской печати как полученные от советских корреспондентов за границей? Прошу Ваших указаний».[11, с.64]

К документу прилагались «Выписки из перлюстрированных писем немцев, находящихся на службе во французском иностранном легионе» за подписью начальника 2-го Главного управления МГБ СССР Е.П. Питовранова.

Г. Вайс 20 июня 1949 г. в письме Х. Веберу в Лохау сообщал: «Легион – это войсковая часть, вооруженная американцами самым лучшим образом. Большая часть легиона состоит из немцев, которые у нас были на военной службе. Я нахожусь в моторизованной части, которая называется эскадромом водителей бронемашин».[11, с.65]

В. Вундерлихт 27 июня 1949 г. писал П. Вольфганг из Рейхенбаха: «Здесь в Индокитае идет настоящая война. На том участке, где нахожусь я, воюют только партизаны, но ближе к китайской границе ведется фронтовая война. Нас здесь целый батальон. 80 проц. Составляют немцы, а 20 проц. другие национальности».[11, с.65]

Х. Пурш, служивший в Индокитае, 29 июля 1949 г. сообщал Э. Фэмике из Рейхардсвербен: «Здесь представлены молодые люди всех наций, начиная от американцев, испанцев, поляков и турок, вплоть до немцев, которых в легионе большинство. Не все легионеры преступники или гангстеры, что по всей вероятности раньше имело место. В большинстве случаев это – военнопленные, любители приключений, венгерская, чехословацкая и румынская молодежь, которая

покинула свою родину из-за восточного режима. Все легионеры, которые приезжают с востока, являются лучшими друзьями немцев».[11, с.65]

Вопрос участия в боевых действиях в Индокитае бывших эсэсовцев, вступивших в Иностраный легион, требует детального анализа. Поток немецких волонтеров в это соединение армии Франции можно условно разделить на два этапа: 1945–1948 гг., 1949–1953 гг. На первый этап приходится активная вербовка военнопленных. Автор считает, что Легион не мог стать убежищем для гитлеровских военных преступников по следующим причинам:

Во-первых, во второй половине 1940-х гг. в самой Франции ещё не остыли воспоминания о пяти годах фашистской оккупации. И хотя действия немецких властей здесь разительно отличались от того, что они совершали на территории Белоруссии, Украины, России, Югославии, Польши, французы, особенно в первые послевоенные годы, воздавали по заслугам и нацистам и собственным предателям. В 1948 г. был принят закон, установивший коллективную ответственность за военные преступления. Преследование коллаборационистов и гитлеровцев продолжалось и в 1950-е гг. Следовательно, нацистам невозможно было рассчитывать на снисхождение не только французского суда, но и инстанции любого рода. Гитлеровские палачи охотнее бежали в 1945–1946 гг. в Испанию, Португалию, Швецию, Аргентину, где они действительно могли надежно укрыться от преследования.

Помимо памяти об оккупации, на поведении французов сказывалось их традиционно негативное отношение к немцам вообще. Почти каждому поколению приходилось воевать с Германией, начиная с создания империи Карла Великого. XX век не стал исключением. Первая мировая война, унижительное поражение летом 1940 г. Ненависть населения к «наци» и коллаборационистам была столь велика, что власти Четвертой республики были вынуждены применять решительные меры, чтобы не допускать самосудов не только по отношению к предателям, но и к военнопленным, находившимся во Франции в 1945–1948 гг.

На долю последних выпали тяжелые испытания. Немцы работали на строительстве плотин, дорог, в шахтах, каменоломнях, сельском хозяйстве. В 1945 г. генеральный штаб вооруженных сил Франции принял решение о привлечении немецких военнопленных к расчистке минных полей, оставшихся после войны.[9, с.203-210] Около 40 тыс. немцев приняли участие в этой компании.[9, с.209] Точное число военнопленных, погибших при этом, неизвестно. Счет шел на тысячи.

Стоит также добавить, что поведение военнослужащих во французской зоне оккупации в юго-западной Германии также было далеко не идеальным. В армии Франции традиционно культивировались антинемецкие настроения. Ее появление на немецкой территории часто выливалось в грабежи и насилия. Французы, жестоко обращаясь с гражданским населением, мстили «бошам» за военное поражение 1940 г., за оккупацию. В ряде случаев, армейское командование прибегало к самым жестким мерам, чтобы восстановить порядок. Как отмечал один очевидец, характеризуя поведение французских солдат в Германии середине

кино проходят в Минске. [2] Выше отмечалось, что сериалы не всегда способствуют формированию подлинного чувства сопереживания героям кинолент. Однако и среди сериалов имеются безусловные находки. На Днях российского кино в качестве завершения этой акции был избран просмотр в рамках дня современного кино двух первых серий 8-серийного фильма А. Ефремова «Немец». Этот фильм является вольной трактовкой событий вокруг исчезновения одной из самых значимых духовных и сакральных ценностей Беларуси – Креста Евфросинии Полоцкой. В фильме представлены два временных пласта – период Великой Отечественной войны и наши дни. Этим авторы ставили задачу обратиться к реальной истории, к национальным духовным ценностям, но передать сюжет динамичным кинематографическим языком. Может показаться, что такой подход развивает американские взгляды на кино, из которых мы, как правило, обращаем внимание лишь на одну составляющую – действие – action, – забывая про психологические моменты, про связь с историей и культурой страны. В фильме «Немец» есть попытка акцентировать внимание зрителя на такой связи.

Кинофестивали, тематика которых неразрывно связана с проблемами постсоветского пространства, выходят и за рамки стран-участниц СНГ. Творческой общественности далеко не безразлично то, как воспринимает жизнь в странах СНГ, зритель в Грузии, с которой у этих стран сложились глубокие культурные связи, имеется общая художественная школа. Поэтому огромную пользу в поддержании таких связей оказал первый Фестиваль российского кино, проходивший в Грузии в ноябре 2010 г., в котором участвовали известные российские кинорежиссеры и актеры. Зрителю было представлено около 30 современных российских художественных, документальных и анимационных фильмов. Фестиваль возник по грузинской инициативе и был поддержан МФГС. Среди условий, которые ставили организаторы фестиваля, было то, что в его программу должны были войти фильмы режиссеров стран СНГ.

Когда мы говорим о постсоветском пространстве, то понимаем, что частично оно охватывает и более широкое пространство – постсоциалистическое. Конечно, далеко не все граждане бывших социалистических стран Восточной Европы с чувством сожаления вспоминают этот период истории своих государств. Однако никто не может отрицать того, что в эти годы те связи, которые всегда были в культуре СССР и восточноевропейских стран, получали достаточно серьезную государственную поддержку. Интерес к культуре России и стран СНГ в регионе Восточной Европы сохранился. Об этом можно судить по тому, как в 2010 г. в Праге был проведен Фестиваль современного кино стран СНГ. Для демонстрации произведений ведущих мастеров киноискусства России и ее ближайших соседей были предоставлены залы одного из старейших кинотеатров чешской столицы Světozor. В тот год фестиваль был посвящен 65-летию Великой Победы и представил зрителю режиссерские работы из России, Украины, Казахстана и Армении. Это важно с точки зрения того, что зритель воспринимает Победу как результат

ставший результатом совместных усилий авторов из Армении, Франции и Норвегии. В Украине, Армении и Казахстане пройдет Фестиваль популярных кинофильмов стран СНГ «Кино: открытые границы». В рамках кинофестиваля состоятся открытые некоммерческие показы лучших фильмов стран-участниц. Целью киносмотра является укрепление межкультурных связей и сближение стран Содружества через знакомство зрителя с кинематографом соседних государств. Проект реализуется под эгидой и при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ.

Организатор Фестиваля популярных фильмов стран СНГ «Кино: открытые границы» – ОАО «Совэкспортфильм». Фестиваль создан для продвижения российского кинематографа в странах СНГ, а также укрепления межкультурных связей и сближения стран Содружества через знакомство зрителя с кинематографом соседних государств. Отметим, что во время творческой дискуссии участников фестиваля они пришли к выводу, что в большинстве случаев проблемы кинематографа стран бывшего СССР отличаются схожестью. В основе проблем лежит отсутствие национально ориентированной политики кинопроката, который захвачен американскими фильмами. Не меньше трудностей связано с засильем сериалов. Можно говорить и об отсутствии системности в кинопрокате, что ведет к малому количеству снимаемых фильмов, естественным следствием чего является сложность самореализации молодых режиссеров и актеров. Для возрождения кинопроката необходимо увеличение числа современно оснащенных кинотеатров.

Ряд стран СНГ имеет собственные признанные кинематографической общечественностью фестивали. В Армении регулярно проходит Международный кинофестиваль «Золотой абрикос». В 2011 г. его программа пополнилась программой короткометражных фильмов «Косточка», которая обеспечивает возможность самовыражения для молодых кинорежиссеров, формулировать идеи и выявлять жанровые особенности кино будущего. А также, учитывая большой интерес зрителей и профессионалов к кинопродукции стран СНГ, «Золотой абрикос» в 2011 г. представил новую внеконкурсную программу – «Кино стран СНГ», посвященную двадцатилетию образования СНГ.

Ежегодный международный кинофестиваль короткометражных фильмов стран СНГ, Балтии и Грузии «Кыргызстан – страна короткометражных фильмов» проводится с 2011 г. в Бишкеке. Традиционно, открытие проходит 12 февраля, в день рождения киргизского народного писателя Чингиза Айтматова. Организаторами фестиваля являются общественный фонд «Айтыш», киностудия «Айтыш фильм» и Союз кинематографистов КР. Фестиваль предусматривает две конкурсные программы: национальную и международную. Для участия в кинофестивале допускаются короткометражные игровые, документальные и анимационные фильмы, созданные в Кыргызстане, а также в странах СНГ, Балтии и Грузии, и завершённые в том году, в котором подается заявка на участие.

Одной из давних кинематографических традиций является проведение дней или недель зарубежного кино. Так, в развитии этой традиции Дни российского

1940-х гг.: «Они были никудашными завоевателями, что делало их более нервными и мстительными».[11, с.345]

Во-вторых, Иностраннный легион – соединение со своими неписаными законами и традициями, но это часть вооруженных сил Франции, которая, в первую очередь, подчиняется Конституции своей страны. Следовательно, здесь не могли принимать решения по поводу вербовки лиц, розыскиваемых по обвинению в военных преступлениях, в обход действующего законодательства.

Следует учесть ещё и то, что среди французских военнослужащих, в том числе и в Иностранном легионе, которые несли службу не только в метрополии, но и в колониях, было немало участников 2-й мировой войны, бывших бойцов Сопротивления. Такие были и в командовании экспедиционного корпуса в Индокитае, и в самом Дьен Бьен Фу. Дивизионный генерал Р. Коньи активно участвовал в Движении Сопротивления, был схвачен гестапо и подвергнут пыткам. В конце концов, гитлеровцы отправили его в Бухенвальд.[6, с.191] Командующий группировкой в Дьенбьенфу полковник Д'Кастри три года провел в немецком плену. Командир парашютного подразделения майор М. Бижар воевал в составе диверсионного отряда французских «маки». Вряд ли их можно было заподозрить в симпатиях к гитлеровцам, скрывавшимся от возмездия.

В-третьих, отбор в Иностраннный легион всегда начинался с медицинского освидетельствования и тщательного изучения личности кандидата. Волонтеру, как правило, было весьма сложно скрыть свою национальность. Следовательно, немецкие добровольцы немедленно попадали под усиленное наблюдение командования Легиона и проходили более тщательную проверку. Бывших эсэсовцев могли легко определить по характерным татуировкам. Командование Легиона имело возможность обратиться в любую организацию с целью выяснения личности своего будущего подчинённого. Кроме того, следует учитывать, что нацистских преступников разыскивала не уголовная полиция, а спецслужбы. На вербовочном пункте могли закрыть глаза на то, что кандидат в солдаты – вор, сутенер, хулиган, «жиголо». Но к беглому гитлеровцу было другое отношение. Следовательно, военный преступник, находившийся в розыске, не мог рассчитывать на спасение, завербовавшись в Иностраннный легион. Для него это было бы равносильно добровольной сдаче властям.

В-четвертых, проблема участия военных преступников в индокитайской войне приобрела настолько скандальный характер, что обсуждалась даже в правительственных кругах Франции. В апреле-июне 1949 г. в Национальном собрании происходили дебаты по поводу присоединения Кохинхины (Южный Вьетнам). Представители Французской Компартии подняли вопрос о том, кто именно сражается в составе Иностранного легиона в Индокитае. Депутат от ФКП М. Ламбер, обратившись к правительству Кея, заявила:

«Вы сейчас пытаетесь оправдать войну в Индокитае, говоря об убийствах, якобы совершаемых вьетнамскими войсками. Но, когда вы начали эту войну в

интересах кучки банкиров и владельцев каучуковых плантаций, нарушив соглашение, подписанное вами с президентом Хо Ши Мином в Фонтенбло, у вас не было ни одного из этих предложений... Вам не удастся больше обманывать французских матерей. Они знают, что вы послали туда не только германских эсэсовцев, бандитов, специально выпущенных из тюрем... Вы послали во Вьетнам все эти отбросы и подонки общества грабить, насиловать и убивать... Хуже того, эти эсэсовцы пытаются превратить наших сыновей в таких же, как они сами, преступников». [5, с.387] Депутат-коммунист П. Вийон напомнил о правительственном циркуляре, разрешающем армии вербовать добровольцев во Французский Индокитай из числа бывших коллаборационистов, и германских военнопленных, включая эсэсовцев.

На указанном форуме состоялись бурные дебаты. Депутат от ФКП И. Перон задал вопрос: «Может ли военный министр ответить «да» или «нет» на следующий вопрос: правда ли, что, по крайней мере, двое из палачей Орадур-сюр-Глана служат сейчас в Индокитае?»

Военный министр ответил, что такой факт ему неизвестен. Наоборот, он знает, что французские военно-судебные органы повсюду разыскивают этих преступников. Далее дебаты в Национальном собрании разворачивались в следующей последовательности:

«Ш. Тийон: Но вы отрицаете, что вербуете убийц?

И. Перон: Сорок убийц Орадур всем известны; одиннадцать из них находятся в тюрьме в Бордо, а двое – в Индокитае.

Голос из зала: Назовите их имена!

И. Перон: Своими выкриками вы защищаете этих людей.

А. Турне: Не подтвердит ли министр, «охранник» – предатель, убивший восьмидесятилетнего В. Баша, – служит сейчас во французских войсках в Индокитае?

Ш. Тийон: Более того, будучи членами правительства, мы выступали против этой войны, которую вы теперь превратили в «грязную» войну... и теперь вы не находите ничего лучшего, как защищать убийц Орадур-Сюр-Глана». [5, с.387]

Анализируя проблему эсэсовцев, воевавших в Иностранном легионе, следует учитывать, что в период 2-й мировой войны десятки тысяч французов добровольно служили в вермахте, подразделениях СС и СД. В марте 1943 г. был сформирован Добровольческий французский легион (сухопутные войска). В октябре-ноябре того же года немцы создали французский добровольческий полк СС 57. В августе 1944 г. была сформирована гренадерская бригада войск СС «Шарлемань», преобразованная в феврале 1945 г. в 33-ю гренадерскую дивизию войск СС. [4, с.36-41] Полк из состава указанного соединения принимал участие в боях за Берлин в мае 1945 г. и был разгромлен советскими войсками. Следовательно, к категории эсэсовцев относились не только немцы, но и французы, а также уроженцы Эльзаса и Лотарингии. [7, с.136-164]

13 января 1953 г. в Бордо начался судебный процесс над 21 эсэсовцем из дивизии СС «Дас Райх», которые 10 июня 1944 г. участвовали в уничтожении

стран СНГ и балтийских государств в области производства и проката кино, пропаганде национального кино, обмену творческими планами, координации и осуществлении совместных проектов в рамках кинообщества, поиске и поддержке молодых кинематографистов. Цели фестиваля соответствуют выработанным на Первом форуме творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ, состоявшемся в апреле 2006 г. в Москве, рекомендациям палаты «Театр, кино, музыка, цирк». В 2014 г. рамках фестиваля организован «круглый стол» руководителей стран-участниц, на котором рассмотрены наиболее острые вопросы, связанные с выработкой стратегии и тактики воссоздания единого кинематографического и кинопрокатного пространства, проблемы налогообложения кинопроката и создания в Интернете международного кинопортала.

Развитие фестивального вектора сотрудничества связано с кинофорумом стран СНГ «Кино друзей», впервые проведенным в Москве в 2011 г. Его отличие от других фестивалей в отсутствии жюри и конкурсной программы. Этот фестиваль фильмов, созданных в странах, которые когда-то были связаны с Россией единым кинематографическим пространством, дает возможность зрителям оценить современный уровень национальных кинематографий. Такую же задачу решает Форум национальных кинематографий, проводимый в Киноцентре на Красной Пресне Конфедерацией союзов кинематографистов при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) и Госфильмофонда РФ в рамках фестиваля «Московская премьера». Уникальность данного кинопроекта состоит в том, что благодаря ему можно получить объемное представление о современном положении дел в кинематографиях постсоветского пространства. Традиционно особое внимание уделяется новым работам признанных мастеров. Как подчеркивается в официальном релизе, «опыт показывает, что во взаимоотношениях со странами СНГ и Балтии именно культурная составляющая оказывается наиболее прочной, в минимальной степени подверженной колебанию политических обстоятельств. Поэтому чрезвычайно важно сохранить, упрочить культурный фундамент во взаимоотношениях с нашими ближайшими соседями. И именно в решении этой задачи роль Форума трудно переоценить». [1]

Важно, что фестивали проходят не только на территории России. В 2010 г. фестиваль популярных фильмов стран СНГ «Кино: открытые границы», проводимый с 2009 г., по инициативе МФГС был организован в Душанбе. В своей программе объединяет лучшие фильмы, созданные режиссерами Беларуси, России и Украины. В 2010 г. фестиваль открылся совместной российско-украинской картиной «Блаженная» режиссера С. Струсовского, который лично представил картину таджикским зрителям. В том же году фестиваль был организован и в Армении. Это говорит о сохранении и в какой-то степени развитии общего культурного пространства в постсоветском мире. Более того, устанавливаются связи между кинематографистами стран СНГ и европейских государств. Примером этого может быть показанный на фестивале фильм «Сплетенные параллели»,

политкорректным изображением розы. С 1995 г. фестиваль получил официальный статус фестиваля кино стран СНГ и Балтии, а в 2001 г. – статус государственного и был включен в число российских фестивалей, проводимых с участием средств федерального бюджета. С 2007 г. он называется «Открытый кинофестиваль стран СНГ, Латвии, Литвы и Эстонии «Киношок»». Фестиваль дистанцировался от элементов скандальности, во многом свойственной проявлениям культуры в годы, сразу же последовавшие за годом крушения СССР, когда демонстрация эпатажа служила «доказательством» приверженности творческих работников политическим переменам.

Сейчас на этом кинофестивале можно получить представление о том, что происходит в кинематографе бывших союзных республик. Отчетливо просматривается и цель фестиваля, которая состоит в выявлении и профессиональной поддержке талантливых кинематографистов, работающих во всех жанрах кинематографа. К заботам тех, чье творчество несет духовность и эстетическую новизну, относится и сохранение единого кинематографического пространства, национальных культур, сотрудничество между кинематографистами стран СНГ, Латвии, Литвы и Эстонии, популяризация национального киноискусства. В рамках фестиваля проходят пять конкурсов: полнометражных фильмов; короткометражных фильмов «Границы Шока»; конкурс «Неформат» (полнометражные фильмы на видео и в цифровом формате); конкурсы «ТВ Шок» (полнометражные игровые телефильмы) и «КиноМалыШок» (конкурс детского игрового и анимационного кино), а также внеконкурсные, информационные и ретроспективные показы. «Киношок» состоит не только из конкурсных, но и внеконкурсных показов, которые проходят на открытых площадках («Кино на площади»), встреч с актерами в режиме «прямого эфира», творческих вечеров деятелей кино в городах и станицах Краснодарского края, концертов артистов театра и кино, Гостагаевских встреч и т. д. Из советской практики в программу фестиваля были взяты народные конференции. А с учетом новых реалий в рамках фестиваля организуются аукционы, выставки продажи произведений живописи, декоративно прикладного искусства.

Еще один международный кинофестиваль стран СНГ и Балтии со знаковым названием «Новое кино. XXI век» стартовал в начале 2000-х гг. в Смоленске. Цель фестиваля – восстанавливать кинопрокатное пространство на территории бывшего Союза, поэтому к главным темам обсуждения на «круглом столе» относятся вопросы ко-продукции как основа кинопроката и льготные условия показа российских фильмов, снятых до 1996 г., на русскоязычных телевизионных каналах стран СНГ и Балтии. Этот фестиваль проходит в разных городах, а в 2014 г. – опять в Смоленске. Основные задачи фестиваля состоят в объединении усилий кинематографистов стран-участниц в создании общего кинематографического прокатного пространства, оптимизации кинопроцесса и развития культурного обмена стран-участниц, унификации налогового и таможенного законодательства

мирных жителей г. Орадур-Сюр-Глан. Во время суда произошел серьезный скандал. Оказалось, что 14 из 21 подсудимого были эльзасцами.[5, с.388]

Таким образом, в период колониальной войны в Индокитае 1946–1954 гг. в Иностранном легионе действительно завербовалось немало немцев-участников войны. Но это были бывшие солдаты и унтер-офицеры различных частей вермахта, находившиеся на положении военнопленных. В Легион они попали официальным путем, то есть, из французского плена они не бежали. Следовательно, вербовка проходила на законных основаниях, и они не могли быть подвергнуты судебному преследованию.

Были ли среди них бывшие эсэсовцы? Автор публикации считает, что были, но не в столь массовом количестве, как это представляет ряд исследователей. При этом следует учесть, что вербовавшиеся бывшие военнослужащие войск СС и СД могли быть только рядовыми или унтер-офицерами. Офицеры, если таковые и встречались, были, скорее, исключением из правил. Таким образом, в Легион могли попасть бывшие эсэсовцы, но не находившиеся в розыске, как военные преступники.

Определить точное число немцев, вступивших в Иностранную легион в 1945–1949 гг., представляется сложным, т.к. кандидаты нередко вербовались не только под вымышленными именами и фамилиями, но и национальностями. По данным журнала «Кепи-Блан», только число демобилизованных в 1948–1950 гг. немцев составило 50 тыс. чел.[1, с.599]

Почему некоторые немецкие военнослужащие вступали в вооруженные силы страны, которая была их непримиримым противником? С точки зрения автора, причина была в элементарном стремлении выжить в тяжелое время и вернуться на Родину. Пленные немцы оказались перед небогатым выбором – либо медленно умирать от истощения на тяжелых работах в каменоломнях и шахтах, либо погибнуть при разминировании. Вербовка в Иностранную легион исключала вероятность гибели от голода и изнурительного труда. Муштра и казарменный быт были привычны для немецких военнослужащих.

Перспектива попасть на очередную войну во французских колониях, по всей видимости, не пугала немцев. Индокитай – это не Восточный фронт. Каждый из них надеялся уцелеть, опираясь на свой боевой опыт. Кроме того, солдатам Иностранного легиона неплохо платили. При поступлении на службу новобранец получал пособие в размере 18400 франков (235 западногерманских марок). Ежемесячное жалованье рядового легионера составляло 1800 франков (23 западногерманские марки).[1, с.599]

Французы не ошиблись, вербуя в свою армию и отправляя в Индокитай бывших противников. Немцы воевали, демонстрируя прекрасную боевую выучку, упорство и дисциплину. Некоторые из них были включены в состав парашютных подразделений. Например, в октябре 1947 г. три роты парашютистов десантировались в Бак Кань (северный Вьетнам) – место расположения штаб-квартиры коммунистического объединения Вьетминь. Используя фактор внезапности,

колониальные солдаты нанесли поражение бойцам ВНА, захватили массу важных документов. Только благодаря мужеству и самопожертвованию бойцов охраны, руководителю Вьетминя Хо Ши Мину удалось избежать неминуемого плена.[8, с.122-123]

В составе 1-го парашютного батальона Иностранного легиона, сформированного в 1948 г. были бывшие десантники из авиаполевых соединений Германии. Бытует мнение, что многие из них служили в парашютных частях СС. Это неверная точка зрения. В 1945–1948 гг. десантные войска во Франции только создавались. Не хватало опытных специалистов. И под особое внимание командования Легиона, попадали добровольцы, служившие в авиаполевых частях, прошедшие Крит, Норвегию, Югославию. Но парашютные соединения подчинялись ведомству Г. Геринга, а не Г. Гимmlера. В войсках СС был только 500-й парашютно-стрелковый батальон (впоследствии 600-й парашютно-стрелковый батальон).[10, с.154-157] Следовательно, эсэсовцев-десантников, попавших в Легион, могли быть единицы.

На втором этапе 1949–1954 гг. среди легионеров были немцы, в основном, приехавшие во Францию на заработки. Многие из них поступали на службу, лишившись работы. Например, в письме 30 июля 1949 г. легионер Альбрехт Арно писал своему приятелю в г. Валлендорф: «Наше рабочее место находилось в районе Лилля. До конца ноября 1947 г., когда разразилась большая забастовка, я спускался в шахту в качестве горнорабочего. Забастовка окончилась 18.XII-1947 г. и была проиграна рабочими. После этого положение там было невыносимым и я в Рождество, вместе со многими другими подписал договор на 5 лет для отправки в иностранный легион. В Оране нас погрузили на пароход, идущий в Индокитай. С 1945 г. легион зачислен в состав французской армии. Снаряжение у нас хорошее, но большей частью это все английский и американский материал. В легионе есть представители 30-ти различных стран. Но 50 проц. Легионеров – немцы, и наверное 70 проц. – говорят по-немецки. Деловым языком является французский, который мы постепенно учим...»[12, с.66]

В 1949–1953 гг. немцы вступали в Иностраный легион не в поисках спасения от возмездия, а в поисках спасения от лишений плена, а в более поздние времена – заработка. Германия лежала в руинах, на скорую политическую и экономическую стабилизацию рассчитывать не приходилось. Для некоторых молодых мужчин, не имевших профессии и образования, но зато умевших повиноваться и воевать, Легион был выходом. Немалое значение имела и политическая составляющая. Среди будущих легионеров были восточные немцы, не желавшие оставаться в прокоммунистической ГДР, образовавшейся в 1949 г. Следует учесть, что волонтерам внушалось, что им придется сражаться с коммунистами, угрожающими всему «свободному миру».

Рейхельт Ганс писал своему брату Хельмуту, проживавшему под Дрезденом: «...Сейчас я нахожусь в Индокитае на Сиамской границе. Я стою на посту... Однажды во время сбора риса на нас напали бандиты. Вражеские машины,

Лоло М.М.

канд. полит. наук, доцент Государственного университета управления, Россия

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Десять лет назад на экраны Азербайджана, а затем и других постсоветских стран вышел фильм режиссера В. Мустафаева «Национальная бомба». Это – своеобразная кинематографическая притча о проблемах кинопроизводства на постсоветском пространстве. Главные герои ленты – пожилой заслуженный монтажёр и молодой амбициозный режиссер, готовые пойти на что угодно, лишь бы закончить работу над фильмом в условиях безденежья. Фильм-притча о том, как в этой жизни ничего не монтируется, завоевал «Гран-При» на I Международном кинофестивале стран СНГ Латвии, Литвы и Эстонии «Новое кино. XXI-век» в Смоленске в 2004 г., и в том же году «Гран-При» на кинофестивале комедийных фильмов «Улыбнись, Россия» в Великом Новгороде. На XV Международном Варненском кинофестивале в Болгарии, 2007 г. лента была удостоена академического приза Софийского Университета им. Святого Климента Охридского – «Горькая Чаша». К сожалению, «Национальная бомба» не была по достоинству оценена на Московском кинофестивале ни членами жюри, ни большинством российских и зарубежных критиков. Это результат того, что кинематографистам бывших советских республик практически во всех проявлениях сферы кино, к которой относится производство фильмов, прокат, связи деятелей киноиндустрии и др. при становлении нового национального кинематографа в полной мере пришлось отпить из горькой чаши сложностей и разочарований. Поэтому они не оставляли попыток сохранить то, что отличает общую культурно-историческую традицию народов, живущих на постсоветском пространстве, частью которого является кинематографическое пространство.

Следует заметить, что кинематографическое пространство, отражающее постсоветские реалии, несет на себе отпечаток не только особенностей развития культуры, но и политики. Об изменениях в этих сегментах постсоветской культурно-политической жизни можно достаточно точно судить по представлениям национальных кинематографических школ на фестивалях, охватывающих творчество кинематографистов стран СНГ и Балтии.

Открытый фестиваль «Киношок» по традиции проходит ежегодно в сентябре в черноморском курортном городе Анапа и является авторитетным международным кинофорумом, возникшим в 1992 г. для показа авангардного кино. Это отразила эмблема первого фестиваля, которая выглядела как превращенные в кукиш и обрывок киноплёнки серп и молот. Впоследствии рисунок был заменен

в том направлении, что давайте всем русским миром объединимся против бендеровщины как варианта неонацизма и поможем братскому славянскому народу. Следует вспомнить, как объединился российский народ для помощи крымчанам, создавался устойчивый идеологический миф, что якобы жители Крыма голодают и просят помощи от рьяных националистов из Киева у братского российского народа. Те, кто любит отдыхать в Крыму, может вспомнить о том, что Крым никогда не бедствовал, супермаркеты и рынки Южного берега Крыма были полны всяческого и недорогого товара, а отношение среди крымчан к отдыхающим из Украины, России, Белоруссии, Молдовы всегда были мирные, никакого проявления национализма не было. Создание комплекса врага из дружественного россиянам украинского населения имеет смысл их национального принижения и утверждение геополитического принципа, что Россия сильная страна, и ей больше всех разрешается вмешиваться в дела соседей. По мнению российского руководства укрепление и расширение ЕС с вхождением Украины, потеснит влияние России в этой важной европейской части, следовательно, нужно принять новый план раздела Украины, то есть создание новой страны – Новороссии (это допотопная идея об украинской территории, которая была в составе Российской империи времен Екатерины Второй, ныне возрождается в агрессивных намерения антиукраинских политиков, так как ничего нового они не придумали). Для проведения такого плана территориального передела Украины, все средства хороши, и власти РФ без уважения к славянскому народу и православному единению между россиянами и украинцами, финансирует терроризм и сепаратизм на востоке Украины.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что перспектива дальнейших отношений между россиянами и украинцами будет, в конечном итоге, иметь примиренческую тенденцию на таких принципах: а) создание атмосферы взаимопонимания политических, экономических интересов; б) отказ от стереотипа врага; в) восстановление дружеских отношений, г) создание позитивного образа дружеского народа.

которые управляются красными, также почувствовали на себе силу немецкого меча. Это еще раз напомнило им о том, что хотя в Европе война проиграна, сейчас в Индокитае целая немецкая дивизия, состоящая из бывших немецких военнопленных, находившихся в плену во Франции, в составе африканского корпуса, борется под чужим флагом за Германию»[12, с.66]

С. Социаль, проживавший во французском секторе Западного Берлина 3 июля 1949 г. писал Хильде Словик в Лейпциг: «Как я тебе уже сообщил, я должен ехать в Индокитай и нахожусь сейчас в сборном лагере до погрузки на корабль... Сделано заключение, что легион является лучшей квалифицированной армией Франции, и без нее последняя выглядит плохо. В данный момент состоит из 60000 немцев, и на этих людей можно надеяться. В Индокитае имеется целый батальон СС, и там где они проходят, не остается живого места».[12, с.65]

Мнение о существовании в составе Иностранного легиона целых подразделений, укомплектованных исключительно немцами, также неверно. Все структуры этого соединения создавались по стандартам армии Франции. Исключение составляли только азиатские и африканские колониальные войска. Подобные утверждения являются не более чем слухами.

В боевых действиях в районе Дьен бьен Фу в 1953–1954 гг., по французским данным, участвовали 1600 легионеров-немцев.[1, с.599] Были среди них бывшие солдаты вермахта, частей СС? Автор считает, что это утверждение ошибочно по следующим причинам:

Во-первых, к 1953–1954 гг. у многих немцев, завербованных в Легион, сразу после 1945–1948 гг., элементарно закончился пятилетний срок контракта. В конце 1940-х гг. подавляющее большинство военнопленных было репатриировано. Следовательно, немцы вербовались в Легион не из желания избежать жестокого обращения в лагере или наказания за военные преступления. Их влекло, исключительно, желание заработать хорошие деньги.

Во-вторых, по мнению известного американского исследователя колониальной войны в Индокитае 1946–1954 гг. Б. Фэлла, средний возраст легионеров, воевавших в 1953–1954 г. был 23-24 года.[13, р.439-440] Следовательно, немцы, сражавшиеся под Дьен Бьен Фу, в 1945 г. были 12-13-летними юнцами. Такие «воины» даже в «фольксштурме» были исключением из правил, не говоря уже о частях СС и СД. Конечно, известны факты участия малолетних «фольксштурмистов» в боях в апреле-мае 1945 г., а впоследствии в акциях отрядов «Вервольф». Но это – исключение, а не массовое явление.

Некоторые версии, подтверждающие факт участия бывших эсэсовцев в сражении под Дьен Бьен Фу не выдерживают никакой критики. С.С. Балмасов в одной из своих публикаций утверждал, что в 1954 г. во вьетнамских лагерях военнопленных действовали представители спецслужб СССР, занимавшиеся поиском военных преступников. «Они искали бывших советских граждан, граждан социалистических стран Восточной Европы, а также эсэсовцев. Последних опре-

деляли очень просто – по характерным татуировкам на руках. Эсэсовцы отмечали буквами латинского алфавита свои группы крови «А» – 1 группа, «В» – вторая группа».[3, с.42] В своем исследовании по истории Иностранного легиона Балмасов утверждал, что «советские товарищи» после идентификации эсэсовцев «после непродолжительного допроса их жизни обрывали выстрелы... Впрочем, несколько бывших эсэсовцев исхитрились срезать с мясом такие татуировки, выжить и вернуться из плена!».[1, с.671]

В январе 1950 г. СССР официально признал правительство Демократической республики Вьетнам. Это состоялось в период переговоров между Советским Союзом и Китаем, когда представители Вьетмина в составе делегации КНР впервые прибыли в Москву. Признание ДРВ советская администрация официально не афишировала. В 1952 г. Хо Ши Мин вновь неофициально посетил СССР и в составе делегации КНР присутствовал на XIX съезде КПСС, лично встречался со Сталиным. По некоторым данным, лидер ПТВ (Партия Трудящихся Вьетнама) предложил Кремлю подписать соглашение о дружбе и взаимопомощи с правительством ДРВ. Кроме того, Хо Ши Мин обратился к Сталину с просьбой предоставить вьетнамским коммунистам определенное количество оружия и необходимых материалов. Однако Москва ответила отказом. Сталин заявил, что оказание помощи вьетнамским коммунистам – первоочередная задача Китая.[14, р.38]

Несмотря на укрепление контактов между Кремлем и руководством вьетнамских коммунистических сил, между ними не существовало никаких официальных договоренностей. Часть вооружения советского производства, в том числе и тяжелого, переданная в КНР, поступила в части коммунистической Вьетнамской Народной Армии на заключительном этапе колониальной войны. Однако, данный факт не являлся инициативой Кремля. Несмотря на признание вьетнамского коммунистического правительства, СССР воздерживался от немедленного установления тесных связей с руководством ДРВ. Поддерживая антиколониальные движения в Азии, в том числе и в странах Индокитая, СССР не собирался оказывать прямой финансовой или военной помощи ПТВ. Подобная позиция объяснялась рядом следующих факторов:

1. СССР в начале 1950-х гг., заинтересованный в победе на выборах представителей Компартии Франции, не желал осложнять отношений с официальным Парижем. Советский Союз сотрудничал с Францией по проблеме ремилитаризации ФРГ. Кроме того, Москва была заинтересована в поддержке французской администрации по ряду вопросов европейской политики.

2. Советские руководители не располагали исчерпывающей информацией о внутривосточной ситуации в Индокитае. Прямых контактов Москвы с вьетнамскими коммунистами не существовало. Кроме того, в СССР не хватало специалистов по Вьетнаму, Лаосу, Камбодже.

3. В начале 1950-х гг. правительство СССР было заинтересовано, главным образом, в стабильности положения коммунистических режимов в КНР и КНДР.

Д. Медведева, В. Путина, проведение массовых мероприятий представителями российской эстрады, свободное действие пророссийских партий и движений. Своим влиянием на сознание крымчан украинская крымская власть стидливо уступала российскому влиянию, не понимая главной особенности момента – шел процесс завоевания сознания крымчан в сторону российского интереса. События на Майдане стали детонатором активизации социально-политических процессов по всей Украине, происходил процесс очищения власти в центре и на местах от засилия олигархически-криминальных связей и установлении новых отношений регионов к центральной власти Киева. Неравномерное распределение финансовых потоков из регионов в центр, вот основное противоречие в таких обстоятельствах, когда Киев все больше обогащался и расстраивался, а украинские окраины беднели и оставались со своими проблемами в одиночестве (скудный бюджет, плохие дороги, отсутствие жилищного строительства и прочее). Эти противоречия проявились в новом движении региональном сепаратизме в качестве преодоления баланса отношений между центральной и месной властью. Тогда й образовались сепаратистские республики в шахтерском регионе Донбасса – ДНР и ЛНР которые потребовали некоего «особого» статуса для этих областей. Хотя суть их требований ясна – это отчленение Донбасса от Украины и всановление власти месных олигархов и полевых командиров вооруженных отрядов из месной самообороны. Прежняя власть, которая имела происхождение из донецкого региона, стремилась сделать этот послушный регион своей вотчиной, куда б можно будет спрятаться в случае кризисных обстоятельств, потому властолюбцы присваивали финансы, имущество, жилье государства. Таким образом, государство оказалось в кризисной ситуации, а именно, как потом отметил премьер-министр Украины А. Яценюк «Казна пустая». А в Украине нарастали очевидные социально-экономические проблемы: массовая безработица, понижение жизненных стандартов, сепаратизм, коррупция. Изгнание олигархической власти в Украине серьезно озадачило российскую власть, с той стороны, как бы майданные настроения украинцев не задели российское общество, ведь запах свободы всегда приятно пахнет и возбуждает к протесту. Но информационная обработка СМИ РФ мышления россиян блокировала их способность к правдивому и критическому пониманию событий в соседней Украине. В российских СМИ создаются блокирующие мыслеформы, – Украина страна, где правят бендеровцы, националисты, хунтисты и прочее, что возбуждает россиян к применению архетипных форм восприятия украинских событий со времени войны 1941-1945 годов. К сведению читателей следует отметить тот исторический факт, что движение бендеровцев и их организации ОУН-УПА закончили свое существование в 1956 году, со смертью их лидера С. Бандеры. А потому муссировать эту застарелую историческую формулировку в сторону ее продолжения в реальном времени это некорректно и неоправданно, а может быть и преступно. Под таким искаженным пониманием исторических обстоятельств украинской истории, современное правительство России инициирует народное движение среди россиян

Ющенко, а баллотирующий президент их делал на первых шагах его правления; б) повышения жизненных стандартов для населения. Но эта задача оказалась для его правительства чудовищно сложной, начиная с времен постороения коммунизма; в) вступление Украины в ЕС, что в принципе было возможно со стороны украинского общества, так и со стороны Европы. Но этому процессу противилась Россия и дала «отбой» В. Януковичу в подписании договора об ассоциации с ЕС. И наконец, главная задача для нового президента стояла касательно снижения цены на поставки российского газа. Следует учитывать тот фактор, что завышенная Газпромом РФ цена на газ для украинского потребителя это есть узда на их свободный политический выбор. Россия смирилась с тем геополитическим условием, что жизненные стандарты европейцев и американцев выше российских, но чтобы уровень жизненных стандартов украинцев начал опережать уровень материального благополучия россиян, это недопустимо. Почему? Ответ ясен, дело в том, что соревнование между двома славянскими правительствами идет за симпатии россиян и русскоговорящих украинцев за сферу их влияния на европейском континенте. Конкретно, это коснулось Крыма, ведь там проживает большее количество россиян 1 млн. 200 тысяч, по сравнению с украинцами, их там проживает 600 тысяч и крымских татар – 300 тысяч. Тема Крыма всегда была в центре геополитических интересов РФ, и главная задача состояла в том, чтобы убедить крымчан, что это есть исконно русская земля, а не украинская, и тем более крымско-татарская. Через СМИ РФ шел процесс «промывки мозгов» крымчан для того, чтобы они усвоили, что Украина незаконно владеет Крымом, и что это есть политическая ошибка Н. Хрущева, касательно передачи Крыма в состав УССР. Мысли Н. Хрущева сводились к тому фактору, что Крым связан с материковой частью Украины, и кто, как не Украина будет поднимать экономическую и социальную инфраструктуру отсталого региона. К примеру, Крыму необходима вода для орошаемого земледелия, электричество, сырье для работы промышленности, вывоз произведенной продукции через материк. Все это диктует необходимость взять под контроль инфраструктуру прилежащих областей. Без этих возможностей Крым – осажденный анклав. И сделано для Крыма украинской властью было много чего, но отношение к этому региону в Украине было с позиции: а) развития санаторно-курортной сферы; б) милитаризация этой территории. Потому крымчане не ощущали для себя настоящей заботы с позиции украинского государства и считали себя автономным народом-крымчанами, а не украинцами и россиянами. Их мышление не усваивало украинской символики, языка, культуры, они считали, что Крым есть особая территория, которая может развиваться самостоятельно. Украина предоставила Крыму автономию в 1994 году, и хотя он оставался в составе Украины, но в культурно-языковом отношении крымчане считали себя русскими. РФ всегда имела претензии приблизить к себе Крым и взять его под свое влияние, ведь если вспомнить, сколько российской символики продавалось на крымских пляжах: трехцветные флажки России, фуражки Черноморского флота РФ, скульптуры российских вождей Б. Ельцина,

Индокитай, в силу его географического положения не играл никакой роли в планах Москвы.

4. В начале 1950 гг. национально-освободительные движения охватили многие афроазиатские колонии: Тунис, Марокко, Кению, Египет, Бирму, Филиппины, Малайю, Индонезию. Следовательно, Вьетнам был всего лишь одним из участков антиколониальной борьбы.

СССР активно поддерживал вьетнамских коммунистов на переговорах в Женеве в 1954 г. Предоставление Москвой военно-технической помощи Китаю в первой половине 1950-х гг., в немалой степени, способствовало прекращению боевых действий во Вьетнаме и Лаосе в 1954 г. Тем не менее, вышеизложенное не является доказательством присутствия советских военно-политических представителей в Индокитае, когда война еще не была завершена. Тесное сотрудничество КНР и ДРВ в период колониальной войны предопределило ориентиры Ханоя в 1950-е гг., в первую очередь, на Пекин, а не на Москву.

Таким образом, не подлежит сомнению, что немцы активно участвовали в колониальных войнах Франции в 1940–1950-е гг. в составе Иностранного легиона, в том числе и в Индокитае. Является фактом, что среди них было немало бывших военнослужащих, находившихся во французском плену после окончания 2-й мировой войны. Военнопленные массово поступали на службу в Легион в 1945–1948 гг. Среди них были бывшие солдаты и унтер-офицеры войск СС, но не находившиеся в розыске, как военные преступники. Основной причиной, по которой французские власти не препятствовали их вербовке, был боевой опыт волонтеров, необходимость в пополнениях. В 1949–1954 гг. также наблюдался приток немецких добровольцев в Иностранную легион, но причинам экономическим, реже – политическим. Следовательно, точка зрения о массовом участии в колониальной войне в Индокитае 1946–1954 гг. бывших эсэсовцев – военных преступников, скрывавшихся от возмездия, является мифом. В сражении за Дьен Бьен Фу 1953–1954 гг. их не было и в помине.

Литература:

1. Балмасов С.С. Иностранная легион. – М.: Яуза, Эксмо, 2004.
2. Балмасов С.С. Дьен Бьен Фу: подвиг и Голгофа Иностранного легиона. // Солдат удачи. 2003. № 12. С.37-40.
3. Балмасов С.С. Дьен Бьен Фу: подвиг и Голгофа французского Иностранного легиона. // Солдат удачи. 2004. № 2. С.39-42.
4. Бишоп К. Иностранная добровольцы в войсках СС 1940–1945 гг. – М.: Эксмо, 2006.
5. Верт А. Франция. 1940–1955. – М.: Иностранная литература, 1959.
6. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946–1975). – М.: Изографус, Эксмо, 2002.

7. Дробязко С.И. Романько О.В. Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. – М.: АСТ, Астрель, 2009.
8. Иванов В.В. Колониальная война Франции в Индокитае 1946–1954 гг. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009.
9. Карель П. Беддекер Г. Немецкие военнопленные второй мировой войны 1939–1945. – М.: Изографус, 2004.
10. Макнаб К. Парашютисты III рейха. – М.: ЭКСМО, 2005.
11. Рут Ф. Вервольф. Осколки коричневой империи. – М.: Яуза-Пресс, 2007.
12. Поливанов И.Н. Военнослужащие французского Иностранного легиона в Индокитае в конце 1940-х–начале 1950-х гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С.62-68.
13. Fall B.V. Hell in Very Small Place: The Siege of Dien Bien Phu. Da Capo Press, 2000.
14. Qiang Zhai. China and the Vietnam Wars, 1950-1975. The University of North Carolina Press. 2000.

Бойко Николай Петрович
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права
Днепропетровского государственного
технического университета.

НОВЫЕ РЕАЛИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ

Анотация: В статье актуализируется тема формирования политических отношений России и Украины. **Ключевые слова:** глобализация, сепаратизм, национализм.

Современный порядок международных отношений подвержен некоторыми условиями его установления: глобализация, экономический кризис, поиск минеральных и энергетических ресурсов, духовно-культурная дегуманизация. Новые международные стандарты касаются определенных стран, которые, смысл своих отношений с соседними странами видят в аспекте вмешательства в их внутренние дела. Свое новое положение в мире определяет Россия, которая укрепляет свое могущество за счет усиления вооруженных сил, поставок энергетических ресурсов на мировой рынок, ища в этом некий способ удовлетворенности своих глобальных интересов. Есть еще один вариант понимания удовлетворенности, это отобрать благо у своего соседа за счет применения способов насилия. Это касается событий в Восточной Украине. Не все украинцы до сих пор понимают суть событий на киевском Майдане Независимости, которые происходили в октябре 2013 по март 2014 г.г. За массовым выступлением студентов киевских вузов, которые требовали проведения реформ в образовании и борьбы с коррупцией, также выступили оппозиционные партии, против единоначальной диктатуры партии Регионов и ее президента. Все события вылились в кровавое столкновение майдановских активистов с отрядами беркутовцев, которые защищали власть. Этого процесса можно было избежать, если б президент вовремя подал в отставку и объявил новые президентские выборы, тогда был бы шанс мирного развития политического процесса в Украине. Но так не получилось. Прошлая власть строила свое благополучие, пользуясь безнаказанностью в присвоении общественных благ в виде присваивания средств налогоплательщиков и таким способом жила роскошно, не ощутив процесса надвигающейся угрозы ее свержения. Лидер партии Регионов В. Янукович, когда баллотировался на пост президента Украины имел все возможности стать полноправным лидером страны по следующим признакам: а) отсутствие реформ со стороны президента В.

Ситуация, когда правящая элита становится зависимой от действий оппозиции, является важным мотивом для осторожного и ответственного правления самой власти. Правящая элита будет вынуждена много работать, будучи заинтересованной в позитивных изменениях и оправдании общественных ожиданий. Эффективное правление будет ослаблять шансы оппозиционной элиты – власть прекрасно понимает это и пытается использовать имеющиеся у неё шансы.

Таким образом, сформировавшиеся на постсоветском пространстве политические режимы, так или иначе, по-разному, с учётом присущих им специфик, воспроизводят отношения между властью и сопротивлением. Отношения эти выстраиваются в большей степени под контролем самой власти, иначе политические режимы имели бы большие демократические достижения. Опыт некоторых государств показывает, что могут быть актуальны и сценарии с сильным сопротивлением, приводящие к частым циркуляциям элит, и, в конечном счёте, и формирующие довольно низкую общественную терпимость к репрессии и принуждению. Безусловно, опыт противостояния власти и сопротивления не является универсальным и варьируется в зависимости от доминирующего типа политического режима, и связанного с ней типа политической культуры.

Литература

1. Погосян Г.А. Социальные трансформации в Армении. // Социс. – 2005. – № 12.- С. 77 – 86.
2. Фуко М. Восстановить бесполезно? (пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина) // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). – С. 16 – 20.
3. Карл Г.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций. // Полис. – 2004. – №4. – С. 6 – 28.
4. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes. // Journal of Democracy. – 2002. – Vol.13. – Number 2.
5. Скиперских А.В. Интеллектуалы в процессе становления демократических институтов в постсоветском Узбекистане. // Социум и власть. – 2011. – № 1. – С. 51 – 56.
6. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций. // Полис. – 2004. – №2. – С. 64 – 76.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
8. Голосов Г.В. Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов. // Полис. – 1997. – №4. – С. 44 – 56.

Панфилова Татьяна

кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и философии,
Львовский региональный институт государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СПОРТИВНЫЕ ЮНОШЕСКО-МОЛОДЕЖНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЧИНЫ (XIX- XX СТ.)

Аннотация. Статья о зарождении и формировании молодежных культурно-образовательных и спортивных товариществ Восточной Галичины, их роль в утверждении национального самосознания и создании структур украинского гражданского общества.

Ключевые слова: Восточная Галичина, гражданское общество Национальное самосознание, национально-культурное развитие, молодежные культурно-образовательные и спортивные товарищества.

Abstract. The article dedicated to events of the Ukrainian history in XIX-XX centuries, in particular consolidation of Ukrainian national-patriotic forces around and their activities to create network of cultural-educational and scientific structures, their further consolidation to societies and organizations. An activity of such societies and organizations is described, in particular in sphere of popularization of Ukrainian language, publications of textbooks and periodicals. Exceptional importance of cultural-educational and scientific societies and organizations for formation of civic society in Ukraine and, mainly in Eastern Halychyna is argued.

Key words: Eastern Halychyna, civic society, national consciousness, national-cultural development, cultural-educational societies

Культурно-образовательные и социальные реформы в Австрийской империи XIX века влияли на рост политической активности галицкой молодежи. Большое влияние на развитие национально-освободительного движения в Восточной Галиции имело творчество Тараса Шевченка, Пантелеймона Кулиша, Николая Костомарова и других выдающихся писателей и ученых, а особенно, сформированного 1846 года Кирилло-Мефодиевского братства – политического товарищества, целью которого было просвещение народа, ликвидация крепостничества и классовых привилегий, национальная свобода угнетенным славянским народам и создание федерации равноправных славянских народов [8, С. 12]. Кружок «Руська Трийця» (1834-1843) был первым молодежным культурно-образовательным товариществом в Восточной Галиции, а самым старым

студенческое общества – «Сич» (Вена, 1867 г.), члены которого стали выдающимися деятелями украинской науки и культуры – Анатолий Вахнянын – первый председатель товарищества «Просвита», Юлиан Целевич – политический деятель, Иван Горбачевский – профессор Пражского университета, Михаил Борискевич – профессор университета в Граце, Иван Пулюй – выдающийся ученый, профессор политехники в Праге.

Под влиянием Кирилло-Мефодиевского братства и гражданско-политического движения на Надднепрянской Украине, в 60-х годах XIX века в Восточной Галиции зарождалось ранненародническое движение, участники которого, в большинстве студенты, создавали общества. В 1862 году уже действовали два таких общества Львовской духовной семинарии и Львовского университета. В становлении молодежного движения важная роль отводилась народнической прессе, в частности изданиям «Вечорницы» и «Мета», которые и сформировали главные принципы национально-политической идеологии ранних народников. В июне 1862 года такие общества были созданы в Перемышле и Самборе, 1863 – начале 1864 в Станиславове и Тернопольской гимназии, одним из основателей которой был Иван Пулюй. Такие организации создавались в Бережанах, Черткове, Дрогобычской гимназии. У галицких обществ была одинаковая структура, устав, вийт (руководитель), писарь, библиотекарь и контролер. Вступление в общество воспринималось как принятие в козацкий рыцарский орден. Члены общества называли себя казаками, братьями. Главная цель обществ – национальное самообразование, популяризация украинского языка, ознакомление с литературными публикациями газеты «Мета». «Это наша защита, которую мы стараемся алее расширять всеми силами» – заявлял известный общественный деятель Дмитрий Тянячевич.

Интересной страницей деятельности обществ было издание собственных рукописных изданий Львовской Духовной семинарией и Станиславовской гимназией («Клеймо», «Гомин», «Фирман», «Вищун», «Зирка»). Таким образом, общества исполняли важную роль в формировании украинского национального движения в Галиции и становлении неформальных ранненароднических товариществ.

Характерной особенностью Восточной Галиции были спортивные общества – «Соколы», скауты и сичевые организации, которые имели прежде всего национально-патриотический характер. Главная цель их деятельности заключалась в том, чтобы спортом и дисциплиной укрепить духовно и физически молодое поколение, развить в нем патриотизм и, таким образом, направить его на реализацию идеи «Все для Родины» [7, С.380-388].

В странах Западной Европы, в частности в Чехии, соколовское движение началось в середине XIX века. В 1882 году на первом соколовском собрании в Праге приняло участие 720 спортсменов, а на 5 съезде уже 20 тысяч, в 700 соколовских товариществ было более 75 тысяч членов [9, С.67-69].

На территории Галиции польские товарищества «Сокил» были созданы 1881 г. Во Львове, Тернополе, Бродах, Рогатыне, Залещиках, Золочеве, Теревовле,

люции роз», с его попытками затруднить жизнь оппозиционным СМИ. Заклеенные скотчем рты журналистов оппозиционных каналов могут служить красноречивой метафорой авторитарной метаморфозы бывшего грузинского президента.

Впрочем, отношения между властью и сопротивлением в приводимом сценарии вовсе не обязательно должны сводиться к какой-то результирующей формуле, где сразу же будет установлена подчинительная диспозиция одного в отношении другого. Отношения власти и сопротивления должны напоминать позиционное взаимодействие, тактические игры, размен и уступки друг другу. В принципе, данная ситуация свидетельствует о том, что взаимодействие осуществляется между достаточно сильными акторами, обладающими серьёзными ресурсами и неплохим запасом прочности. Поэтому, ожидать какой-либо конфронтации и прямого столкновения здесь не приходится. Стороны (власть и сопротивление) предпочитают позиционно-тактические игры и по мере необходимости – торг, нежели прямое подавление и обострение отношений. На наш взгляд, данная модель является достаточно жизнеспособной. Иллюстрацией данной модели может стать ситуация в ряде субъектов РФ, где существует консенсус между ключевыми политическими акторами.

Третий сценарий является распространённым в условиях политических кризисов и предполагает ситуацию, когда власть оказывается слабее сопротивления ($A < B$).

Опыт постсоветского пространства показывает, что такие примеры могли быть. В частности, все случаи «цветных» революций могут свидетельствовать о наличии мобилизованной и подготовленной оппозиции, готовой моментально взять власть. Таков опыт Грузии, Украины и Кыргызстана. В политическом дискурсе России вплоть до настоящего времени обсуждается вопрос о том, как могла бы развиваться Россия, если бы в 1996 году президентом стал Г. Зюганов. Действительно, сложно отрицать на тот момент времени силу коммунистической оппозиции в России, фактор «красного пояса», выигрываемые губернаторские кампании в регионах, низкую популярность самого Б. Ельцина и т.д.

Успех оппозиционных сил в период «цветных» революций вовсе не означает, что новая элита может позволить себе расслабиться. Наоборот, новая элита оказывается в ситуации, когда против неё запускается полноценный информационный, экономический, и социальный ресурс. Начинают работать оппозиционные СМИ. Активизирует свою деятельность оппозиционная элита, составленная из бывших представителей поверженной власти.

Нельзя сбрасывать со счетов и общественные настроения. Некоторые исследователи склонны видеть зависимость между результатами проводимой политики конкретной элитой и готовностью общества её поддерживать. В частности, подобной точки зрения придерживается Г. Голосов, считающий, что «существует прямая связь между положением в экономике и результатами выборов» [8, с.45]. Безусловно, подобные предположения отправляются от неких идеальных моделей демократии, где представители любой власти живут в постоянном ощущении тревоги за своё политическое будущее.

Опыт сопротивления власти наделяет слабую сторону довольно сильными рычагами давления на власть. Правило демократии требует, чтобы власть не кристаллизировалась (термин Г. Моски), а сохраняла открытость и прозрачность.

ваться в периоды политических кризисов, когда перед правящей элитой актуализируется дефицит ресурсов. Тогда к власти приходит оппозиция – выбор в пользу пактовой модели взаимодействия не превращает её в политический архаизм.

Конечно, приводимый нами сценарий взаимодействия власти и сопротивления является характерным для демократических режимов. В настоящий момент достаточно сложно квалифицировать какие-то постсоветские режимы как демократические. Исключение могут составлять лишь Латвия, Литва, Эстония, которые, по мнению С. Хантингтона, уже «перешли стабильной демократии» [7, с.298]. Сам факт присутствия данных государств в Евросоюзе говорит о многом. Неплохие шансы к воспроизводству отношений «власть – сопротивление» как отношений между равных, либо приблизительно равных в ресурсах акторов в настоящий момент есть у Молдавии. Ещё в начале 2000-х гг. Л. Даймонд относил Молдавию к либеральной демократии. К амбивалентным режимам исследователь относил Армению, Грузию и Украину [4].

Наиболее драматичным взаимодействием власти и сопротивления на постсоветском пространстве можно считать опыт современной Украины. Правящая элита там всегда балансируется мощным сопротивлением.

Вспомним, как с переменным успехом к власти приходили представители то одной, то другой политической силы, изначально ассоциировавшиеся с различными векторами развития Украины, и представлявшие интересы территорий, что обеспечивало им электоральную поддержку.

Показательно, что в тот момент, когда доверие к власти сильно подорвано, когда актуализируется вопрос о люстрации, но власть не может чересчур резко «зачистить» политических оппонентов только из-за того, что у них может быть другое представление о траектории развития Украины, имеют место попытки нарастить утраченную легитимность за счёт инкорпорации во власть представителей оппозиции, известных общественных деятелей, журналистов и блогеров, полевых командиров, получивших общественное признание.

Вообще, смена власти является испытанием для политической системы. Будет ли новая власть находится перед искушением авторитаризации политического дискурса и постепенного дистанцирования своих оппонентов? И наоборот. Сохранение преемственности, при которой власть может отчуждаться в рамках прописанных правил, будет свидетельствовать о следовании базовым основам демократии.

Представленный нами сценарий не всегда приводит к узурпации власти оппозиционной элитой, у которой есть опасность перерождения в новый закрытый класс. Данный вариант – дефектный, он представляет собой исключение из правил, хотя современный политический процесс изобилует примерами авторитарных мутаций политиков – бывших приверженцев демократических ценностей демократов. В качестве примера можно привести М. Саакашвили после «рево-

Черткове, Зборове, Подгайцах, Олесько, Гусятыне, Бусько. Украинские товарищества «Сокил» создавались в конце XIX века – 1892 года студентами товарищества «Ватра» во Львове и «Академического братства» 1896г. Позже «Академическое братство» объединилось с товариществом «Ватра», создав единое общество «Академическая громада», в которое входили Богдан Лепкий, Владимир Нагирный и другие. 1883г. Иван Франко и Владимир Лаврицкий подготовили проект устава товарищества «Сокил», которое стало полезным для «Просвиты», потому, что дополняло его организационно-образовательную деятельность.

Первое собрание товарищества «Сокил» прошло 17 июля 1892 года в Народном Доме при участии академической и ремесленной молодежи. На собрании с докладом об уставе товарищества выступил Владимир Лаврицкий, в том числе рассматривались различные варианты его названия: «Сич», «Львовская сич», «Галицкий лев», «Украинский лев» и др. Участники собрания остановились на названии «Сокил» – всесловянской идеей. Председателем «Соколив» избрали директора «Народной торговли» Василия Нагирного. В 1904 году в товарищество «Сокил» вступило много студентов во главе с Ярославом Ярославенком, композитором гимна «Соколы – Соколы», слова для которого написала Костянтина Малицкая. Она является автором слов многих патриотических маршевых стрелецких песен: «На сичи», «Вверх знамя», «В сич вставай», «На нашей Украине», «Сич в походе», ставших народными.

Впервые гимн прозвучал 6 апреля 1901 года на выступлении львовского украинского «Сокола». Этот гимн стал любимой патриотической песней «Соколов», популяризовав их деятельность. По сравнению с 1903 годом, в котором было зафиксировано деятельность 20 «Сичей» и 4 «Сокола», то в следующем 1904 – 122 и 80. В конце 1908 года в селах и городишках Львовщины было 400 сокольско-пожарных филиалов, насчитывающих 10397 членов, в том числе 400 женщин, 66 филиалов имели свои библиотеки, в которых было 3500 книжек, 92 филиала выписывали 144 газеты. Члены филиалов собирались в 124 читальнях «Просвиты» и 29 в частных домах. Филиалы товарищества возглавляли 118 крестьян-хлеборобов, 51 священник, 9 служащих, 7 ремесленников, 6 учителей и 3 студента университета. [9, С.82-85]

В 1880, 1882 годах студенчество Львова объединялось вокруг кружков «Дружный лыхварь», а затем «Академическое братство». В «Дружном лыхваре» собирався литературно-исторический кружок, а потом и юридический, в который входили Кость Левицкий, Евгений Олесницкий и Андрей Чайковский. Членами кружка в разные годы были Северин Данилович, Корнило Трилевский, Николай Шухевич, Степан Федак, Владимир Охримович и другие. Кружок действовал под эгидой «Академического братства» и сотрудничал с «Академическим кружком». В 1883 году при «Академическом братстве» начал деятельность «Этнографично-статистический кружок», инициатором создания которого был Иван Франко. В письме Климентине Попович Иван Франко писал, что членом кружка

может бить каждый, кто собирает материалы – сказки, песни... и отвечает за квестонары. На первом заседании Иван Франко выступил с докладом «Статистика, яко метод и наука», Фактически он был руководителем и организатором кружка, создавал квестонары о жизни народа и выступал с докладами: 20 ноября 1884 года – «Критический обзор событий 1846 года в Восточной Галиции», а 2 декабря – «История упразднения панщины в Галиции 1848-1850гг.»

В «Этнографическо-статистическом кружке» Иван Франко сотрудничал с Михаилом Драгомановым, а именно посылал ему реферат по итальянской и французской литературе «О народной словесности». В ноябре 1884 года в составе «Академического братства» был создан еще один «Литературно-научный» кружок. «Академическая громада» тоже занималась научной деятельностью и насчитывала 25 членов, среди которых были: Степан Томашивский, Евгений Дзерович, Иван Билык, Степан Шухевич, Иван Макух, Иван Герасимович и другие. В 1884 году был создан «Экономическо-социологический кружок». Тогда же в «Академической громаде» начал деятельность кружок с 4 секциями: литературной, историко-юридической, философской и социально-экономической.

Студенческие товарищества формировали национальное мышление молодой интеллигенции. Из их среды вышла целая плеяда выдающихся гражданско-политических и культурных деятелей Восточной Галиции XIX – начала XX века: Иван Франко, Кость Левицкий, Евгений Петрушевич, Евгений Олесницкий, Северин Данилович, Кирилл Трилевский, Лонгин Цегельский, Степан Федак, Владимир Охримович, Николай Ганкевич, Степан Томашивский и многие другие. [4, С.274-278]

17 сентября 1880 года в Коломые состоялся первый съезд Украинских студентов Галиции и Буковины, в котором участвовали члены академических студенческих товариществ «Сич» в Вене, «Академический кружок» и «Дружный лихварь» во Львове, «Союз» в Черновцах – всего более 40 участников. В резолюции съезда указывалось о необходимости издания литературно-научного журнала и об объединении «Академического кружка» с «Дружным лихварем» и чтоб «Академический кружок» стал литературно-научным, а «Дружный лихварь» кредитным товариществом для всех русинов – академиков без партийного различия. В обращении к Академическому Сенату Львовского университета молодежь требовала возврата кафедры украинской истории и созывать руських академиков записываться на русько-украинские лекции. Но 28 июля 1881 года на это обращение украинской студенческой молодежи Сенат Львовского университета ответил, что «теперь к руськой петиции не может присмотреться». [2, С.182]

19 ноября 1881 года состоялось первое собрание «Юридического кружка» во Львовском университете, который возглавлял профессор Александр Огоновский, а членами его со временем были известные деятели политического движения в Галиции – Кость Левицкий, Андрей Чайковский, Евгений Олесницкий, Андрионик Могильницкий и Игнат Дзерович [2, С.183].

Проявлением патриотической деятельности соколовских товариществ была борьба галицкой молодежи за украинский университет во Львове. В 1906 и 1907

терять власть стал актуальным нарративом после «цветных» революций, недооценки оппозиции, а также чрезмерной коррумпированности системы. Безусловно, ярким примером коррумпированности может служить пример политического режима В. Януковича в Украине.

В данных типах режимов как раз и наиболее вероятен сценарий взаимодействия власти и сопротивления, где власть подавляет сопротивление. Официальное сопротивление носит «технический» характер, а деятельность институтов реального сопротивления максимально затруднена. Данные институты носят маргинальный характер, а попытки отдельных частей оппозиционного спектра вырасти в авторитетные структуры и вступить в диалог с властью бывают обречены на провал (опыт оппозиционного политического строительства в Узбекистане) [5, с. 51 – 56].

Второй сценарий предполагает равные возможности власти и сопротивления, что даст им возможность говорить друг с другом на равных (А = В). Ощущение друг друга как равного соперника не позволяет использовать подавление и репрессию в качестве стратегии собственного позиционирования ни одной из сторон. Подобная диспозиция была характерна для постсоветских режимов в начале 1990-х гг., когда как раз и происходил выбор в пользу той или иной стратегии развития политического транзита.

Ощущение равенства в ресурсах открывало не очень приятные перспективы в случае конфронтации политических элит, обещая затяжной конфликт. Поэтому, в данном случае стороны пытались как-то договариваться и идти на некий размен. Таким образом, вместо репрессии выбиралась пактовая модель. Кстати, известные транзитологи Т. Карл и Ф. Шмиттер в классификации моделей политических транзитов выделяют пактовые транзиты [3, с.13]. Данная модель как раз и свидетельствует о том, что политические акторы могли обладать равными шансами, что во многом и предопределяло траекторию развития политического процесса. Как отмечает А. Мельвиль, «легитимация пакта и его последующее развитие позволяли перейти к одному из ключевых моментов демократизации – проведению первых свободных и конкурентных выборов новой власти» [6, с.68]. В случае изначального равенства ресурсов было очень сложно предположить, какая политическая сила может преподнести сюрприз. Вспомним выборы в Государственную думу ФС РФ в декабре 2003 г., когда политическая партия ЛДПР набрала порядка 25 % голосов избирателей.

Данный сценарий свидетельствует о демократичности политического режима. В случае, если власть и хочет подавить оппозицию и укрепить свою позицию, у неё не выходит сделать это по причине ограниченности средств давления на оппозицию. Правящая элита может стать заложником и некоей демократической этики, предполагающей, что с оппонентами необходимо вести диалог.

И если власть может связываться определённой этикой, то для сопротивления, наоборот, открывается шанс легитимации. Шансы могут значительно увеличи-

в руки коммунистической номенклатуре, прекрасно искушённой в вопросах политического позиционирования.

Некоторые исследователи склонны полагать, что характер развития политических процессов во многом зависит от того, как прошли учредительные выборы, и какая политическая сила одержала на них верх.

В случае постсоветского пространства власть получила переродившаяся коммунистическая номенклатура, которая вовсе не собиралась делиться с оппозицией. Декоративный характер оппозиции, непопулярность протестных мессежей и закрытость политических режимов (их клановый характер) не смогли сформировать сильной альтернативы правящим элитам. Специфичность сформировавшейся конфигурации сообщает авторитарный образ самим политическим системам, где власть оказывается сильнее сопротивления. В начале 2000-х гг. американский исследователь Л. Даймонд относит к странам с конкурентным авторитаризмом Белоруссию и Россию. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан принадлежат к группе стран с гегемонистским авторитарным авторитаризмом. Туркменистан, по мнению исследователя, относится к политически закрытому авторитаризму [4]. Конечно, спустя десятилетие в отношении некоторых режимов картина изменилась. Следуя классификации Л. Даймонда, в группе государств с конкурентным авторитаризмом логично увидеть Армению. Какие-то из государств получают более жёсткий авторитарный индекс (Россия, Белоруссия). В некоторых государствах, наоборот, на счету оппозиционных акторов может появиться достаточно успешный опыт сопротивления, что несколько подрывает их авторитарный имидж (Кыргызстан).

Что связывает данные режимы? Безусловно, закрытость власти, проявляющаяся в отсутствии каналов вертикальной политической и социальной мобильности. Власть становится прерогативой клана. Появляются практики передачи власти внутри семьи (Азербайджан), либо внутри ближайшего круга окружения посвящённых и доверенных лиц (Туркменистан, Россия). Данные практики представлены в формате демократических выборов, проводимых в условиях, когда вся избирательная машина находится в подчинении у власти.

В обществах данных государств не принято реализовывать протестные настроения. Общество пронизывается репрессией настолько, насколько это необходимо власти. Политический лидер претендовать на роль национального лидера – отца нации, что будет предполагать тотализацию его образа в повседневной жизни. Достаточно вспомнить, как при жизни С. Ниязова в Туркменистане ему устанавливались памятники, и его именем назывались месяц календаря. Футболки с изображением В. Путина всё чаще входят в моду, популярные среди лояльной российской молодёжи, а его именем уже называют улицы. Подобные авторитарные объективации подчиняют себе культурный дискурс. Со временем, необходимость в протестном выражении теряет смысл. Авторитарный режим очень чутко следит за собственной безопасностью, потому как страх по-

годах произошли военные столкновения между польскими и украинскими студентами. 30 июня 1910 года в зале львовского «Сокола» более 600 украинских студентов приняли решение провести 1 июля 1910 года нелегально вече в стенах университета. Вследствие военных столкновений был убит студент Адам Козак и арестованы 120 студентов. 4 июля 1910 года на похоронах Адама Козака в форме соколов приняли участие соколы со Львова, Рогатына, Станиславова, Суховоли, Янова и других городов. На гробом выступил заместитель председателя «Сокола-Батька» известный политический деятель Лонгин Цегельский. [2, С.119-121]

Анализируя состояние политического движения и уровень консолидации украинских национально-патриотических сил конца XIX столетия и ситуацию в Восточной Галиции времен «Руськой Трийцы» и первых десятилетий после революции 1848-49 гг. Иван Франко писал, что вследствие деятельности новой галицкой молодежи национально-освободительное движение возросло до качественно нового уровня. По тому, что «Когда на пол столетия раньше ел три, ел 10 человек понимали святой долг трудиться на благо отчизны, то теперь эту обязанность уже принимают тысячи – ныне почти каждый русин интересуется публичными делами своей отчизны, а в самом народе живет пробуждается чувство своей народности и своих интересов».[10, С.251, 256]

Именно этому благородному делу – патриотическому воспитанию молодого поколения и посвящалась деятельность пластовых организаций в Восточной Галиции. Особенностью деятельности «Пласта» было то, что в отличие от «Соколов» и «Сичи», которые объединяли, в основном взрослую молодежь с 18 лет, «Пласт» начал формировать особенности и национальные признаки характера молодежи дошкольного возраста. По этому «Пласт» проводил образовательно-воспитательную работу помимо школы. В циркуляре Верховной Палаты указывалось, что «только при полном отмежевании «Пласта» от школы (имеются в виду польские и австро-немецкие школы) можно извлечь практическую ценность «Пласта» и отметить наглядные успехи».[5]

11 апреля 1912 года принято считать официальной датой создания преподавателем Украинской Академической гимназии во Львове Тисовским подпольного кружка «Пласт», который перерос став первым легальным кружком имени Петра Сагайдачного, став основой украинского «Пласта». Из воспоминаний Елены Степанив, семинаристки тогдашнего Украинского Педагогического Товарищества, пластуны, то эта организация занималась скорее военной, чем пластовой деятельностью. Позднее члены пластового кружка сыграли важную роль в стрелецком движении и своей деятельностью услужили украинскому освободительному делу. Сын Ивана Франка Петр тоже организовал подпольный пластовый кружок при филиале Украинской Академической гимназии во Львове с числа учащихся старших классов, в который вошло 120 учеников. [9, С.272-273, 284; 6, С.30-33]

Вершиной довоенного развития «Пласта» было участие его членов в соколовско-сичевом слете в честь 100-летия со дня рождения Тараса Шевченка. 28 июня 1914 года среди участников многотысячной манифестации были пластуны-

соколы с Перемышля, Коломыи, Станиславова, Бережан, Тернополя, Стрыя, Яворова и Львова. Возглавлял пластовый отдел Петр Франко.

Во второй половине XIX – начале XX века в процессе консолидации украинской нации возрождаются призабытые традиции Запорожской Сечи. Именно на этой почве и возникали спортивно-пожарные товарищества «Сич», которые не только активизировали гражданско-политическую деятельность крестьянства, но и продолжали демократические традиции казацкого войска, девизом которых был: «Один за всех и все за одного».[9, С.176-177; 3, С.117-130] Создателем и сичевым отцом был Кирилл Трилевский. 1910 года создано «Повитовое Сичевое Управление», которое объединяло 28 товариществ. 1913-1914 гг. сичевые праздники проходили в 42 селах Бережанского повета. Был принят устав Украинского Сичевого Союза, утвержденный Галицким наместничеством. На съезде «Сичи» была утверждена структура Украинского Сичевого Союза – все пожарные товарищества, Украинские Сичевые Стрельцы расширяли свою деятельность на новосозданные товарищества, в которых действовали стрелецкие секции.

Заданием Украинского Сичевого Союза было придерживаться единства сичевого и стрелецкого движения. Эти функции исполнялись с помощью сичевых съездов Краевого Сичевого Совета и Генеральной Сичевой Старшины. Генеральную Сичевую Старшину избирали один раз в год. Повитовый Сичевой Совет состоял из всех кошовых сичей и товариществ.

1903 года на праздновании юбилея Николая Лысенка в торжествах Украинского Сичевого Союза приняли участие Сергей Ефремов, Михаил Грушевский, Иван Франко, Александр Барвинский, Иван Труш и другие выдающиеся люди. В ответном докладе Евгений Чикаленко сказал: «как когда-то Сич давала защиту у себя всем недовольным порядком на Украине, так и теперь Галиция дает приют нашему письменству, которое когда-то прислужится к возрождению нашей нации. Бывая в Галиции, продолжал Евгений Чикаленко, и видя там широкое национальное движение, я сравнивал его с великой Украиной. Я верил, что и у нас оно произойдет, когда в России будет конституция и когда наступит воля для проявления национальной жизни. По этому я всегда советовал нашим украинцам увидеть тамошнюю жизнь и укрепиться в вере в будущее возрождение украинской нации на всем просторе Украины. Тогда Галиция была для нас образцом борьбы за национальное возрождение, была для Украины настоящим Пьемонтом».[1, С.230-232]

Формирование в Восточной Галиции Сичевого Стрелчества стало основанием для создания в период национально-освободительной борьбы в начале XX века Украинской Галицкой Армии – военных сил Западно-Украинской Народной Республики, а на первый период, после Акта соборности 22 января 1919 года – объединенных военных сил Украинской Народной Республики.

В данной статье мы представим, как действуют выделенные нами сценарии взаимодействия власти и сопротивления в случае постсоветских режимов.

Необходимо отметить, что изначально взаимодействие «власть – сопротивление» нельзя объяснять логикой какого-то одного сценария, несмотря на существование равных стартовых условий для трансформирующихся режимов в контексте пространственно-временного континуума.

На постсоветском пространстве существуют различные типы политических режимов, поэтому исследователь оказывается в ситуации, когда власть и сопротивление не представляются в каких-то застывших универсальных формах. «Постсоветское пространство представляет собой чрезвычайно пеструю картину либеральных, псевдолиберальных и откровенно авторитарных режимов» [1, с.78], считает армянский автор Г. Погосян.

Логика функционирования данных режимов подсказывает, что власть может как доминировать в политическом дискурсе, так и быть зависимой от тактик и стратегий авторитетной и сильной оппозиции. Наряду с этим, отношения между правящей и оппозиционной элитой могут быть паритетными и тяготеть к тактическому позиционированию, в котором бывает довольно сложно предположить доминирующего актора.

На наш взгляд, отношения власти (А) и сопротивления (В) можно представить в трёх возможных сценариях, каждый из которых вполне находит отражение в постсоветской политической практике. Об этом и будут свидетельствовать приводимые нами примеры. Вообще, сценарии могут сменять друг друга, подтверждая «аномальную» практику транзитных режимов, когда, по словам исследователей транзитов Т.Карл и Ф.Шмиттера события внезапны, акторы нетипичны, идентичности поколебимы, институты не функционируют, поддержку не возможно просчитать, выбор поспешен, а риски неизбежны и от них нельзя «застраховаться» [3, с.10 – 11].

Политический процесс представляется в постоянном взаимодействии диалектической оппозиции «власть – сопротивление», отношения которой существенно обостряются в период политических кризисов. Власть склонна к постоянному демонстрированию себя в публичном пространстве – именно так подчёркивается её претензия на политический дискурс. Наоборот, выражение несогласия с властью и появление практики сопротивления есть неотъемлемая часть исторического и политического процесса. По этому поводу однажды очень убедительно высказался М. Фуко, герой которого – человек сопротивления проникает в историю и «оживляет её своим дыханием» [2, с.16].

Первый сценарий будет предполагать, что власть (А) сильнее сопротивления (В) – (А > В).

Власть практически всегда выглядит более подготовленной, нежели сопротивление. Доступ к ресурсам и благам наполняет власть силой и ослабляет сопротивление. В этом смысле не кажется случайным, что на постсоветском пространстве (за исключением нескольких примеров) власть моментально перешла

Скиперских А.В.

**ВЛАСТЬ И СОПРОТИВЛЕНИЕ:
 ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
 (НЕСКОЛЬКО ЗАРИСОВОК О ПОСТСОВЕТСКОМ
 ПРОСТРАНСТВЕ)**

Аннотация

Политический процесс представляет собой постоянное взаимодействие между властью и сопротивлением, между правящей и оппозиционной элитой. Отношения между властью и сопротивлением находятся в постоянной динамике. Доминирующий тип политического режима определяет, насколько может быть перспективна та или иная конфигурация отношений между правящей элитой и оппозиционной элитой, а доминирующий тип политической культуры формирует восприятие обществом существующих сценариев политического взаимодействия.

Все сценарии взаимодействия имеют место быть и на постсоветском пространстве, где сформировались различные политические режимы.

Ключевые слова: *власть, сопротивление, оппозиция, оппозиционная элита, политический процесс, постсоветское пространство, правящая элита.*

Онтологический характер власти, предполагающий её вневременной и всепроникающий характер, распространяется и на её диалектическую оппозицию – сопротивление. Власть существует тогда, когда демонстрирует свои притязания определённому объекту – её сила чувствуется настолько, насколько позволяет объект, насколько позволяет сопротивление. С другой стороны, и сопротивление невозможно без власти, иначе оно изначально теряет свой смысл. Власть оказывается без Другого. Так гегелевский господин в недоумении разводит руками – раб перестал исполнять его прихоти и внезапно исчез.

Опыт взаимодействия власти и сопротивления во многом начинает зависеть от того, насколько к этому располагает политическая ситуация, в свою очередь, возникающая в условиях конкретного политического режима. Безусловно, претензии как власти, так и сопротивления на доминирующую позицию целиком и полностью начинают связываться с самим политическим режимом, равно, как и с типом политической культуры. В этом смысле запас авторитарных и тоталитарных режимов оказывается достаточно серьёзным и располагающим власть к репрессии. Наоборот, в случае, если речь идёт о демократическом режиме, либо его модификациях, шансы оппозиции в диалоге с властью несоизмеримо увеличиваются вплоть до легитимации самой оппозиции и низложения прежней власти.

Литература

1. Думін Осип. Історія Легіону Українських Січових Стрільців 1914-1918. – Львів, 1936. – 365с.
2. Левицький Кость. Історія політичної думки Галицьких українців. 1848-1914. На підставі споминів. – Львів, 1926. – 736с.
3. Лялька Ярослав. Літопис нескореної України. – Кн.5: Ольга Басараб та її доба. Документи, матеріали, спогади, біографічні нариси. – Львів: Галицька видавнича спілка, 2007. – 1248с.
4. Мисак Н. Ф. Студентські товариства у Східній Галичині, як осередки формування української інтелігенції наприкінці ХІХ століття // Вісник Львівської Комерційної академії. – Серія: Гуманітарні науки. – Вип.5. – Львів, 2005. – С.274-278.
5. Молоде життя. – Львів, 1923. – Ч.1-3. – С.9.
6. Савчук Борис. Український Пласт 1911-1939. – Івано-Франківськ: «Лілея НВ», 1996. – 287с.
7. Середа Остап. Громади ранніх народовців у Східній Галичині (60-ті роки ХІХ ст.) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Ювілейний збірник на пошану Феосія Стебля. – Вип.9. – Львів: Інститут українознавства ім. І Крип'якевича НАН України, 2001. – С.389-388.
8. Стеблій Феодосій. Кирило-Мефодіївське Братство і Галичина // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Ювілейний збірник на пошану Миколи Ільницького. – Вип.12. – Львів: Інститут українознавства ім.І.Крип'якевича НАН України, 2004. – С.12-34.
9. Трофим'як Богдан. Гімнастично-спортивні організації в національно-визвольному русі Галичини. – Тернопіль: Економічна думка, 2001. – 694с.
10. Франко Іван. Подорожі в українські Карпати // Зібрання творів у п'ятдесяти томах. – Том 3. – Київ: Наукова думка, 1976. – С.251-256.

Профессор, д.и.н. Худобородов А.Л.

Челябинского государственного педагогического университета

К.и.н. М.А. Яшина

Челябинского государственного педагогического университета

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА УРАЛЕ: НА МАТЕРИАЛАХ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИЕПИСКОПА ОРЕНБУРГСКОГО И ТУРГАЙСКОГО МЕФОДИЯ (ГЕРАСИМОВА)

После отречения Николая II от престола различные социальные группы заявили о своих интересах и накопившихся проблемах, безотлагательные решения которых вызвали быстрый развал государственных и общественных отношений. Революция 1917 г. привела к радикальным изменениям в церковно-религиозной жизни края.

Ключевые слова : Русская православная церковь, советская власть.

К началу Февральской революции 1917 г. Русская православная церковь (РПЦ) была влиятельным общественным институтом, подчиненным интересам государственной власти, и по сути частью государства.

В 1916 году в Российской империи имелось 54174 церкви, 23593 часовни и молитвенных домов. Количество духовенства составляло 117 тыс. 916 человек, из которых 5 тыс. 287 человек состояли за штатом. Кроме того имелось 1025 монастырей (478 мужских и 547 женских), с общим числом монашествующих и послушников 94 тыс. 629 человек (21 тыс. 330 м.п. и 73 тыс. 299 ж.п.) [1].

События, происходившие в северной столице в феврале-марте 1917 года, были совершенно неожиданными для деятелей РПЦ, прихожан. После отречения Николая II от престола различные социальные группы заявили о своих интересах и накопившихся проблемах, безотлагательные решения которых вызвали быстрый развал государственных и общественных отношений. С наступлением великого поста члены Святейшего Правительствующего Синода¹ разъехались по своим епархиям.

А уже 3 марта во всех епархиях с амвона священнослужители сообщили об отречении государя от престола. Епископы вынуждены были распорядиться об упразднении молитв о царствующей власти семьи Романовых. В это же время во многих церквях Петрограда Синод распорядился, чтобы на ектениях многолетие

¹ В состав Синода входили семь постоянных членов, из которых один назывался первенствующим, и пять – присутствующими, члены Синода назначались пожизненно, а присутствующие вызывались для временного участия в его заседаниях.

IV. Выводы

В статье проанализированы процессы документирования государственной культурной политики с учетом исторического опыта СССР. Особое внимание уделено современному состоянию документов, формирующих региональную культурную политику. Сформулированы рекомендации по усовершенствованию структуры региональных документов, затрагивающих вопросы культурной политики. Предложена модель функционирования стратегических и концептуальных документов регионального уровня.

Литература

1. Карпова Г. Социальное поле культурной политики: <http://socpolicy.ru/wp-content/uploads/2013/07/МонографияКарпова.pdf>.
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 05.05.2014). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162637/.
3. Востряков Л.Е.. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение // Автореферат дисс... д-ра пол. наук.
4. <http://u.jimdo.com/www60/o/s06c6bc659080cadd/download/m7e1a2f6076902227/1313649824/Автореферат.+2011.doc?px-hash=fb0ba5c3be9933ca714e5d135e016ec16c9eb9bc&px-time=1402759590>.
5. Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность.
6. <http://hischool.ru/userfiles/ast-cp3.doc>.
7. Белошапка Н.В. Государственное управление культуры в СССР: механизм, методы, политика.
8. http://vestnik.udsu.ru/2009/2009-052/vuu_09_052_06.pdf.
9. Сазонникова Е.В. Политические партии о культурной политике.
10. <http://u.jimdo.com/www60/o/s06c6bc659080cadd/download/mb374c4add910b14b/1400950044/Статья.+2013.pdf?px-hash=dbee1fbbd7e7605031a0687b19ec06098a39a7e4&px-time=1405175662>.
11. Симмонс Э.Дж. Политический контроль и советская литература.
12. <http://www.philology.ru/literature2/simmons-08.htm>.
13. http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009.
14. <http://www.culture22.ru/programs/>.
15. http://culture.ivanovoobl.ru/upload/culture/24.04.2012%20_%20104-_doc.

дела – комплектование фондов книгами о региональной тематике, в том числе на национальных языках; кинематограф – поддержка документальных фильмов о малой родине и т.д. Особое внимание должно быть уделено взаимодействию региональных учреждений культуры с федеральными.

Стратегия же сконцентрирована на материальной, вещественной стороне функционирования участников. В ней внимание должно быть уделено количественным показателям, которые могут быть точно посчитаны и проанализированы. Здесь речь может идти о материально-технической базе, финансовых ресурсах, количественных индикаторах деятельности (число спектаклей, количество посещений, количество мероприятий, обеспеченность современными технологиями и т.д.). Стратегия должна являться основой для формирования региональных целевых программ, направленных на количественное развитие отрасли в соответствии с качественными ориентирами, отраженными в концепции.

Учитывая изложенные соображения, представляется целесообразным разделить данные региональные документы культурной политики по принципу адресности, и выделить соответствующие исходные принципы для составления данных документов. С нашей точки зрения, концепции являются документами, в разработке которых должны принимать участие самые широкие общественные круги. Основные подходы при разработке таких документов должны соответствовать базовым нравственным и моральным принципам общественного бытия. Соответственно, и адресатом данных документов должно выступать все общество. Стратегия же должна быть более узко сфокусирована на профессиональное сообщество. В ее разработке основную роль должно играть экспертное сообщество, которому, используя современные управленческие подходы, необходимо составить оптимальный и реализуемый план развития.

С формальной стороны концепции и стратегии должны обладать иерархической структурой, которая может быть основана на синтезе структур разработанных концепций в Красноярском и Алтайском краях, и включать следующие части:

- введение;
- основные термины и понятия;
- принципы и подходы;
- цели и задачи;
- основные направления (данный раздел включает подразделы, соответствующие отдельным направлениям деятельности, таким как театральное, библиотечное и т.д. Каждый подраздел состоит из трех частей: современная ситуация; проблемы; первоочередные меры);
- механизм реализации;
- ожидаемые результаты;
- риски.

Царствующему дому «отныне не провозглашалось», а «моления следует возносить за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное правительство ея». Это повлекло за собой изменение текстов молитв о России, власти и воинстве.

Значительная часть православного духовенства вынуждена уже в марте вместе с паствой присягнуть на верность Временному правительству. Во время принятия присяги священнослужители подавали народу для целования крест и Евангелие, а в некоторых местах – сопровождали её крестными ходами и служением молебнов на городских площадях.

Отречение Николая II и крушение царизма было воспринято архиепископом Мефодием философски: «Более тысячи лет русская земля управлялась единоличною властью своих государей. Но всему бывает свое время, вечного на земле ничего нет»[2, с.16].

Епископ Мефодий (Герасимов) в миру Герасимов Маврикий Львович, родился 22 февраля 1856 года в селе Елбанское Барнаульского уезда в семье священника Томской епархии. В 1885 году пострижен в монашество. 1892 года удостоен степени кандидата богословия. С 30 июля 1914 года – епископ Оренбургский и Тургайский. В 1918 году возведен в сан архиепископа. В начале 1919 года эмигрировал в Китай. В октябре 1929 года архиепископ Мефодий возведен в сан митрополита. Скончался 28 марта 1931 году в Харбине.

Революция 1917 г. привела к радикальным изменениям в церковно-религиозной жизни края и дальнейшему дроблению Оренбургской епархии. Конфликт между большевистской властью и верующими был один из факторов, который привел к Гражданской войне. Церковные круги вынуждены были реагировать на деятельность Советской власти.

На Южном Урале в середине 1918 г. ситуация резко изменилась. Выступление чехословацкого корпуса и падение советской власти затруднили контакты местных епархиальных властей со Священным Синодом и Патриархом. В связи с чем информация о решениях, принимаемых верховной церковной властью поступала сюда в очень дозированном и случайном виде.

В сентябре 1918 г. на епархиальном собрании кустанайское духовенство и миряне поставили вопрос об образовании самостоятельной епархии, также как и челябинцы. В случае выделения Челябинской и Кустанайской епархий из состава Оренбургской, последняя оставалась в границах двух уездов – Оренбургского и Орского. Согласно резолюции в отношении выхода Челябинского и Кустанайского викариатств из состава Оренбургской епархии отмечалось: о выделении Челябинского викариатства в самостоятельную епархию с упрощенным управлением (постановление на Поместном Соборе в Москве), и о закрытии Кустанайского викариатства.

После епархиального собрания духовенства, возложив управление Оренбургской епархией на епископа Дионисия (Прозоровского), епископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов) совершил поездку по Орскому, Верхнеуральскому и Челябинскому уездам, где вел службы, проводил нравственно-

патриотические беседы, посещал храмы и духовно-учебные заведения. А затем выезжает в Томск на Сибирское церковное совещание, в котором участвовали 13 архиереев, возглавлявших епархии Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также 26 членов Всероссийского Собора из духовенства и мирян, оказавшихся на этой территории, не подконтрольной советской власти и занятой впоследствии войсками адмирала А. В. Колчака [3]. Это совещание завершилось образованием Высшего временного церковного управления «епархиями Сибири, Приуралья и другими освобожденными от советско-большевистской власти частями России» во главе с архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Ольшевским), бывшим викарным епископом Челябинским.

В конце ноября 1918 г. епископ Мефодий снова останавливается в Челябинске. И уже 27-29 ноября проводит архиерейские службы в храмах Челябинска. Получив известия о захвате красной армией Оренбурга, в начале февраля 1919 г. владыка создает Временный епархиальный совет. В состав которого вошли протоиерей И.А.Ильин (Троицк), протоиерей М.Я.Филологов (Оренбург), бывший помощник смотрителя Челябинского духовного училища И.А.Сперанский (Челябинск), протоиерей П.Г. Холмогорцев (в последующем – митрополит григорьевского течения) и учитель И.Е. Калашнов[4] и управляет приходами той части бывшей Оренбургской епархии, которая находится на территории занятой белыми. А в Оренбурге продолжает исполнять обязанности управляющего епархией епископ Дионисий (Прозоровский). Таким образом, управление приходами Оренбургской епархии было разделено по линии фронта. На территории белых во главе епархии стоял архиепископ Мефодий, а на территории, занятой красными – епископ Дионисий (Прозоровский).

4 июня 1919 г. Челябинская типография выпускает воззвание архиепископа Мефодия (Герасимова) Оренбургского и Тургайского к своей пастве о поддержке белого движения: «Великий русский народ переживает ныне тяжелое время внутренних братских раздоров. Кругом льется наша братская кровь, гибнут наши лучшие народные силы... Среди междоусобной братской войны образовалось у нас Временное Всероссийское Правительство во главе с Адмиралом А.В.Колчаком. Около него началось возрождение свободной Сибири и Великой России. Лучшие сыны ее пошли в ряды воинов на защиту и спасение погибающей Родины от засилья ее врагов предателей и изменников – большевиков... Обширен военный фронт в борьбе с народными предателями. Нужно большое напряжение наших сил, чтобы дать мир и спокойствие русской земле. Умножаются наши военные силы, но вместе с этим растут и разнообразные нужды по армии... И вот я, Ваш Архипастырь и Отец, прошу и молю вас, помогите общему делу спасения Родины своими жертвами на родную армию домашними материалами – холстом, бельем, вязаньем, обувью. Направляя свои жертвы через местные приходские Советы. Милость Божия возвратит Вам все это сторицею...» [5].

В июне он провел в городе молебен, посвященный годовщине освобождения Южного Урала от советской власти [6]. Архиепископ Мефодий находится в

положен принцип линейного выделения 12 частей: Общие положения; цели и задачи Концепции; далее 9 разделов, соответствующих конкретным направлениям работы; координатор, ответственные исполнители и порядок реализации концепции. Каждый из 9 тематических разделов включает три части: описание современного состояния, основные проблемы в данном направлении, первоочередные меры поддержки.

Одновременно в Алтайском крае действует «Концепция долгосрочного развития театрального дела на период до 2020 года» [9]. Анализ данной концепции и иных региональных концепций развития театрального дела позволил сделать вывод о нецелесообразности разработки и выделения фокусированных концепций на региональном уровне. Так, например, концепции театрального дела в целом повторяют структуру общероссийской концепции развития театрального дела.

Большинство принятых региональных концепций отдельных направлений являются по сути отчетом за период действия предыдущей концепции. Так, «Концепция развития музейного дела в Ивановской области на 2012 – 2020 годы» [10] состоит из 8 машинописных страниц, при этом описание функционирования концепции 2006 – 2012 гг. занимают 4,5 страницы. Содержание характеризуется рассмотрением материально-технического оснащения и вопросам экономической эффективности освоения бюджетных средств. Оставшиеся же три с половиной страницы ограничиваются типичными формулировками «расширить взаимодействие», «повысить качество», «усовершенствовать работу» и т.п.

Вместе с тем нелепо выглядит постановление Правительства Амурской области, в котором рекомендуется муниципальным образованиям области разработать комплекс мер, направленных на сохранение и развитие театрального дела, с учетом того, что на всю область приходится лишь один муниципальный театр. К сожалению, подобные административные проявления являют собой пример неоправданной и необоснованной бюрократизации социальных отношений.

Поэтому, на наш взгляд, на уровне субъектов федерации оптимальным вариантом представляется наличие двух основополагающих документов: концепции развития культуры и стратегии развития культуры. Данные документы должны соответствовать рассмотренному выше тезису, согласно которому целесообразно выделить «культурную политику» и «управление в сфере культуры». Концепция развития культуры должна соответствовать «культурной политике», стратегия развития культуры – «управлению в сфере культуры». Принципиальное разделение данных документов обусловлено характером подходов, используемых при подготовке их содержательной части. Концепция должна отражать ценности, приоритеты, которыми руководствуются субъекты деятельности в сфере культуры. Это документ смыслового характера, в основе которого – качественные характеристики реализации культурной политики. Особое внимание должно быть уделено региональной специфике. Например, в разделе, посвященном театральной деятельности, в частности функционированию национальных театров, следует указать важность реализации проектов, основанных на национальном материале. Аналогичные замечания могут быть отнесены и на счет других направлений. Например, для библиотечного

При данном подходе, на наш взгляд, вопросы культурной политики должны находиться в поле зрения федеральных и региональных центров. Отсутствие документов муниципального уровня культурной политики объясняется рядом причин. Во-первых, при разработке региональной культурной политики в субъектах Российской Федерации существенное внимание должно быть уделено региональной специфике, что зачастую будет дублироваться на муниципальном уровне. Во-вторых, подготовка же муниципальных документов будет лишь способствовать излишней бюрократизации, поскольку зачастую представляет собой формальное дублирование документов верхних уровней.

Поэтому оптимальной формой целевого документа работы органов управления муниципального уровня представляется трех-пятилетний план работы с целевыми индикаторами, соответствующими целям и приоритетам, отраженным в документах региональной культурной политики. Подобный план позволит дать количественную оценку деятельности муниципального органа управления, в то время как содержательная основа и качественная характеристика деятельности будет заложена в концептуальных документах регионального уровня.

Анализ документирования региональной культурной политики, проведенный посредством мониторинга сайтов министерств и департаментов культуры региональных субъектов Российской Федерации, дал следующие результаты. Было проанализировано наличие и функционирование документов стратегического планирования регионального уровня в сфере культуры в 83 субъектах Российской Федерации. Проведенное исследование позволило сделать вывод о совершенно различных отношениях региональных органов управления к подготовке подобных документов. Количественная характеристика следующая: из 83 регионов документы, затрагивающие вопросы культурной политики, представлены лишь в 26 субъектах, т.е. 31 %. Для характеристики субъектов, в которых приняты или находятся на стадии проекта, нами за основу было принято наличие концепций и (или) стратегий. В данный перечень не включены регионы, в которых приняты целевые программы в области культуры. Это сделано исходя из следующих причин. Целевые, в том числе ведомственные программы, являются документами программно-целевого планирования и представляют собой по сути программы конкретных действий доведения используемых ресурсов, при этом игнорируя содержательно-смысловую характеристику регулируемой отрасли. На наш взгляд, подобное основание управления исключительно на «цифровом» подходе, уместное в отдельных сферах, не просто недопустимо в социокультурной отрасли, но и вредно.

Существующие региональные документы можно разделить на две группы: 1) региональные документы о культуре в целом. Это концепции и стратегии развития культуры региона в целом. Среди данной группы особое место занимают документы, в которых акцентируется внимание на региональной специфике культуры; 2) концептуальные документы отдельных направлений развития культуры в регионе.

Примером документа первой группы может служить утвержденная в Алтайском крае концепция «Барнаул – культурная столица Юга Сибири» [9]. В ее основу

Челябинске вплоть до подхода к нему красной армии и покинул город вместе с отступающей белой армией. К концу 1918 г. на территории, контролировавшейся А.В. Колчаком, собралось более трех с половиной тысяч священнослужителей, в том числе немало военного духовенства. На службе в армии было примерно около двух тысяч человек.

В июне он провел в городе молебен, посвященный годовщине освобождения Южного Урала от советской власти. Архиепископ Мефодий находился в Челябинске вплоть до подхода красной армии и покинул город вместе с отступающей белой армией.

Итак, с началом революционных преобразований на Южном Урале оппозиционная часть служителей культа стала придерживаться воззваний Священного Синода и патриарха Тихона, в которых содержался призыв верующих препятствовать действиям власти большевиков. Основная масса духовенства выступила на стороне противников советской власти.

Литература

1. Лавринов В.В., прот. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922-1945). – М: Крутицкое патриаршее подворье, 2007. – С.35.
2. Бабкин М.А. Духовенство РПЦ и Февральская революция 1917 г.: Документы и материалы Святейшего Синода, епархиальных, городских, благочиннических съездов и собраний российского духовенства. М, 2002.- С.16.
3. Оренбургский церковно-общественный вестник. Оренбург.1918. 30 сентября.
4. Утро Сибири. Челябинск.1919. 8 марта
5. ОГАЧО Ф .138. Оп.1. Д. 70. Л.101об. -102.
6. Вестник Приуралья. Челябинск. 1919. 6 июня

Рукоусев Е.Ю.

Институт истории и археологии
Уральское отделение РАН
Екатеринбург

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация: В статье рассмотрен исторический опыт деятельности представительных организаций российских предпринимателей в XIX – начале XX в. В это время в стране сложилась разветвлённая система представительных организаций. Среди них отраслевые и «местные» предпринимательские союзы, ставившие перед собой задачи по защите групповых интересов, объединения работодателей, разнообразные монополистические объединения. Одной из основных форм объединения предпринимателей были съезды, которые получили в России широкое развитие. В начале XX в. в России сложился действенный механизм управления экономикой, объединивший интересы государства и частного капитала.

Ключевые слова: предприниматели, промышленная политика, представительные объединения, съезды промышленников.

Abstract: This article describes historical experience of representative organizations of Russian entrepreneurs in XIX – early XX century. At this time, the country has developed an extensive system of representative organizations. Among them are industry and «local» business unions, set themselves the task of protecting stakes, the employers' association, and variety of monopoly associations. One of the main forms of business associations was the convention, which received extensive development in Russia. At the beginning of XX century Russia has achieved an effective mechanism for economic management, combining state and private capital.

Keywords: entrepreneurs, industrial policy, representative associations, convention industrialists.

Представительное движение предпринимателей в России насчитывает более чем двухсотлетнюю историю. Однако ее подлинное начало приходится на вторую половину XIX в. Реформы 1860-1870-х гг. дали мощный импульс хозяйственному развитию страны, организационной инициативе растущего класса капиталистов. Первыми объединились предприниматели горнодобывающей и металлургической промышленности. Вслед за ними образовали свои ассоциации промышлен-

сформулированы конкретные решения, другая – являлась идеологической основой, основанием или перспективой развития. Для данного типа документов характерен публицистический, эмоциональный стиль изложения. Вторую группу составляют декреты, содержание которых составляют констатирующие и закрепляющие конкретные положения, и отсутствует пропагандистская часть (например, Декрет о реорганизации и централизации архивного дела).

В целом же как, отмечено в [5] в СССР «сфера культуры не была самостоятельной, а была составной частью идеологической деятельности КПСС». Соответственно определенным аспектам культурной политики были посвящены отдельные разделы программ как основных документов партии. В третьей, исторически заключительной программе КПСС (1961 г.), культурная революция была выделена в числе основных звеньев ленинского плана построения социалистического общества. Провозглашена цель социализма – все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производства; обозначена роль Советов в культурном строительстве [6].

В тоже время необходимо отметить, что отдельные аспекты культурной политики не имели законодательного закрепления, что невозможно в современных реалиях. Так, например, метод социалистического реализма был рекомендован в качестве ведущего метода советской культуры в выступлении секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова на Первом всесоюзном съезде советских писателей; а основное требование к социалистической литературе было изложено В.И. Лениным еще в 1905 г. в статье «Партийная организация и партийная литература» [7].

В современных условиях функции программ КПСС возлагаются на документы стратегического планирования. Например, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года сформулированы основные направления развития страны. Один из разделов посвящен развитию культуры и средств массовой коммуникации. а цель государственной культурной политики сформулирована следующим образом: «развитие и реализация культурного и духовного потенциала каждой личности и общества в целом» [8].

В целом же, в постсоветское время наблюдается тенденция к децентрализации управления культурой, возрастанию роли регионального и муниципального уровней.

При документировании культурной политики, по нашему мнению, целесообразно принять во внимание концепцию О.Н. Астафьевой [4], которая предлагает разделить «культурную политику» и «управление в сфере культуры». Культурная политика акцентирует внимание на развитии культуры в соответствии с духовно-смысловыми ценностями общества, в то время как «управление в сфере культуры в большей степени концентрируется на решении проблемы материальной и финансовой оптимизации».

турной политики, выделяет целевой (с точки зрения поставленных целей), институциональный и ресурсный подходы (с точки зрения состояния институтов и ресурсов). При совмещении данных подходов, – пишет он, – используется комплексный управленческий подход [3].

Таким образом, во всех рассматриваемых подходах при определении государственной культурной политики присутствует элемент управления, регулирования. А эффективное управление возможно лишь при соответствующем документальном оформлении и обеспечении данной деятельности, в то время как вопросам функционирования документов государственной культурной политики как основного механизма ее реализации уделялось внимания существенно меньше. В связи с этим представляется необходимым изучить реализацию государственной культурной политики с точки зрения функционирования документов, излагающих ее основополагающие моменты.

II. Постановка задачи

Исследователи отмечают, что сегодня уже четко обозначены три уровня культурной политики: федеральный, региональный и муниципальный, которые «различаются по масштабам и перспективам, целям и задачам, возможностями их реализации» [4].

При подобном разделении и полиуровневости системы управления существенной проблемой становится взаимодействие различных уровней, разделение полномочий и координация деятельности элементов системы.

Выявление и описание межуровневых связей с учетом исторического опыта способствует формированию методологических оснований для формирования оптимальной структуры систем документов.

Цель настоящей статьи – проанализировать процессы документирования региональной культурной политики в Российской Федерации, оценить исторический опыт советского времени и возможности его использования сегодня.

Для достижения поставленных целей нами были использованы методы стандартизации и унификации, сравнение, метод моделирования, системный метод.

III. Результаты исследования

Первыми документами советской власти, в которых были затронуты вопросы культурной политики или управления в сфере культуры, были декреты. Особенности данных документов были обусловлены сложным положением внутри страны. Декреты можно разделить на две группы. Первую группу составляют документы, особое внимание которых было сосредоточено на функции пропаганды (например, Декрет об учреждении государственной комиссии по просвещению). Структура таких декретов состояла из двух частей: в одной были

ники перерабатывающих отраслей, а в начале XX в. те предприниматели, коммерческая деятельность которых охватывала отдельные территории. В стране постепенно сложилась разветвленная система представительных организаций. Среди них – отраслевые и «местные» предпринимательские союзы, ставившие перед собой задачи по защите групповых интересов, объединения работодателей, регулировавшие рынок труда и отношения с наемными работниками, разнообразные монополистические объединения, стремившиеся к господству на рынке.

Создаваемые как по собственной инициативе, так и при активном участии правительства, эти союзы развернули широкую и разностороннюю деятельность, став заметным явлением в хозяйственной и общественной жизни страны. Представительное движение российского капитала относится к числу малоизученных историко-экономических проблем.

Возникновение представительного движения было подготовлено длительным периодом существования бюрократических органов, менявшейся экономической ситуацией. Основной причиной его развития стала экономическая политика правительства, сделавшего ставку на поддержку предпринимательской инициативы. Нерешенность многих хозяйственных вопросов подталкивали предпринимателей к созданию собственных организационных структур. На всех этапах огромную помощь образованию представительных объединений оказывало правительство, часто инициировавшее их формирование. Не последнюю роль в этом играли и политические соображения.

Совещательные организации положили начало организационному оформлению представительства российского капитала. В 1828 и 1829 гг. были образованы первые совещательные учреждения – Мануфактурный и Коммерческий советы. Они создавались для помощи правительству в разработке хозяйственных вопросов. Советы изучали экономическое состояние страны, разрабатывали конкретные меры для подъема национальной промышленности и торговли, оказывали помощь предпринимательским начинаниям, заботились об использовании промышленниками современных приемов и способов ведения дела, участвовали в разрешении производственных конфликтов. Однако при всей широте полномочий они были лишены права на инициативу. В 1872 г. Мануфактурный и Коммерческий советы были упразднены. Вместо них возник Совет торговли и мануфактур с теми же задачами, но с большими полномочиями и возможностями. Он получил право принимать по собственной инициативе решения и отстаивать их в правительственных инстанциях. Совет замыслился как широкая организация с центром в Санкт-Петербурге и комитетами на местах. Однако новая организация не избавилась от «старых болезней» она страдала узостью состава, излишней бюрократизацией, испытывала острую нехватку средств. Общим для всех этих организаций являлось стремление к отстаиванию интересов капитала. Как правило, инициатива их создания исходила от центральной администрации. Мануфактурный и Коммерческий советы, Совет торговли и мануфактур выполняли

работу «советников» правительства. В их обязанности входило изучение и выработка рекомендаций по конкретным хозяйственным вопросам.

Возникновение организаций предпринимателей, как массовое явление, относится к концу XIX – началу XX в., однако в ряде стран некоторые виды этих организаций появились значительно раньше в связи с потребностями буржуазии в защите и представительстве ее интересов. Одним из типов таких организаций являются представительные учреждения – особая форма ассоциации промышленников, главной задачей которых является направлять экономическую политику государства в интересах, как отдельных групп предпринимателей, так и всей промышленности в целом. В странах Запада старейшим видом представительных организаций буржуазии являются торговые палаты. Первая торговая палата была учреждена во Франции в 1599 г., позже, в XVII-XVIII вв., они появились в Италии, Голландии, Австрии и других странах. В это время молодая и политически слабая буржуазия нуждалась в защите своих интересов перед правительствами, в которых преобладали землевладельцы².

Впоследствии, с развитием капитализма и образованием монополий, в Европе широкое распространение получили разного рода торгово-промышленные ассоциации, союзы, федерации, коммерческие клубы и тому подобное, как отраслевые, так и общенациональные, представляющие интересы капитала в правительственных и общественных учреждениях. В своем докладе Первому Съезду представителей промышленности и торговли в Санкт-Петербурге в 1906 г., профессор М.И. Иванюков говорил: «Знанием дела и энергичной работой, направленной к развитию промышленности и торговли в стране, союзы эти завоевали себе такой авторитет, что парламенты Англии, Германии, Франции и Австрии предварительно издания закона, касающегося торговли и промышленности, ожидают обыкновенно заключения по данному предмету этих союзов»³.

Во второй половине XIX в. представительные организации появляются и в России. Первыми такими организациями явились биржевые общества и их постоянные выборные органы – биржевые комитеты. Пользовавшиеся поддержкой центральной и местной администрации, они получили широкое распространение. В отличие от других совещательных организаций, биржи были самоуправляющимися, открытыми учреждениями, возглавляемыми выборными органами. Постоянный поиск новых организационных форм, отражавший потребности растущего капитала, составлял важную черту биржевых обществ. Биржи ставили перед собой в качестве главной задачи содействие экономическому развитию территории или определенной отрасли хозяйства. Наибольшую активность проявляли столичные биржевые собрания, участвовавшие в работе правительственных комиссий. С этой целью при них создавались аналитические структуры, изу-

² Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1959. № 2. С. 96.

³ Литтауэр С. Съезды золото- и платинопромышленников // Золото и платина. 1910. № 12. С. 267.

Коростелев Николай Юрьевич,
Краснодарский государственный
университет культуры и искусств,
аспирант кафедры документоведения
и информационной культуры

РАЗРАБОТКА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация:

В статье рассматриваются проблемы процессы документирования государственной культурной политики с учетом исторического опыта. Сформулированы рекомендации по усовершенствованию структуры региональных документов, затрагивающих вопросы культурной политики. Автором предложена модель функционирования стратегических и концептуальных документов регионального уровня.

Ключевые слова:

культурная политика, документирование, концепция, стратегия.

I. Введение

В настоящее время существуют различные подходы к изучению государственной культурной политики, понятие которой многозначно. Одно из первых определений данного понятия было представлено в 1967г. в докладе ЮНЕСКО «Политика в сфере культуры – предварительные соображения», в котором под политикой в сфере культуры предполагался «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры» [1].

Действующее российское законодательство дает следующее определение государственной культурной политики – «совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры» [2].

За последние 20 лет в России были осуществлены различные исследования, затрагивающие вопросы культурной политики с точки зрения задач ее моделирования (Л. Е. Востряков, М. Драгичевич-Шешич), а также целенаправленной деятельности человека (А. С. Васильева, Н.Г. Михайлова). Так, например, Л.Е. Востряков, обобщая попытки зарубежных аналитиков дать определение куль-

Литература

1. Баранов А.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
2. Береснева Н.И. Проблемы проектирования языка как идеального средства познания /Н.И.Береснева, С.Л.Мишланова //Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2010. – Вып. 5. – С.23-30.
3. Береснева Н.И. Язык как «идеальное» средство познания /Н.И. Береснева, С.Л.Мишланова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2011. – №1. – С. 33-38.
4. Гейзенберг В. Язык и реальность в современной физике //В.Гейзенберг. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1989. – 399 с.
5. Кассирер Э. Сила метафоры /Э.Кассирер // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.33-44.
6. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С.Кубряковой. – М.: Изд-во филол. фак. МГУ, 1997. – 197 с.
7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем /Дж. Лакофф, М.Джонсон //Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.
8. Марков Б.В. Знаки бытия /Б.В. Марков. – СПб.: Наука, 2001. – 568 с.
9. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? /Н.А.Мишанкина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – 282 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры /Х.Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.68-82.
11. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы /Б.Рассел. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб: Республика, 2000. – 464 с.
12. Смирнова Е.Д. О чем говорят парадоксы: их роль в познавательной деятельности / Е.Д.Смирнова // Вопросы философии. – 2010. – №6. – С.55-67.
13. Суровцев В.А. Языковая игра и роль метафоры в научном познании [Электронный ресурс] /В.А.Суровцев, В.Н.Сыров. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/surovtsev/syrov.html>
14. Сухотин А.К. Парадоксы в науке: Роли парадоксов в научных открытиях [Электронный ресурс] /А.К. Сухотин. – М.: Молодая гвардия, 2012. Режим доступа: <http://vzms.org/suhot.htm>

чавшие состояние внутреннего и внешнего рынка, динамику и перспективу хозяйственного развития. С конца XIX в. установилась практика передачи подготовленных законопроектов на обсуждение биржевым собраниям, между властными органами и биржами установилось, фактически, деловое сотрудничество. Однако особенностью России было то, что большая часть оптового товарооборота совершалась помимо бирж. Биржевые комитеты сообщали, что биржи как места торга посещались слабо и обороты их были невелики. В 1895 г. в России функционировало 22 биржевых общества с постоянными комитетами⁴. Биржевые комитеты стремились к координации своих действий, выработке единого подхода к решению хозяйственных вопросов. Они установили между собой и другими организациями предпринимателей прочные связи. Выполнение биржами представительных полномочий являлось одной из особенностей российской общественной жизни.

Другой формой представительской деятельности явились торгово-промышленные съезды, созывавшиеся время от времени в Москве в 1865, 1872 и 1882 гг., в Санкт-Петербурге в 1870 г. и в Нижнем Новгороде в 1896 г. Эти съезды собирали довольно многочисленный состав делегатов, среди которых были и представители правительства⁵. Их главной задачей было не лечение «болеющих точек» экономики, а лишь указание на них. Всероссийские съезды добивались расширения торговых связей со странами Ближнего и Дальнего Востока, требовали льгот и привилегии, выступали за протекционистскую правительственную политику, за развитие системы образования и т.д. Съезды показывали возросшие претензии капитала. Участие в работе съездов высших должностных лиц свидетельствовало о готовности властей к сотрудничеству с торгово-промышленными кругами. Всероссийские съезды дали мощный импульс развитию представительного движения.

Вслед за эпизодически проходившими торгово-промышленными съездами в России начинают появляться и отраслевые съезды. Одной из самых старых и влиятельных организаций этого вида был Съезд горнопромышленников Юга России, который первый раз был созван в июне 1874 г. в Таганроге. Успешная деятельность этого съезда оказала сильное воздействие на развитие представительного движения. Вслед за промышленниками Юга России, начинают собираться на свои съезды и горнопромышленники Урала, первый съезд в Екатеринбурге собрался в 1880 г. Первое время эти съезды собирались от случая к случаю. Начиная с IV съезда в 1896 г. съезды горнопромышленников Урала стали собираться ежегодно. В 1898 г. было утверждено Положение об этих съездах и образован постоянный исполнительный орган – Совет Съезда, находившийся до 1905 г. в Екатеринбурге, а затем переведенный в Санкт-Петербург.

Одновременно с организацией уральских горнопромышленников возникают Съезды горнопромышленников Подмосковного района (1880 г.), Съезды

⁴ Лившин Я.И. «Представительные» организации крупной буржуазии... С. 98-99.

⁵ Там же. С. 102.

горнопромышленников Царства Польского (1883 г.), Съезды марганцепромышленников Шорапанского уезда Кутаисской губернии (1896 г.), Съезды бакинских (1884 г.), терских (Грозный, 1898 г.) и кубанских (Майкоп, 1910 г.) нефтепромышленников и много других отраслевых съездов.

Особое место среди отраслевых съездов занимали съезды золото- и платинопромышленников. Первый такой съезд состоялся в 1885 г. в Чите. Съезд не отличался большой представительностью, на нем присутствовали в основном чиновники от горного ведомства и местной администрации и всего семь золотопромышленников. Но на этом съезде был впервые поставлен вопрос о необходимости созыва периодических съездов золотопромышленников по примеру съездов горнопромышленников, с целью информации правительственных кругов о нуждах местной золотопромышленности⁶.

29 декабря 1895 г. Комитет министров предоставил право министру земледелия и государственных имуществ созывать, по соглашению с местными генерал-губернаторами, когда и где это будет удобно, общие и местные съезды золотопромышленников под председательством лиц им назначенных⁷.

20 октября 1897 г. министром земледелия и государственных имуществ было утверждено «Положение об организации и круге занятий местных и общих съездов золотопромышленников и постоянных их бюро»⁸. На основании этого положения, с 1897 г. Горным департаментом начинают созываться первые официальные съезды золотопромышленников, которые становятся периодическими. В каждом крупном районе, где добывали золото или платину имелся свой местный съезд, с постоянным руководящим органом в виде Совета Съезда или Бюро Съезда. Всего в начале XX в. в России сложилось 13 таких организаций золотопромышленников, из них два съезда собирались на Урале: Съезд золото- и платинопромышленников Пермской губернии и Съезд золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний. Остальные находились в Сибири и в отличие от уральских съездов, деятельность которых распространялась в пределах административных границ губерний и включала в себя по несколько горных округов, в Сибири территория действия каждого отдельного съезда распространялась максимум на два горных округа, а иногда даже только на часть округа. В Сибири действовали съезды золотопромышленников Приморского горного округа, Минусинского горного округа, Южной части Енисейского горного округа, Северной части Енисейского горного округа, Зейского горного округа, Витимского и Олекминского горных округов, Алтайского горного округа, Амурского и Буреинского горных округов, Степного-Южного горного округа, Баргузинской тайги и Томского горного округа. На Урале, помимо местных съездов, собирались еще и общие съезды всей Уральской горной области.

⁶ Пушкина Т.Л. Опыт административного контроля правительственными учреждениями съездовских организаций сибирских предпринимателей в конце XIX – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 38-39.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Девиер А.А., Бредов В.Р. Свод постановлений о горнопромышленности. Т. 1. СПб., 1904. С. 190-196.

какой-либо класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или для наименования объекта, явления из другого класса. В расширительном смысле термин «метафора» предполагает любые варианты употребления слов в непрямом значении [1]. Согласно теории Дж.Лакоффа, знания из области нашего опыта – области-источника (source) – переносятся в другую, менее знакомую область – область-мишень (target) и служат ключом для её понимания [7].

Э.Кассирер, выдвинул гипотезу о существовании двух типов мышления, принципиально отличных друг от друга: дискурсивно-логического и лингво-мифологического. Язык он относит к базовым метафорическим сущностям, вобравшим в себя глубинные мифологические структуры [5: 38]. Соединение мифологического, нерационального и логического порождает в итоге метафорический смысл, объединяющий интуитивное нахождение аналогии и последующую ее рационализацию.

Если парадокс – атрибут познания (в том числе научного), то метафора – неизбежный компонент языка (в том числе языка науки). При активнейшем интересе к метафоре, вопрос о ее гносеологическом потенциале возникает и начинает решаться достаточно недавно. Метафорические механизмы, базирующиеся на интуитивном поиске аналогии в уже имеющемся опыте индивида, составляют основу гносеологии. «Гносеологическая функция метафоры едва ли не более значима, нежели экспрессивная, в силу того, что метафорическая модель позволяет перенести структуры уже имеющегося знания, опыта на новые неизвестные фрагменты действительности» [9: 100].

Философское осмысление метафорических механизмов заставляет по-новому оценить метафору в языке: языковые метафоры в первую очередь создаются в познавательных целях. При первичном представлении новой модели в науке используется тот же механизм, что и в метафоре: «Метафора удлиняет «руку» интеллекта», – говорит Х.Ортега-и-Гассет [10: 72].

IV. Выводы.

Развитие концепций идеального языка показало «невозможность редукции многообразия языковых опытов к некоторой «праструктуре», свободной от излишеств обыденного языка. Оказалось, сами эти «излишества» ... не просто нередуцируемы, а суть то, что конституирует язык как язык, т.е. делает его средством описания и коммуникации» [13], «расцениваемые прежде как недостатки – нечеткость, бессистемность, многозначность, зависимость от контекста и другие характеристики обыденного языка – на самом деле оказываются важнейшими свойствами, обеспечивающими его продуктивность» [8: 8].

Метафора является разрешением диалектического противоречия между познанным и непознанным. Это фундаментальный когнитивный механизм, который организует наши мысли, оформляет суждения и структурирует язык. Мы можем рассматривать процесс научного познания в целом и научного открытия в частности как технологию производства метафор. А вернее сказать, технологии производства метафор могут помочь нам в производстве новых идей.

примеру, на языке, который фундирует законы формальной логики и, в частности, закон противоречия, не может быть описан принцип корпускулярно-волнового дуализма.

Однако научном познании требование непротиворечивости обычно строго выполняется. Существующие противоречия как бы изнутри подрывают научную теорию. Но этот недостаток оборачивается в положительный момент для самой теории, поскольку наличие парадоксов свидетельствует о несовершенстве концепции, что с необходимостью вызывает потребность в устранении парадоксов и, как следствие, приводит к развитию науки. По мнению А.К.Сухотина, только «ненормальная» теория, пронизанная парадоксами, способна сдвинуть человеческое познание [14]. Исследователь выделяет ряд этапов в процессе научного творчества. Подготовительный этап связан с накоплением и аналитической обработкой информации. По мере ее накопления включаются механизмы интуиции – бессознательного поиска решения проблемы. При этом зачастую к оптимальному решению приводят не логическое размышление, рациональный поиск, а отвлеченные ассоциативные построения, переключение на решение других проблем. После того как решение найдено, вновь вступает в свои права рационализация. Таким образом, парадокс научного мышления – в единстве интуитивного и рационального.

Парадоксы имеют многоаспектное значение для развития научных теорий. Во-первых, они оказываются узловыми моментами ставшего и одновременно становящегося знания. Во-вторых, они стимулируют развитие концептуально новых теорий, подталкивая ученых к разработке новых научных подходов, к построению новых научных теорий, которые дают возможность обходить кризисные ситуации. В-третьих, парадоксы могут выступать как причины пересмотра введенных абстракций.

Однако наш интеллект сам себе предъявляет требование непротиворечивости, в связи с этим парадоксы воспринимаются исключительно как ошибки и даже проклятья человеческого ума. Обычно при их обнаружении первоочередной задачей является их устранение. Однако необходимо принять во внимание, что парадоксы являются порождением мышления, следовательно, не они являются источником противоречий, а сам интеллект. Учитывая это, на парадоксы следует отметить положительное значение парадоксов для обнаружения и дальнейшего разрешения внутренних противоречий интеллекта, как обыденного, так и научного. По выражению Е.Д.Смирновой, парадоксы «играют важную роль – роль окошечка в доменной печи, которое позволяет заглянуть в скрытую от поверхностного взгляда лабораторию нашей познавательной деятельности» [12: 56].

Вопросы соотношения ментальной и вербальной репрезентации знаний остаются до сих пор открытыми. Однако поскольку взаимодействие старого и нового знания признается механизмом парадокса, одним из релевантных способов его репрезентации является метафора. Метафора как механизм речи изучена достаточно подробно, о ней написано много работ. В последнее время исследуется метафоризация как когнитивно-языковой механизм [6: 55], состоящий в своеобразном удвоении (умножении) значения слова в речи, в употреблении слова, обозначающего

Новым явлением в развитии представительного движения стало образование в 1887 г. Постоянной совещательной конторы железозаводчиков⁹. В отличие от отраслевых организаций, Контора с самого начала складывалась как Всероссийская организация представлявшая интересы местных съездов горнопромышленников в столице. Все 13 съездов золотопромышленников также имели в Санкт-Петербурге общую представительскую организацию – Постоянную совещательную контору золото- и платинопромышленников, которая была учреждена в 1902 г.¹⁰, а начала свою деятельность с 1903 г. Контора, помимо отстаивания интересов уральских и сибирских золотопромышленников в правительственных учреждениях, организовала и провела два Всероссийских съезда золото- и платинопромышленников в 1907 и 1915 гг. Всего до революции в России существовали только эти две Постоянные совещательные конторы.

По данным А.О. Гушки (А. Ерманского)¹¹, в 1910 г. в России было 143 организации представлявшие интересы промышленников. Р.Ш. Ганелин и Л.Е. Шепелёв¹² приводят цифру – 175 организаций накануне Февральской революции.

Эти объединения формировались как постоянно действующие структуры, со своими исполнительными органами – Бюро или Советами, которые избирались на очередных съездах и представляли интересы участников организации в период между ними. Советы осуществляли руководство организацией и выполняли представительные функции. Они создавали специальный аппарат, состоявший из постоянных отделов и комиссий, разрабатывавших профессиональные и конкретные хозяйственные вопросы, относившиеся к интересам предпринимательского объединения.

Съезды издавали различные материалы по проблемам экономической политики и практики. Они имели свои периодические печатные органы – журналы и газеты. Самыми значительными являлись журналы «Промышленность и торговля», «Торгово-промышленный Юг», «Нефтяное дело», «Уральское горное обозрение», «Золото и платина». Финансирование этих изданий осуществлялось за счет обязательных взносов.

Представительные организации имели ряд особенностей. К ним относится жесткий контроль правительственных органов за их деятельность. Ведомства ограничивали организации строго очерченными юридическими рамками и сохраняли за собой право вмешиваться в их работу. Отраслевые съезды и их исполнительные органы создавались и действовали на основе особых уставов, утвержденных правительством. Предпринимательские союзы получили право

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е (далее – ПСЗ-3). Т. 7. № 4769.

¹⁰ ПСЗ-3. Т. 22. № 21782.

¹¹ Гушка А.О. [Ерманский А.] Представительные организации торгово-промышленного класса в России. СПб., 1912. С. 36.

¹² Ганелин Р.Ш., Шепелёв Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 году. К истории буржуазной контрреволюции // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М.-Л., 1957. С. 261.

принудительного денежного обложения промышленников своей отрасли, независимо от принадлежности к организации. Этот своеобразный налог позволял организациям иметь значительные материальные средства. Кроме того, многие горнопромышленники Юга России и Урала смотрели на свои Съезды как на законных представителей всей горной промышленности своего региона, имевших право от их имени выступать, ходатайствовать и посылать представителей во все местные и общегосударственные учреждения, в которых полагалось представительство промышленности.

Характерной чертой отраслевых организаций являлось то, что они представляли интересы крупной промышленности. При принятии решений по каким-либо вопросам голосованием, большинство голосов всегда было у тех предприятий, которые производили больше продукции или на которых трудилось большее число рабочих.

Огромное внимание предпринимательские союзы уделяли вопросам налогообложения, и в первую очередь земского. Владельцы золотых приисков, шахт, металлургических заводов, солеварен и каменоломен должны были ежегодно выплачивать определенные суммы в фонды местных земств. Жалобы на чрезмерность земских налогов постоянно присутствовали в материалах почти всех съездов горнопромышленников. Однако в этом вопросе пожелания капитала наталкивались на жесткое сопротивление местного самоуправления. В остальных же вопросах обращения промышленников почти всегда были результативными, благодаря настойчивости и последовательности руководителей организации.

Важнейшие направления деятельности съездов – вопросы, относящиеся к работе транспорта, расширению сети железных дорог и понижению железнодорожных тарифов, увеличению покровительственных таможенных ставок и установлению вывозных премий; развитию кредитных учреждений, улучшению почтово-телеграфных и телефонных сообщениях, совершенствованию системы образования и т.п. Большое внимание съездами уделялось проблеме взаимоотношения работодателей и наемных рабочих. Борьба против попыток правительства регулировать рынок труда составляла важнейшее направление их деятельности. В этом вопросе власти столкнулись с упорным противодействием предпринимательских объединений.

Члены представительных организаций поддерживали постоянные и прочные контакты с правительством. Широкое распространение получила практика приглашения чиновников различных ведомств в создаваемые промышленниками комиссии и совещания. «Живое общение» иногда приобретало крайние формы, вплоть до финансирования промышленниками некоторых новых правительственных учреждений.

В тоже время сами представительные организации использовали различные способы воздействия на органы государственной власти. Они направляли петиции и обращения, участвовали в «рабочих группах» правительства, направляли

лируемого и случайного развития. Был сделан вывод о необходимости построения универсального языка для непротиворечивой и однозначной записи научных истин и расширения сферы человеческого познания. Начинают предприниматься попытки конструирования идеального «философского» языка [2; 3], которые сначала имели скорее умозрительный характер, затем, благодаря исследованиям Г.Лейбница перешли в новое качество – практически осуществимой программы.

Однако несмотря на многовековые попытки внедрения, эта идея так и не получила реализации на практике.

II. Постановка задачи.

Искусственные языки отличает стремление к упорядоченности и безличной объективности. Конструкции идеальных языков есть продукт механистического истолкования природы мышления. Такой язык задает границы мысли, препятствуя ее развитию. Научное познание невозможно формализовать, поскольку, с одной стороны, мышление неалгоритмично и неатомистично, с другой – связь языка и мышления не столь проста и однозначна. Эти явления являются взаимопроницаемыми и связаны диалектическими отношениями, следовательно, находятся между собой в сложной и противоречивой связи, формы проявления которой могут быть самыми разнообразными: от наличия несомненного единства до борьбы. Язык, тесно связанный с мышлением, участвует во всех психических и когнитивных процессах, представляя собой сложным образом воплощенные его механизмы. Необходимо учитывать при моделировании искусственных научных языков специфику познавательного процесса.

III. Результаты.

Теоретики универсального языка предъявляли требование очищения языка от различного рода парадоксов [11]. В широком смысле под парадоксом понимают положение, резко расходящееся с общепринятыми, устоявшимися, ортодоксальными мнениями по какому-то вопросу и кажущееся нелогичным; в узком смысле – это два противоположных, несовместимых утверждения, для каждого из которых имеются кажущиеся убедительными аргументы. Вопрос о парадоксальности познавательного процесса стал особенно значимым в связи с развитием математики и естествознания. Так, В.Гейзенберг писал о необходимости пересмотра классической формальной логики на основании новых данных физики и способах их выражения. Он приходит к выводу [4: 111], что на ступени языка, относящейся к сущности объектов действительности, должна быть модифицирована основная аксиома классической логики – закон противоречия. Постулат, согласно которому, два противоречащих друг другу суждения не могут быть одновременно истинными, неадекватен данным современной физики. К

Береснева Н.И.

*д. филос.н., декан философско-социологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Мишланова С.Л.

*д. филол.н., заведующий кафедрой лингводидактики Пермского
государственного национального исследовательского университета*

Голева Е.О.

*студентка философско-социологического факультета
Пермского государственного национального
исследовательского университета*

«ПАРАДОКСОВ ДРУГ»: РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПАРАДОКСАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ЯЗЫКА НАУКИ²

***Аннотация:** Рассматриваются проблемы создания искусственных семиотических систем для обслуживания сферы научного познания в контексте парадоксальности научного познания. Попытки представления языка науки как «идеального», «универсального», «философского» для непротиворечивой и однозначной записи научных истин и расширения сферы познания оказываются неудачными, поскольку не учитывают специфику познавательного процесса, в частности, такое его свойство как парадоксальность. Метафора, благодаря которой язык является достаточно гибким, чтобы не сковывать развития знания, представляется одним из релевантных способов репрезентации парадокса. Если парадокс – атрибут научного познания, то метафора – неизбежный компонент языка науки. Авторы делают вывод о том, что проектирование «идеального» языка науки невозможно без учета механизмов метафоризации и должно включать метафорическое моделирование.*

***Ключевые слова:** научное познание; «идеальный» язык; язык науки; парадокс; метафора*

I. Введение.

Способность языкового мышления отображать реальность является одной из ключевых проблем гносеологии. С XVII-XVIII вв. учеными ставится проблема несовершенства естественных языков, явившихся результатом неконтро-

² Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-13-59007

отзывы на правительственные документы, проекты законов, влияли на экономическую политику путем постоянных контактов с ведущими государственными деятелями, образовывали собственные совещания и съезды по проблемам экономической политики и частным хозяйственным вопросам и т.д.

Вначале XX в. сложился союз, основанный на сотрудничестве представительных организаций и исполнительной власти. Многие предпринимательские ассоциации добились права посылать своих представителей в правительственные комиссии, участвовать на постоянной основе в работе местных и центральных ведомств. Среди них – Совет по горнопромышленным делам, Комиссия по золотопромышленности, Комитет по распределению заказов, Совет по страхованию рабочих, Особое по промысловому налогу присутствие, Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие, Общее присутствие казенных палат и другие.

Несмотря на недостатки, совещательные организации, по собственному почину или по решению правительства, участвовали в решении ряда хозяйственных вопросов посредством подачи многочисленных ходатайств, учреждения специальных комиссий, посылки торговых агентов за границу, привлечения специалистов для разрешения спорных вопросов и для принятия решений по техническим проектам. Значительное внимание ими уделялось составлению для министерств отчетов об экономическом положении на местах.

Советы Съездов прилагали много усилий для защиты национальной промышленности, выступали за повышение пошлин на некоторые товары, за снижение железнодорожных тарифов, помогали промышленникам получать разрешения на открытке новых предприятий и добиваться привилегий и льгот, рассматривали дела о выдаче авторских свидетельств на открытия и изобретения. По некоторым позициям они достигли определенных успехов. Однако жесткий контроль правительства лишал совещательные органы самостоятельности, делал их работу малорезультативной.

Политические события 1905 г. дали мощный импульс организационной энергии предпринимателей, оказали сильное воздействие на процесс совершенствования представительного движения. Новым явлением стало возникновение всероссийских организаций, объединивших вокруг себя большую часть существовавших союзов. Самым мощным и влиятельным объединением крупного капитала были Съезды представителей промышленности и торговли. По замыслу его учредителей, новый союз должен был стать центром представительного движения.

Согласно «Положению о Съездах представителей промышленности и торговли»¹³, принятому 24 августа 1906 г., его цель состояла в «выяснении и обсуждении вопросов, касающихся общих нужд промышленности и торговли, в разработке мер, клонящихся к их преуспеванию, а равно для объединения представительства общих интересов промышленности и торговли». По положению новое объединение не являлось политической организацией, а было направлено на за-

¹³ ПСЗ-3. Т. 26. № 28265.

щиту экономических интересов предпринимателей, промышленности и торговли, содействие возникновению местных представительных организаций, регулирование отношений между трудом и капиталом, сбор статистических сведений и подготовка исследований по вопросам торгово-промышленной жизни, организация выставок, музеев, школ, испытательных станций и т.п.

Исполнительным органом нового союза был Совет Съездов, который координировал и направлял деятельность входивших в организацию объединений, не покушаясь на их самостоятельность, добивался от правительства учета экономических интересов предпринимательских групп. Совет состоял из выборных членов, избравшихся на очередных общих съездах.

За время своего 12-летнего существования это предпринимательское объединение провело 11 общих съездов. За три первых года – с апреля 1906 г. по февраль 1911 г. – состоялось 517 заседаний. «Другими словами, – отмечал журнал «Промышленность и торговля», – исключал летние месяцы, в среднем в месяц было 21-22 заседания, т.е. почти не проходило присутственного дня без заседания»¹⁴. Большую активности проявлял Комитет совета, строивший свою деятельность с учётом рекомендаций постоянных комиссий¹⁵.

Несмотря на кратковременное существование, Съезды заняли главенствующее положение в предпринимательском движении. Они использовали разнообразные способы для осуществления своих уставных задач. Одним из основных способов стал созыв разнообразных совещаний и комиссий. На них без шума и посторонних свидетелей вырабатывалась позиция по хозяйственным вопросам, снимались разногласия и противоречия, возникавшие внутри организации, достигалось единение и согласие членов организации¹⁶.

Таким образом, в начале XX в. в России сформировалась многоуровневая система представительства торгово-промышленной буржуазии, поддерживаемая правительством, каждое звено которой, дополняя друг друга, использовало различные приемы и способы (от ходатайства до прямого участия в работе правительственных учреждений) для лоббирования корпоративных и профессиональных интересов капитала. Разнообразие представительных форм было обусловлено особенностями экономического и геополитического развития страны: большой территорией, разрозненностью промышленных районов, спецификой отраслевой структуры, степенью организованности торгово-промышленной буржуазии и т.д. Кроме того в это время в России сложился действенный механизм управления экономикой, соединивший государство и частный капитал. Представительные союзы и в первую очередь предпринимательские, являлись важнейшим звеном в системе прямой и обратной связи между капиталом и правитель-

¹⁴ Промышленность и торговля. 1911. № 6. С. 248.

¹⁵ Шапкин И.Н. Представительные организации российского капитала и их роль в экономическом развитии страны (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора. эконом. наук. М., 1996. С. 24-25.

¹⁶ Промышленность и торговля. 1908. № 8. С. 469.

не переходя из крайности классического непротивленческого пацифизма в крайность воинственного милитаризма.

Литература

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_21.html (дата обращения: 22.09.2014).
2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М., 1993. – С. 254-357.
3. Браун Егор. Русская философская мысль о войне. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/07/21/1558> (дата обращения: 22.09.2014).
4. Герцен А. И. Собр. соч. в 30 тт. Т. XIV. – М., 1958.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., 1993. – С.6-125.
6. Илюхина Р.М. Пацифизм и насильственная альтернатива в истории // Принципы ненасилия: классическое наследие. / Отв. ред. В.М.Иванов. – М., 1991. – С.163-174.
7. Илюхина Р.М., Сдвижков Д. А. Международные аспекты российского миротворчества на рубеже XIX-XX веков. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века (Становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / Под ред. Т.А.Павловой, П. Брока, Р.М. Илюхиной, Л. Клиппенштейна и А.О.Чубарьяна. – М., 1997. – С.179-201.
8. Карсавин Л.П. Церковь, личность, государство // Карсавин Л.П. Малые сочинения. – СПб., 1994. – 532 с.
9. Общество мира в Москве. Вып. II. – М., 1912.
10. Рудницкая Е.А. Идея мира в русской общественной мысли XIX века // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России» / Под ред. Т.А. Павловой, П. Брока, Р.М.Илюхиной, Л. Клиппенштейна, А.О. Чубарьяна. – М., 1997.С. 79-86.
11. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. – Т. 28. – М., 1958. – 396 с.
12. Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. – 1914. – № 12. – С.125 – 132.
13. Франк С.Л. Религиозные основы общественности // Путь. – 1925.- № 1. – С. 9 – 30.
14. Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 8 т. – Т. III. – М., 1900. – 504 с.

когда не бывает неизбежной в порядке абсолютном. Это «греховная необходимость». «Бог творит чудеса, но христианин не может «рассчитывать» на них и вымогать их, ибо тогда он перестанет быть свободным сыном Божиим» [Цит. по: 3].

Христианские мыслители пытались преодолеть состояние исторического релятивизма и выдвигали планы устройства мира на подлинно вечных, незыблемых законах и началах человеческой жизни. В основе общественной жизни философ С.Л. Франк видел начало солидарности, «непосредственного единства многих, сопринадлежности отдельных людей к некому единому «мы». Так великий нравственный принцип: «люби ближнего, как самого себя», предполагает усмотрение в другом человеке «ближнего», себе подобного, связанного со мною, с участью которого связана моя участь. Все теории, выводящие какие-либо формы общения из сочетания индивидуальных эгоистических воль, ложны» [13.С.13].

В основе человеческого общежития лежит и другое, в известном смысле противоположное начало: начало личной свободы. Если кто-то парализует свободную волю человека как «образа и подобия Божия», он теряет свою сущность, гибнет, а вместе с ним гибнет и общество. Суровая дисциплина может только регулировать и воспитывать, а не творить. «Всякий деспотизм может существовать, лишь пока он хотя бы частично опирается на свободную волю» [13. С. 15].

IV. Выводы

Таким образом, войны начала XX в., политические и военные катаклизмы заставили российскую философскую мысль обратить пристальное внимание на противоречия мира и войны. Важное место в этом дискурсе имели принципы русской православной цивилизации. Однако, взгляды эти, несмотря на все ужасы войны, не были сугубо непротивленческими. Если попытаться классифицировать рассмотренные концепции, то в отечественной философии начала XX века эволюция миротворческих идей шла в направлении от классического пацифизма к либеральному пацифизму (или плюрализму) с доминированием последнего. Сторонники либерального пацифизма допускают войну как «последнее средство» в деле достижения мира. Они выступают не против войны вообще, а против агрессивной войны. Это наиболее распространенная в современном мире точка зрения на вооруженное насилие.

Мир и покой наступят лишь в Царствии Божиим, а в нашем бытии мы вынуждены бороться со злом. В этом смысле идея войны как крайнего средства стала решительным ответом на разгулявшееся зло. «Оправдать войну, – писал С.Л.Франк, – значит доказать, что она ведется во имя правого дела, что она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в человеческой жизни какие-либо объективно ценностные начала...» [12. С. 126]. Отечественная социальная философия считает нравственно оправданной только войну в защиту высших духовных святынь, которыми И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин и другие мыслители считают защиту родины и мира. Русская философская мысль дала эвристически ценное толкование многих противоречий в диалектике мира и войны,

ством. Предпринимательские союзы превратились во влиятельнейшие образования, которые оказывали значительное воздействие на характер и динамику экономического развития, модернизацию промышленности. Вопросы железнодорожного строительства, торгового судоходства, таможенные и железнодорожные тарифы, казенные заказы и многие другие хозяйственные вопросы находились в центре их внимания. Однако ряд экономических вопросов, ставившихся представительными организациями и затрагивавших интересы казны и дворянства, не всегда находил понимание у царского правительства. Предпринимательские организации прилагали большие усилия для их решения, пытались убраться преграды на пути развития страны.

Никитина Т.Б.
МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола

«ЗОЛОТОЙ» ПОЯС ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО РУСЕНИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА МАРИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: марийцы, поясной набор, датировка, культурные связи.

Аннотация. В работе впервые опубликован новый материал по поясному набору из Русенихинского марийского могильника, проведена датировка, типология составных частей и графическая реконструкция изделия. Полученный материал имеет аналогии в памятниках Алтая и Средней Азии и представляет значительный интерес для изучения южных связей населения Ветлужско-Вятского междуречья. Данный вопрос в настоящее время почти не разработан.

Русенихинский могильник расположен на правом берегу р. Ветлуги в Нижегородской области. Раскопки проводились в 2011-2013 гг. Государственным бюджетным научным учреждением «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 10-01-18045е, № 11-01-18023е, № 13-01-18052): изучено 18 погребений и 15 жертвенных комплексов между могилами. По погребальному обряду и инвентарю (преимущественно украшениям и деталям одежды) памятник отнесен к марийской культуре IX-XI вв.

Значительный интерес представляют поясные наборы с металлическими накладками, которые являются ценным источником для изучения культурных и торговых контактов марийского населения в эпоху средневековья. Целью данной статьи является публикация уникального пояса на примере которого возможно проследить культурные связи населения Ветлужско-Вятского междуречья с тюркоязычными народами.

Поясной набор обнаружен в жертвенном комплексе 13. Объект представляет собой ямку округлой формы диаметром 38 см (рис. 1). Заполнение состояло из светло-серого суглинка, вдоль края на расстоянии 5 см от стенки заметна темная гуммированная полоса, образующая окружность, местами встречаются мелкие фрагменты луба. Вероятно, существовал туесок или деревянный сосуд. Внутри этой окружности заполнение становится по мере углубления более темным почти черным ко дну. Яма заглублена в материковый слой на 17 см. В засыпи были обнаружены серебряная накладка из дирхема, которые обычно использовались для окантовки чаши (№1)(рис. 3-1,4), серебряная серьга со змеевидным основанием

Таким образом, гуманистическая философия Н.А. Бердяева, безусловно, должна быть отнесена к миротворческой традиции. Если он пишет об онтологическом зле, то непременно его бичует и в пессимистических строках чувствуется вера в возвышение свободного духа человека.

Более определенное отношение к диалектике мира и войны и пацифизму Л.Н. Толстого выразил И.А. Ильин в книге «О сопротивлении злу силою» (1925). Главным объектом критики Ильина стало учение о непротивлении злу насилием. Теория И.А. Ильина получила название доктрины необходимой войны. Другими словами, его взгляды согласуются с принципами либерального пацифизма. Русские религиозные философы соглашались с Л.Н. Толстым в том, что люди должны стремиться исключить насилие из своей жизни. Однако они не считали всякое применение силы злом: важен мотив этого действия. По И.А.Ильину, таким мотивом может быть жертвенная одухотворенная любовь.

В ответ на заповедь Л.Н.Толстого «не противься злу силой» И.А.Ильин выдвигает максимум «противиться злу из любви». Но, провозгласив возможность оправдания насилия, И.А. Ильин сохраняет негативную к нему оценку. «Физическое воздействие должно при всех условиях беречь духовную очевидность человека, не подавляя в нем чувства его собственного духовного достоинства и не колебля доверия человека к самому себе. Вот почему должны быть осуждены и отвергнуты все формы физического понуждения, разрушающие душевное здоровье и духовную силу человека: лишение пищи, сна; непосильные работы; пытки, заключение в обществе злодеев; унижительное обхождение и т.д.» [5. С. 70].

По И.А.Ильину, следует различать насилие как самоцель, упоение насилием и насилие инструментальное, которое выступает как единственный способ преодоления зла. Однако, философ понимал, что начавшись как инструмент, зло вполне может утвердить себя в качестве нормы. «Война предъявляет к человеку почти сверхчеловеческие требования; и если народ порывом поднимается на надлежащую высоту, то по окончанию порыва, обыкновенно выдыхающегося задолго до окончания войны, уровень народной нравственности всегда оказывается падшим» [5. С. 108]. По этой причине философ формулирует необходимые принципы.

Во-первых, принцип легитимной власти, гласит, что только законная власть, которая опирается на доверие всего народа, вправе решать при каких обстоятельствах следует обращаться к насилию. Во-вторых, принцип крайнего средства, требует обращаться к насилию лишь в том случае, когда все другие средства уже невозможны. В-третьих, принцип пропорциональности ограничивает насилие соразмерно угрозе.

«В войне... совершается такое великое добро, как жертва своей жизнью за других», – говорит другой крупный российский философ XX века, критик теории непротивления злу Л.П. Карсавин [8. С. 427]. Размышляя об оправданности войны, Л.П. Карсавин твердо пишет о том, что никакая война никак не оправдана с христианской точки зрения. Она может быть неизбежной в порядке греховно эмпирическом и ни-

разрушению есть созидательная страсть!» перечеркивает миротворческую идею, в конечном счете, апофеозом войны. Война включается в действенный арсенал средств достижения благоденствия народов. Революционеры осознают себя единственными выразителями истинной воли и интересов народа. Вместе с тем последнее десятилетие XIX века в России знаменовалось мощным интеллектуальным прорывом, попыткой либеральных философов выдвинуть ненасильственную альтернативу развития международных отношений.

В XX столетии классический пацифизм трансформируется в либеральный пацифизм или плюрализм. В центре его идеологических позиций стоит устранение агрессивной войны. Применение силы рассматривается как нежелательная, но в ряде случаев необходимая альтернатива. С определенными оговорками к плюрализму можно отнести миротворческий дискурс Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка.

Выдающийся русский философ Н.А. Бердяев дискутировал с Л.Н. Толстым об онтологических противоречиях войны и мира на земле, о силе зла в человеке и мире. Философ ценил высоту нравственного сознания Л.Н. Толстого. В то же время, по Н.А. Бердяеву, Л.Н. Толстой не понимал тайны богочеловечности, т.е. различия двух природ. Борьба со злом должна вестись в реальном земном мире, а окончательное торжество божественного закона означало бы начало нового мира.

Причину войны Н.А. Бердяев видел в недостатке в людях веры и духовной силы. «Господство войны и военной силы в мире, есть выражение неверия в силу самой истины, в силу духа, в силу Божию» [2. С. 310]. Философ абсолютно прав в том, что победа над злом войны невозможна без радикального изменения человеческого сознания. Мир человечности и духовности – принципиально иной, чем мир страдания, зла и войны [2. С. 311].

Вместе с тем, Н.А. Бердяев критикует пацифизм как «психологию фанатизма», догматизм и доктринерство. По мнению философа, пацифизм диктует принципы абсолютной жизни, в которой не может быть войны, насилия, убийства, но они не применимы к относительной человеческой жизни. В этом его ложь, считает Н.А. Бердяев. Пацифизм слишком отвлечен от реальности. В его стремлениях избежать войны кроется желание сбросить с себя ответственность, оставляя человечество в прежнем состоянии. «Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни» [1].

Н.А. Бердяев заключает, что отношение к войне может быть только антиномическим. Благодушное отношение к войне – недопустимо и безнравственно. Войну следует и принимать, и отвергать; принимать во имя отвержения. Одна из целей нынешней войны – свержение милитаризма. «Милитаризм и пацифизм – одинаковая ложь. И там, и здесь – внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни» [1].

(№ 2)(рис. 3-7) и пронизки из медной проволоки (№ 3). Вторая аналогичная серьга находилась в западной части на дне (№ 8)(рис. 3-8). В комплексе также найден железный нож с деревянной рукояткой с обмоткой из серебряной проволоки в ножнах из ткани, войлока и луба (№ 9)(рис. 3-6). Ремень располагался по окружности в верхней части в два ряда. К ремню крепились пронизки (рис. 2-6) и кошелек (№ 11)(рис. 2-9). В комплексе обнаружены также две монеты и одно подражание середины-второй половины X в. (№№ 5,6,10)(рис. 3-2,3,5). Под ремнем обнаружена шерстяная ткань саржевого переплетения. Под слоем ткани фиксировались слои меха, кожи со следами вышивки металлической нитью и войлок. Сохранность органики плохая, материалы перемешаны друг с другом, выяснить последовательность залегания материалов трудно. Вероятно, в комплексе находился сверток одежды. На дне сохранились фрагменты войлочного коврика.

Поясной набор подлежит графической реконструкции. Основу пояса составил кожаный ремень шириной 2 см, обтянутый тканью (рис. 2-5). По определению О.В. Орфинской ткань представляет собой полихромный шелк-самит. Цвета, к сожалению, установить не удалось. Ткань охватывает полосу кожи по всей длине, смыкается с внутренней стороны. Пояс был обернут в два оборота, повторяя положение пояса на человеке. Каждый ряд украшен накладками разного типа; в одном ряду накладки крепились вдоль ремня, во втором поперек. Типологически накладки основного ремня отличаются лишь по размерам и пропорциям, но выполнены в одном художественном стиле. Ремень имеет наконечник и пряжку, оформленные в этом же стиле (рис. 2-3,4). К основному ремню крепился дополнительный узкий ремешок с накладками и наконечником (рис. 2-1,2). Накладки на основном ремне крепились поверх ткани с помощью трех шпеньков, которые пронизывали слой ткани, кожи и ткани с внутренней стороны, имели с внутренней стороны подложенную круглую пластинку и заклепаны. Накладки на дополнительном ремешке прикреплены непосредственно на кожу без ткани с помощью 1 шпенька и также заклепаны, имели иную форму, орнамент состоит из мотивов повторяющих отдельные детали орнамента накладок и наконечника на основном ремне. Накладки на основном и дополнительном ремешках, пряжка и наконечники выполнены из сплава на медной основе (хорошо видно в изломе) с позолотой. К поясу с правой стороны крепился на сплетенных из кожи ремешках кошелек грушевидной формы из хвоста бобра (рис. 3-9), и многочисленные подвески из кожаных шнурков с бронзовыми обоями, раздваивающиеся на конце и образующие своеобразную бахрому (рис. 2-6).

Накладки.

Тип 1. Накладки пятиугольной формы размерами: высота 2,0 x ширина 1,7 см, крепятся вдоль ремня мысиком сбоку.

Тип 2. Накладки пятиугольной формы размерами: высота 1,7; ширина 2 см. Крепятся на ремень мысиком вниз.

Тип 3. Шестиугольные с параллельными сторонами: ширина – 0,9; длина – 1,0 см

Наконечник для основного ремня имеет размеры изделия 4,6 x 2,4 см, наконечник для дополнительного ремешка размерами 0,9 x 2 см. Оба наконечника оформлены в соответствующем с накладками стиле.

Накладки, наконечники и пряжка изготовлены из сплава на медной основе и покрыты золотой фольгой. Металлографический анализ их методом РФА показал достаточной высокий процент золота в позолоте, ртути не обнаружено (таблица 1).

Точных аналогий накладкам нами не обнаружено. Накладки типов 1 и 2 по форме изделия и растительному орнаменту близки накладкам Рождественского археологического комплекса, отличаясь только оформлением трилистника (Белавин, Крыласова, 2008, рис. 199-50,51). Растительный орнамент с изображением трилистника в центре достаточно широко распространен в эту эпоху и признано его восточное происхождение.

Наборные пояса с использованием большого количества накладок известны на рубеже тысячелетий на широкой территории степной, лесостепной и лесной части Восточной Европы. Многочисленные реконструкции поясных наборов позволяют говорить об их особенностях на различных территориях. В большинстве случаев для большинства поясных наборов характерно сочетание разнотипных накладок, причем количество типов бывает достаточно многочисленно и взаиморасположение накладок на поясе различно. Обнаруженный набор, также как и большинство поясов из марийских могильников Ветлужско-Вятского междуречья, отличается строгой завершенностью в выдержанном стиле: 2 типа накладок (для каждого ряда пояса отдельный) на основном ремне и 1 тип на дополнительном.

Украшение бронзовых частей пояса золотой фольгой засвидетельствовано в аварских и кыргызских древностях. Уже с VII в. медные бляшки с золоченым покрытием известны в Согде и Пенджикенте (Беленицкий, Распопова, 1980, с. 213-218; László, 1955), иногда встречаются в финно-угорских древностях, где являются признаком социальной престижности обладателя такого пояса (Зеленцова, Митоян, Сапрыкина, 2012, с. 42-51).

Накладки, пряжка и наконечники по технологии изготовления (медь, покрытая позолотой), креплению при помощи штифтов и плоских пластин-фиксаторов (они не позолочены) имеют аналогии с металлическими накладками тюркского пояса из некрополя Катанда-3 (курган №7) Горного Алтая (Горбунов, Тишкин, Хаврин, 2008). Интерес представляют и находки из другого кургана №11 этого же памятника: кенотаф с захоронением верхового коня и местом для погребения человека. В части могилы, предназначенной для человека, выше берестяного колчана, находился монолит из кожи, металлических изделий и шелка, принятый первоначально за остатки сумки (Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. 10). Позднее разбор этого монолита выявил наличие пояса, застегнутого вокруг свертка одежды. Свертки одежды из кожи, мехов и ткани (или их части), опоясанные кожаными ремнями с металлическими накладками являются частой находкой в жертвенных комплексах Русенихинского могильника (Никитина, Ефремова, 2012, с. 212-216). Декор блях накладок из кургана 11 могильника Катанда

мира и войны в контексте основополагающих для славянофилов идей духовной миссии России и христианства. Именно с ненасильственным началом русской истории связывался славянофильский пафос ученого. Очень актуально звучат слова философа: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству Русскому и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщениия» [14. М. 1900. Т. III. С. 28].

В размышлениях о всемирной истории, война вписывалась А.С.Хомяковым в ряд разрушительных сил, сокрушающих человеческое братство, противное началам духовной жизни. Философ верил в христианское воссоединение народов, в то, что национальное чувство, лишившись эгоизма и тщеславия, способно сочетаться с безусловным и необходимым уважением всякой народности. Вместе с тем, идеи философа не были сугубо пацифистскими, видя в войне безусловное зло, он, однако, признавал ее в некоторых случаях необходимой.

Собственное отношение к войне и к миротворчеству высказывал не раз А.И.Герцен. Он писал: «Мы не рады войне, нам противны всякие убийства – оптом и вразбивку; те, за которые вешают, и те, за которые дают кресты; нам жаль всякую кровь, потому что крови веселее течь в жилах, чем по траве и песку» [4. 1958. Т. XIV. С.98]. Он считал исчерпанными аргументы против войны: «Философический, теоретический вопрос о мире и войне давно уже исчерпан; новых сомнений, требующих ответа, новых открытий, ожидающих утверждения, уже нет. Речь идет о применении, о воплощении в жизнь этих теорий» [4. 1960. Т. XXI. С.382]. Однако, их жизненность, осуществимость вызывает у А.И. Герцена глубокий скептицизм. Основная посылка: «Верные нашему реализму, мы принимаем войну за факт и несколько не намерены терять время чувствительно и бесполезно, разглагольствуя о всеобщем мире, тоскуя о вселенском братстве...» [4. Т. XIV. С.99].

К концу XIX века все более укреплялась тенденция апологетики войны, крайнего радикализма, изначально порожденного историческими предпосылками. Революционная практика опережала в России возникновение реальных условий для выдвигаемых социально-политических целей. Свое концептуальное оформление революционный радикализм получил в «русском бланкизме», идейным вдохновителем и практиком которого был Петр Ткачев. В системе бланкистских идей миротворчество превратилось в свою противоположность. Проблема войны и мира постепенно вытеснилась вопросом о соотношении войны и революции с точки зрения интересов революции. Суть подхода сводилась к тому, что война рассматривается как действенный элемент, способствующий революции, а потому желательный и плодотворный. Именно эти идеи стали пропагандироваться в 70-х гг. XIX в. на страницах журнала «Набат», созданного П. Ткачевым.

Так, пацифистские идеи в России, заявив о себе еще в XIX столетии как выражение общегуманистических устремлений эпохи Просвещения приходит к радикальной идеологии, к своему самоотрицанию: разрушительная сила войны становится органичным слагаемым разрушительных методов решения социально-политических проблем. Девиз, заявленный М.А.Бакуниным: «Страсть к

праве и элементе закона в отношениях между народами. Идеал пацифизма – замена режима войны и насилия между народами режимом правового порядка в международных отношениях» [Цит. по: 7. С.180].

Обращение к историческому опыту обсуждения отечественной философской мыслью проблемы мира и войны позволит полно отразить эволюцию миротворческих идей в указанный период. Именно опыт философской рефлексии способен показать глубину проблемы, неоднозначность и многообразие толкований ее смысла, цены, механизмов предотвращения войны.

В общем виде можно выделить три подхода в обсуждении диалектики мира и войны: пацифизм, апологетику и плюрализм. Пацифизм категорически отвергает войну и насилие в любых проявлениях. Апологетика войны, напротив, отстаивает исключительно важную роль военного дела и милитаризма в прогрессе цивилизации. Сторонники плюрализма допускают войну как «последнее средство» в деле достижения мира. Это наиболее распространенная в современном мире точка зрения на вооруженное насилие. Указанные подходы можно обнаружить и в философском дискурсе конца XIX – начала XX веков. Рассмотрим их подробнее.

III. Результаты

В массовом сознании миротворчество и пацифизм часто рассматриваются как синонимы. Однако, термин «миротворчество» по своему содержанию гораздо шире понятия «пацифизм», поскольку наряду с ненасильственными средствами подразумевает также возможность достижения мира через военное или революционное насилие. Пацифизм в свою очередь (от *рах* – мир и *фасю* – делаю) «является определенным типом миротворчества, представляя собой идейно-политическое течение в истории, в основе которого лежит отказ от насилия вообще и войн в частности» [Цит. по: 6. С.168-169].

Как известно, аксиомы российского пацифизма были представлены еще в XIX столетии в творчестве Л.Н. Толстого. Усмотрев сущность зла как источника всех проблем, мыслитель довел эту идею до логического завершения – насилия быть не должно. Исходя из основного противоречия эпохи между военным положением народов и нравственными правилами христианства и гуманизма, между политикой и моралью, активная ненасильственная альтернатива Л.Н. Толстого призывала к борьбе со злом ненасильственными средствами [11. С.58–60]. Если целью человека является искоренение зла, то использование насилия в качестве средства в борьбе со злом «может только увеличить, а не уменьшить зло».

Христианский этико-социальный пацифизм Л.Н. Толстого стал не только итогом развития концепции ненасильственной альтернативы, но и началом нового этапа практического воплощения в жизнь одного из ведущих пацифистских методов борьбы против войн и насилия.

Миротворческая проблематика занимает важное место в творчестве философа А.С. Хомякова. В записке «О старом и новом» он рассматривал диалектику

3 аналогичен также поясным накладкам из погребения 80 Дубовского марийского могильника (Никитина, 2012. рис. 285), синхронного рассматриваемому Русенихинскому.

Таким образом, обнаруженный «золотой пояс» в жертвенном комплексе Русенихинского могильника по стандартному сочетанию накладок в наборе, их орнаментальным мотивам обнаруживает значительное сходство с поясами тюркоязычных народов. Ряд других особенностей погребального обряда марийских могильников: свертки одежды, войлочные коврики также позволяют говорить о культурных связях населения Ветлужско-Вятского междуречья с тюркоязычными народами Средней Азии и, возможно Алтая. Механизм этих связей и характер взаимодействия населения требуют специального изучения.

Литература:

1. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. 2008. Древняя Афукула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь. 603 с.
2. László G. Etudes archéologiques sur l'histoire de la société des avars. – «Archaeologia Hungarica». Т. 34. Budapest, 1955
3. А.М. Беленицкий, В.И. Распопова Согдийские «золотые пояса» // СНВ. Вып. XXII. М.: 1980. С. 213-218.
4. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Изучение тюркских поясов по результатам рентгенофлюоресцентного анализа // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, Азбука, 2008. С. 165-167.
5. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. С.115-129.
6. Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Отражение культа предков арийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX-XI вв. // Другая Русь. Чудь, меря и иные языцы. Stratum, 2012, № 5. С. 179 – 194.
7. Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Сапрыкина И.А. Поясной набор с позолотой из Крюково-Кужновского могильника средневековой мордвы // РА, 2012, № 2. С. 42-51.
8. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX-XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань, 2012. 408 с.

Таблица 1. Результаты анализа накладок поясного набора из жертвенного комплекса 13 Русенихинского могильника (выполнены д.т.н. С.Я.Алибековым)

предмет	Cu	Ag	Sn	Pb	Zn	Au	Fe	Mg	Si	Ni	Sb	Bi	As	Re	Pd	S	Al	Ti
Накладка тип 2 лиц.стор.	23,4	2,47	8,46	0,47		60,8	2,6				0,9			0,92				
Накладка тип 2 обр.стор	64,92	0,30	1,81	8,89	2,34	2,8	0,76				0,48	0,11	3,88		0,62			
Накладка тип 2 лиц.стор.	17,6	1,76	7,34	0,74		67,09	1,91				1,83			0,25				
Накладка тип 2 обр.стор	71,95		3,04	10,79	2,58	1,71	0,45	4,25	1,76	0,11	0,33	0,21	1,76	0,51	0,39			0,04
Накладка тип 1 лиц.стор.	45,27	0,95	2,32	3,17	0,49	38,78	3,78				1,04			0,81	0,72			0,28
Накладка тип 1 обр.стор	72,78	2,21	1,59	5,44	3,89	4,82	1,17		1,2		0,28		5,67	1,35				
Накладка тип 1 лиц.стор.	27,44	1,88	4,05	0,10		62,78	4,15							0,5				
Накладка тип 1 обр.стор	63,95	1,46	1,63	8,13	2,38	0,7	1,24					0,6	6,4	0,67				0,28
Пряжка лиц.стор.	24,8	6,87	2,91	0,93		52,41	5,35		7,91					0,76				0,76
Пряжка обратная	64,93	1,64	1,69	17,90	1,27		3,36											0,50
Наконечник ремня основной лицевая	50,82	0,28	2,02	22,17	3,62		1,74	11,78	0,38									0,14
Наконечник К основной обратная	26,30		0,18	2,48	2,96							0,07						
Дополнительный лицевая	20,37	1,16	2,24	0,51		60,80	2,66				0,27			9,23	0,23	1,3		0,43
Накладка Дополнитель лицевая	22,44	4,36	4,51	0,48		61	5,36											1,47
Накладка Дополнит обратная	56,82	0,07		18,03	0,96		0,96	3,30	11,81			0,52					6,11	0,24
Пуговица лицевая	5,74		85,42	3,32	0,26		0,74	2,35	1,44	0,04		0,19				0,45		0,45
Пуговица обратная	8		82,53	0,38	0,55		5,21								0,48			0,74
Шайба-фиксатор	33,06	7,18	26,93	11,06	0,36		3,21	7,28	10,43						0,17			0,4
Шайба-фиксатор	51,42		0,3	0,15	1,2		0,40											
Шайба-фиксатор	52		1,11	0,28			0,44											

Необходимо учитывать и тот факт, что российская историография проблемы мира и войны существенно отстает от мирового уровня. Думается, что одной из причин этого является отмечаемый исследователями, вызванный конкретными социально-политическими обстоятельствами милитаристский крен в отечественных исторических исследованиях. По словам Р.М. Илюхиной, безымянные воины, выступавшие против насилия, всегда находились в тени прославленных полководцев, их называли утопистами, идеалистами, непротивленцами, антипатриотами, предателями, они всегда были антигероями [См.: 6. С. 165-166]. Думается, что анализ философских текстов позволит иначе взглянуть на проблему, определить этапы и объяснить тенденции в осмыслении диалектики мира и войны.

II. Постановка задачи

Философское осмысление диалектики мира и войны происходит в рамках определенного социума, взаимодействуя с тем, что принято называть базисным социокультурным консенсусом. Миротворческие идеи всегда опираются на историческую традицию, политическую культуру конкретного общества. Они приобретают конкретно-историческое содержание, принимая обличье той или иной эпохи, воспринимая основания той или иной идеологии и развиваясь в ее рамках. На протяжении веков наша страна раздиралась политическими и социальными противоречиями, жила в условиях авторитаризма и непрерывных войн, что не могло не способствовать укреплению в общественном сознании идеи милитаризованного патриотизма и подавлению инакомыслия. Это объясняет рост мнения о том, что в общественной мысли России в большей степени доминировали идеи революционаризма, радикальной идеологии, чем ненасильственной парламентской альтернативы [См.: 9. С. 13]. Исследователь миротворческих идей в отечественной мысли XIX века Е.А. Рудницкая также показывает, что на протяжении столетия идея защиты мира постепенно вымещается радикальной идеологией и приходит к собственному отрицанию [См.: 10].

Однако, миротворческая идея никогда не ослабевала в русской общественной мысли. Более того, как показывает практика, в политическом смысле Россия всегда играла роль дипломата и миротворца. Не отрицая значимости в российской социальной мысли течений революционизма, можно утверждать, что в отечественной философии к началу XX века сложились свои прочные традиции миротворчества.

Российское миротворчество начала XX века вступило на дорогу борьбы за новый мир, основанный на международном правопорядке и призванный сменить старую мировую систему, пронизанную милитаризмом, авторитаризмом и анархией. «Пацифизм – писал «Вестник мира» в декабре 1912 г., – показывает, как цивилизация и прогресс развиваются и усиливаются не от употребления силы и насилия в международных отношениях, а от развития и усиления понятий о

Громова Е.А.

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии
Волжского гуманитарного института (филиала) ФГАОУ ВПО
«Волгоградский государственный университет»

РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ НАЧАЛА XX ВЕКА О ДИАЛЕКТИКЕ МИРА И ВОЙНЫ¹

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа диалектики идей мира и войны в русской философии начала XX века. Представлена эволюция миротворческих идей от классического пацифизма к либеральному. Показано, что отечественный дискурс мира и войны при всей значимости принципов христианской философии не был сугубо непротивленческим, в нем преобладали идеи либерального пацифизма.

Ключевые слова: миротворческий дискурс, пацифизм, либеральный пацифизм, этика войны.

I. Введение

Идеи защиты мира, ненасильственного урегулирования международных и внутренних конфликтов приобрели сегодня архиважное значение. Современному обществу с его трудноразрешимыми проблемами войн, фашизма, терроризма самое время обратиться к антимилитаристскому пафосу миротворцев, принципам добра и человечности. Особую злободневность приобрел вопрос о правовом порядке и режиме закона в международных отношениях, о границах допустимого насилия. Мировому сообществу снова необходимо разрешить фундаментальное противоречие между политическим прагматизмом и общечеловеческими интересами. Идеи формирования мира на основе консенсуса, свободы выбора, универсального признания ценности человеческой личности содержатся в отечественном философском дискурсе начала XX века, который включает ценный пацифистский комплекс.

Следует отметить, что социальная практика активного невооруженного протеста миротворцев и раньше вступала в конфликт с политическим авторитарным мышлением. Даже сегодня у власти отмечается двойственное отношение к ненасильственным методам борьбы. В массовом общественном сознании идеологи ненасильственных методов борьбы часто упрекаются в «беззубости», «мечтательности» и «утопизме».

¹ Исследование было осуществлено в 2013-2014 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 13-01-00203.

Макарова Т. А.

к.и.н., ст. преп. кафедры истории и философии
Волжского гуманитарного института (филиала)
Волгоградского государственного университета

АЛЕКСАНДР I И НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917-20-Е ГГ.)*

В статье рассматриваются исследования отечественных историков 1917-20-х гг. о наполеоновских войнах и отношении к ним Александра I. Автор выделяет два направления: немарксистское (А.Е. Пресняков, С. Любош) и набравшее влияние марксистское (М.Н. Покровский). В статье предпринята попытка выявить тенденции развития исторической мысли, проследить возможные параллели, а также раскрыть обусловленность взглядов историков по данной теме.

Ключевые слова и фразы: Александр I; Наполеон; советская историография; наполеоновские войны; внешняя политика; Тильзитский мир; Священный союз.

Несмотря на двухвековое исследование темы наполеоновских войн начала XIX века и роли в этих конфликтах Александра I в настоящее время остается еще немало спорных проблем, ждущих своего разрешения. Если по вопросу о том, какого плана войны придерживался Александр I в начале 1812 года, между историками уже существует единство, то личные цели Александра в противоборстве 1812 года и отношение самого российского императора к Отечественной войне, до сих пор вызывают активные дискуссии и продолжают быть актуальными и сегодня, в свете новых источников, взглядов и гипотез [1,11,12].

К началу XX века был накоплен большой опыт осмысления наполеоновских войн представителями консервативного направления отечественной дореволюционной историографии (Д.П. Бутурлин, М.И. Богданович, К.К. Злобин, А.И. Михайловский-Данилевский, В.К. Надлер, Н.К. Шильдер), а затем продолжено либеральным направлением (А.К. Дживелегов, В.О. Ключевский, А.А. Корнилов, С.Ф. Платонов, С.М. Соловьев). Между историками этих направлений не было единства мнений. Если официальные историки откровенно подчеркивали патриотизм и героизм Александра I, то либеральные исследователи отмечали сложность и неоднозначность отношения российского императора к «великой войне».

* Исследование было осуществлено в 2013-2014 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 13-01-00203.

Победа революции в России в октябре 1917 г. и приход к власти большевиков определили в дальнейшем переход к марксистско-ленинской методологии. Отечественная историческая наука и историография Отечественной войны 1812 года в частности в послеоктябрьский период распались на три направления. Первое – это советская официальная историческая наука, становление которой связано с именами как партийных публицистов (В.И. Ленин), так и профессиональных историков (М.Н. Покровский). Второе – продолжавшая существовать немарксистская историография, уходившая своими корнями в традиции дореволюционной науки.

Таким образом, в 1920-е годы историческая наука еще не была полностью унифицирована марксистской исторической теорией. И после Октября 1917 года в исторической науке оставались представители дореволюционных направлений и школ. Переломным стал 1929 год, когда официальный руководитель исторической науки М.Н. Покровский объявил об окончании «периода мирного сожительства» с учеными дореволюционной школы и деятельности старых специалистов был положен конец [8].

Изучение личности Александра I, его внешней политики и, в частности, войны 1812 года было продолжено исследователями и после 1917 года. В этом плане характерны работы А.Е. Преснякова и С. Любоша. Однако, если эти работы объединяет форма научно-популярных очерков, то отличает подход авторов и их отношение к исследуемой теме. А.Е. Пресняков объективно и благожелательно подошел к исследованию личности Александра I, его отношения к Наполеону и войне 1812 года, а С. Любош – критично.

Позиции А.Е. Преснякова во многом подобны либеральным историкам, однако есть и отличия: характеристика Тильзита как «ничего не менявшего» во внешнеполитическом курсе и целях Александра I, Священного союза не как случайного явления, а закономерного, самой же его идеи как позитивной и т.д. «Тильзитскую дружбу» А.Е. Пресняков называет интермедицей, давая пояснение такому названию: «Крушение коалиции вело с неизбежностью либо к решительной борьбе между Россией и Францией, либо к их соглашению, из которого обе стороны могли извлечь значительные выгоды: Наполеон – возможность беспрепятственно закончить организацию своего европейского государства, Александр – завершение прибалтийских и черноморских планов русского империализма» [10, с. 201]. Ученый отмечает, что лишь конъюнктура обстоятельств 1807 г. привела к Тильзитскому миру, в основе которого лежал отказ от всеобъемлющих планов: Александра – на Западе, Наполеона – на Востоке. Тем не менее, даже вступив в «дружбу» с Наполеоном, Александр пытался уклониться от континентальной блокады, грозившей разорением России, готов был на раздел мира между двумя империями, но с гарантией своего преобладания на Ближнем Востоке [10, с. 202-203]. Тильзит, по мнению историка, вовсе не был поворотом во внешней политике Александра I: «Менялись, по обстоятельствам, пути и приемы, не общие намеченные цели». Он справедливо отмечал, что Тильзитский

•Сравнительное исследование динамики развития сельского социума с применением методологии и методов имитационного моделирования, показывает, что при сохранении общих тенденций в развитии сельских территорий, заложенных реформами постперестроечного периода, реакция сельских сообществ на возникающие проблемные ситуации во многом определяется доминированием тех или иных хозяйственных укладов, и, соответственно, использованием тех или иных моделей социальной адаптации на территории конкретных сельских поселений и районов. При этом необходимо отметить, процессы социально-экономического развития связаны с вытеснением пассивных моделей адаптации сельского населения, характерных для конца 90-х начала 2000-х годов, активно сменяемых инновационными формами. Развитие инновационных экономически ориентированных форм хозяйствования приводит к ослаблению социально-экономического потенциала личных подсобных хозяйств.

Литература

1. Гизатов Н. Р. Обзор агент-ориентированных социально-экономических моделей. Ежеквартальный Интернет – журнал «Искусственные общества». Том 5. № 1–4. I–IV квартал. 2010.
2. Давыдов А.А. Модульный анализ и конструирование социума. – М.: ИСАН. 1994.
3. Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Бахтизина Н. В. GGE-модель социально-экономической системы России со встроенными нейронными сетями. М.: ЦЭМИ РАН. 2005.
4. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас. 2010.
5. Шмаков В. С., Сердюкова Ю. С. Моделирование процессов социальной адаптации и определение стратегий развития сельских сообществ // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2010. Т. 8. Вып. 3. С. 84–91.
6. Шмаков В.С. Адаптационные процессы в сибирской деревне // Вестник НГУ. Серия: философия. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 80–95.
7. Шмаков В.С., Сердюкова Ю. С. Особенности применения технологий многомерного анализа в исследовании адаптационных реакций сельского социума // Вестник НГУ. Серия: философия. 2013. Т. 11. Вып. 4. С. 93-100.

мой выступает мелкотоварное крестьянское хозяйство. Важной особенностью является широкое включение экономики сельских сообществ в неформальные экономические взаимодействия, а также распространение практик неформальной трудовой занятости, и переход от сельского образа жизни к субурбанистическому и, в конечном счете, отказ от аграрной специализации экономики.

В зависимости от благоприятных климатических и географических условий, от наличия агрохолдинга можно выделить несколько переходных типов социально-экономического развития и моделей социальной адаптации жителей села.

Симбиотическая адаптационная модель, локализованная преимущественно в лесо-сельскохозяйственной и сельскохозяйственной зонах, для которой характерна опора на ресурсы крупхозов (бывших колхозов и совхозов), и экономику личных подсобных хозяйств населения. Данная модель адаптации получила широкое распространение в условиях аграрного реформирования 1990-х гг., а ее устойчивость связана с наличием доступа домохозяйств (как в форме присвоения, так и льготного снабжения) к ресурсам градообразующего предприятия, сохраняющего и даже расширяющего социальные функции колхоза / совхоза, и в связи с этим, приобретающего статус квазилегитимной структуры местной власти. Как правило, данная стратегия дополняет натурализованный уклад, стимулируя повышение товарности домашних экономик. Специфика данной модели определяется наличием крупных рынков сбыта сельхозпродукции, возможностью альтернативной трудовой занятости (отходничество, вахтовая занятость, работа в городе) и развитием альтернативной аграрной специализации деловой активности жителей региона. При наличии необходимых климатических и географических условий в экономику этих регионов начинают внедряться агрохолдинги, специализирующиеся в определенной отрасли сельскохозяйственного производства.

В условиях неэффективности крупхоза, отсутствия рынков сбыта произведенной сельскохозяйственной продукции и дополнительных ресурсов развития, наличие малого товарного коэффициента, возникает экономика, ориентированная на простое воспроизводство сельского социума путем интенсификации трудовой активности селян на личных подворьях. Такую модель поведения жителей села можно охарактеризовать как натурально-адаптационную. В поселениях без работодателя складывается наиболее неблагоприятная ситуация в социальной, демографической и экономической сферах – ликвидация крупных хозяйств выступает спусковым механизмом запуска процессов, приводящих к деструкции всего сообщества. Деструктивные процессы характеризуются прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией и, в итоге, заканчиваются деструктуризацией, гибелью локального сообщества. Наиболее ярко выраженной формой деструктивной стратегии адаптации является постепенное разрушение и вымирание деревни, связанное, прежде всего с развалом крупхозов, образующих основу социально-экономической жизни сообществ и экономики личных подсобных хозяйств [Шмаков. 2013: 84].

мир был «только перемирием в личной политике двух императоров, не устранившим, даже не ослабившим противостояния двух империй...» [10, с. 203, 209]. Отношение Александра I к Отечественной войне А. Е. Пресняков характеризовал как «довольно сложное» [10, с. 213]. Исследователь отмечает, что в личной жизни Александра война 1812 года осталась тягостным эпизодом, о котором он не любил вспоминать. Так, вопреки желанию Александра быть «спасителем», в обществе олицетворением народной славы кампании 1812 года стал Кутузов. С этим пришлось мириться, хотя сам император считал, что Кутузов ничего не исполнил из того, что следовало сделать. В представлении русского императора, «отечественная» война должна была сплотить общество вокруг правительства, усилить его и вознести. И в это время всеобщего единения сам он переживал отчуждение от армии как оскорбление своего военного и державного самолюбия [10, с. 212-213]. По мнению А.Е. Преснякова, акт Священного союза не был случайным явлением, которое было бы вызвано личными переживаниями Александра. Прослеживая эволюцию политических и религиозных взглядов императора, историк пишет, что представление о религии как одном из орудий властвования над общественной массой, о церковной организации как органе государства в управлении страной было унаследовано Александром [10, с. 223]. Однако дело по созданию идеологии Священного союза принципиальной основой «европейской федерации» «не вполне удалось» [10, с. 228].

Автор психологических очерков о российских императорах С. Любош, затрагивая вопросы внешней политики, подчеркивает, что внешняя политика Александра I была направлена в защиту «всяких престолов и чужих отечеств» [5, с. 46], но не была необходимой для России. Более чем четырехлетнюю историю франко-русского союза С. Любош называет «трагикомедией»: «Гениальный авантюрист, душа которого была овеяна пламенным пафосом революции... встретил в этой игре, в лице русского императора, замечательного партнера» [5, с. 37-38].

О войне 1812 года С. Любош отзывается как о войне, которую «без нужды накликал на Россию Александр своей неловкой и слишком хитрой дипломатической игрой» [5, с. 52]. Когда экономическая борьба с мировым преобладанием английского капитала, английской торговли и промышленности ни к чему не привела Наполеона, «вожделения европейской континентальной буржуазии, вождем которой стал Бонапарт, устремились на Россию» [5, с. 45-46].

В советской историографии закрепился тезис о В.И. Ленине как основоположнике советской исторической науки, и этот тезис распространился на все области исследований, разрабатываемых историками до 1917 года, в том числе на войну 1812 года. Но В. И. Ленин обращался к истории наполеоновских войн значительно реже, чем, например, К. Маркс и Ф. Энгельс. Рассматривая наполеоновские войны с классовых, марксистских позиций, В. И. Ленин ставил в один ряд «грабителя Наполеона, грабителя Александра I, грабителей английской монархии» [3, с. 110], а трех главных противников Наполеона – русскую, прусскую

и австрийскую монархии – назвал «тремя коронованными разбойниками», отметив, что из них «русский разбойник... был тогда сильнее» [4, с. 89-90].

Основоположником марксистского изучения внешней политики Александра I и, соответственно, Отечественной войны 1812 года стал М.Н. Покровский, историческая концепция которого сложилась еще в дореволюционное время. Начав свое историко-философское образование с позитивизма, на рубеже веков был сторонником экономического материализма, что подтолкнуло его к сближению с «легальными марксистами», и с 1905 г. он перешел в лагерь историков марксистского направления. Давая характеристику взглядам Александра Павловича на войну, М.Н. Покровский отмечает, что, каковы бы ни были личные взгляды русского государя, позиция России в наполеоновских войнах не могла быть иной, чем той, какой она была в действительности [7, с. 52]. Все международные комбинации того времени, по мнению историка, располагались по двум определяющим линиям: 1) коммерческое соперничество двух крупнейших морских держав тогдашней Европы – Англии и Франции; 2) политическое соперничество «старого порядка», олицетворением которого была Австрия, и нового социального строя, который распространяла Франция.

По оценке М.Н. Покровского, не могло быть сомнений в том, на чью сторону должна стать Россия. Страна крепостного права лишь случайно и временно могла быть союзницей страны гражданского равноправия и Наполеоновского кодекса. Россия не могла допустить поражения Англии или разгрома ее торговли из-за тесной экономической связи между Россией и Англией [7, с. 52]. Свообразны взгляды М.Н. Покровского и на Отечественную войну 1812 года. Главной причиной происхождения Отечественной войны он считал экономический фактор. По его мнению, континентальная блокада была вопросом жизни и смерти для империи Наполеона. Отказ России от континентальной блокады заставил Наполеона воевать. По мысли историка, совершенно невозможно говорить о «нашествии» Наполеона на Россию в 1812 году, так как письма Александра не оставляют ни малейшего сомнения, что Россия готова была напасть на Францию уже в декабре 1810 года. Наполеон, вовремя предупрежденный, получил полтора года на подготовку своего «нашествия», по существу являвшегося актом необходимой самообороны [7, с. 217-218]. Таким образом, взгляды историка на Отечественную войну были крайне односторонними. М.Н. Покровский преувеличивал агрессивность российской политики и отказывался видеть в политике Наполеона стремление утвердить господство в Европе. Автор считал, что в столкновении между Россией и Францией проявились захватнические тенденции русского торгового капитала.

По мнению М.Н. Покровского, продолжение войны с Наполеоном, заграничный поход 1813-1814 гг., был вовсе не проявлением донкихотства русского императора, которому «донкихотство было в высокой степени чуждо...», всегда – и в вопросах внутренней, и в вопросах внешней политики – весьма трезво смотревшему на вещи. <...> Целый ряд обязательств вынуждал Россию биться до

социальной организации и социальных взаимоотношений сельского сообщества. На основе полученных в ходе исследования данных производится оценка уровня социально-экономического развития сельские сообществ по следующим параметрам: степень вовлеченности в инновационные процессы; уровень адаптированности к переменам; социальные ресурсы доступные сообществу, уровень адаптационного потенциала. На основе анализа полученных данных, характеризующих уровень социально-экономического развития сельского социума, с использованием методологии имитационного агентного моделирования было сформулировано несколько гипотез относительно современной социально-экономической ситуации в сельскохозяйственных регионах Сибири. В сибирском селе прослеживается начало нового этапа трансформации социально-экономического уклада сельского социума. Наиболее значимыми проявлениями этого процесса является модификация организационно-производственной структуры села, изменение социально-экономических практик населения, обеспечивающих адаптацию сельского социума к условиям реформ. Идет процесс сокращения значимости и социально-экономического потенциала подсобных хозяйств населения и интенсивное развитие агрохолдингов. Можно выделить два основных типа социально-экономического развития сельскохозяйственных территорий.

1. Инновационный тип, характеризующийся активным процессом социально-экономического развития, включающим поиск новых форм экономической деятельности и воздействия на изменение социальной среды. Выделенный тип базируется на экономике фермерства и крупных сельскохозяйственных предприятий (агрохолдингов), интегрированных с финансовым капиталом, и развивается преимущественно в сельскохозяйственных зонах. Можно охарактеризовать эту модель социально-экономической адаптации населения села как инновационную.

2. Наличие смешанной экономики развития сельских поселений, когда, при отсутствии крупных сельскохозяйственных предприятий, активно развиваются личные подсобные хозяйства, порождает тип развития экономики, характеризующейся определяющей ролью неформальных практик (высокий уровень «скрытой» от официальной статистики товарности личных хозяйств и промыслов, и прочих средств в структуре доходов населения). Как правило, в этих поселениях отсутствует крупное хозяйство, зато наличествуют благоприятные природные, географические факторы, рынок сбыта сельхозпродукции, демографические ресурсы, высокий уровень развития адаптационного потенциала. При отсутствии ресурсов, предоставляемых крупными сельскохозяйственными предприятиями, и возможности официальной занятости, данная стратегия доминирует в поведении целых сообществ. В этих условиях складывается неформальная адаптационная стратегия социально-экономического поведения жителей села. Эта стратегия проявляется в поиске форм жизнедеятельности, позволяющих с минимальными затратами поддерживать достигнутый уровень жизни (в селе это превалирование самообеспечения над доходами от официальной занятости). Основной институциональной фор-

тельно к агентной имитационной модели будет поддерживать на единой платформе все существующие подходы дискретно-событийного и непрерывного моделирования (блок-схемы процессов, системную динамику, агентное моделирование, карты состояний, системы уравнений и т. д.).

Разработанный нами алгоритм построения многоагентной имитационной модели социального развития сельского социума позволил в процессе исследования предложить принципы приведения статистических данных и результатов социологических исследований к некоторой инвариантной форме. На этой основе были определены ведущие социально-экономические характеристики развития села, особенности протекания инновационных процессов. В целях построения прогнозных моделей социально-экономического развития регионов были выделены типы сельских сообществ, в которых сложились определенные поведенческие и адаптационные стратегии. Это позволило оттенить основные факторы, оказывающие большое или, напротив, незначительное влияние на жизнь сельского населения. Выделение совокупности общих признаков дает возможность провести классификацию процессов по группам и подгруппам, и определить причины изменения изучаемых явлений, отразить место и роль исследуемых факторов в социально-экономическом развитии и их влияние на развитие сельского социума.

В процессе мониторинговых исследований нами в анкетах сформулирована группа проблем характеризующих основные параметры, которые существенно влияют на развитие социума. Решающее воздействие на социальное развитие сельского социума, с нашей точки зрения, оказывают, в первую очередь, социально-экономические и природно-географические факторы. Следующую группу факторов составляют: структура денежных доходов сельского населения, потребительские расходы семьи, соотношение доходов со структурой расходов семьи, связи расходов с проблемой демографии и образования. Важное значение имеет проблема безработицы и пьянства, наличие фактической социальной напряженности в регионе (фоновая, заметная, серьезная, опасная, катастрофическая). Возможные действия органов власти (например, увеличение или уменьшение размера пенсий, детских пособий, пособий по безработице и т.д.), направленные на изменение ситуации в регионе и др.

В процессе анализа данных было определено три основных блока: социально-экономический блок, охватывающий проблемы связанные с уровнем доходов сельского населения, отношениями собственности, состоянием рынка труда и форм занятости населения, преобладающими видами экономической деятельности. А так же уровень экономического развития региона, географическое расположение и климатические особенности, определяющие степень развития хозяйствующих субъектов; наличие активно развивающихся агрохолдингов или их отсутствие. Социально-демографический блок, отчасти определяющий и степень интенсивности или экстенсивности развития личных подсобных хозяйств, приносящих, на определенных этапах развития, основной вклад в благосостояние домохозяйств. Социально-структурный блок, включающий в себя вопросы

конца, до разрушения наполеоновской империи. Если бы Александр помирился со своим противником, то его настоящие союзники не могли с ним примириться, а его союзники возможные и будущие легко могли превратиться в его врагов. Он должен был попытаться создать коалицию, если он не хотел иметь ее против себя» [7, с. 545-546]. Венский конгресс М.Н. Покровский охарактеризовал как дележ имущества побежденного между «вотчинниками, благополучие которых было так или иначе задето французской революцией». «После земельной жадности... их следующий ближайший интерес был в том, чтобы потрясение отнюдь не повторялось. Надо было взаимно застраховать полученную добычу от новой революции. Этой цели и отвечал договор, подписанный в сентябре 1815 г. вождями коалиции, – акт основания Священного союза» [7, с. 563]. Концепция М.Н. Покровского о причинах противостояния Наполеона с Александром I и Отечественной войны 1812 года господствовала в советской историографии до середины 1930-х годов и проводилась в общих курсах русской истории [1,9].

В конце 1930-х гг. развернулась критика взглядов М.Н. Покровского на войну 1812 г. (как и всей его исторической концепции). Если специально подготовленная для сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского» статья В.И. Пичеты называлась: «М.Н. Покровский о войне 1812 г.» [6], то статья А.Л. Попова во 2-й части того же сборника имела уже более разоблачительное название: «Внешняя политика самодержавия в XIX в. в кривом зеркале М.Н. Покровского» [9]. Да и сам сборник был переозаглавлен: «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского». С этого времени и надолго – вплоть до «оттепели» – все сказанное Покровским по любому вопросу, включая оценки внешней политики Александра I и историю Отечественной войны 1812 г., либо замалчивалось, либо негативно оценивались.

Таким образом, после 1917 г. и на протяжении 1920-х гг. происходило становление в России марксистской концепции внешней политики Александра I. В то же время это был период сосуществования с немарксистской историографией, давшей несколько интересных работ, прежде всего А.Е. Преснякова и С. Любоша. Идеи М.Н. Покровского доминировали в отечественной исторической науке на протяжении всего обозначенного этапа. Он впервые попытался рассмотреть внешнюю политику Александра I с позиций классового подхода. Прослеживая появившиеся вместе с утверждением советской власти тенденции в исторической науке, необходимо отметить следующее: социальный заказ, исходивший от нового строя, ставил перед советской историографией задачу создания новой тематики исследований, соответствующей требованиям коммунистических постулатов. Историков стали привлекать прежде всего деятели революционного движения. Соответственно, такая тема, как внешнеполитическая деятельность Александра I, стала предметом безоговорочного осуждения.

Литература

1. Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917-1987 / Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский. – М. : Наука, 1990. – 246 с.
2. Ванаг Н. Н. Краткий очерк истории народов СССР. В 2 ч. / Н. Н. Ванаг. Ч. 1. М. : Л. : Партийное издательство, 1932. 416 с.
3. Ленин В. И. Война и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1962. Т. 32. Май-июль 1917. С. 77-104.
4. Ленин В. И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 36. Март-июль 1918. С. 92-111.
5. Любош С. Последние Романовы. М., 2007. 272 с.
6. Пичета В.И. М.Н. Покровский о войне 1812 г. // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М., Л., 1939. Ч.1. С. 276-302.
7. Покровский М. Н. Александр I (1801-1815) // История России в XIX веке. Дореформенная Россия. М., 2001. 589 с.
8. Покровский М.Н. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов // Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М. 1930. С. 3-15.
9. Попов А.Л. Внешняя политика самодержавия в XIX в. в кривом зеркале М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М., Л., 1940. Ч.2. С. 210-390.
10. Пресняков А. Е. Александр I // Пресняков А. Е. Российские самодержцы / сост., автор предисловия и приложения д.и.н. А. Ф. Смирнов. М., 1990. 448 с.
11. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). В 12 т. / Н. А. Рожков. Т.10. Л.-М. : Книга, 1924. 385 с.
12. 12.Троицкий Н. А. Советская историография войны 1812 г. (Традиции. Стереотипы. Уроки.) // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. М.: Институт российской истории РАН, 1992. С. 11-25.
13. 13.Троицкий Н. А. Современная историография Отечественной войны 1812 г.: новое в научной полемике и этике // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 г. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. С.79-87.

ных, добавление новой информации), моделирование (построение модели на основе отобранных данных), оценка результатов (полученные модели проверяются на основных данных) [Шмаков, Сердюкова, 2013: 93-94].

Для построения эффективной имитационной модели используется технология многоагентных распределенных систем с программной реализацией на основе расширения системы SWARM. Это дает возможность создания наборов автономных агентов, их сохранения и использования в информационно-логической системе в составе других моделей. В завершеном варианте разработанная модель обладает гибкой архитектурой и состоит из отдельных модулей. Система включает банк данных, в котором сохраняются выделенные модели социально-экономического развития сельского социума, интегрированные с конкретными историко-культурными моделями и фактами, вместе с соответствующими программными реализациями для имитационных экспериментов. Мы полагаем, что имитационное агентное моделирование дает возможность применения агентных технологий и использования объектно-ориентированного подхода к анализу социально-экономического развития сельского социума [См., например, Гизатов, 2010].

Применение методологии и методов многоагентного имитационного моделирования применительно к конкретному субъекту социального процесса, позволяет проанализировать всю совокупность исследуемых явлений, провести анализ и дать характеристику поведений отдельных агентов, и на этой основе вывести характеристики целого, состоящего из множества агентов. Используемая методология дает возможность произвести подмену процесса происходящих событий и смены событий в реальном масштабе времени. Применения программы многоагентного имитационного моделирования позволяет ускорить процесс смены событий, что для исследования социальных процессов является принципиально важным. Использование модели, включающей максимально полный набор агентов с заданными определенными свойствами и характеристиками, способствует определению теоретических принципов унифицированного описания развития сельских сообществ и дает возможность проводить симуляции различных явлений и процессов развития социума.

Таким образом, исследуя сельский социум как социально-экономическую систему, мы различаем целое и совокупность связанных между собой элементов составляющих целое. В этом случае социум как множество связанных между собой элементов представляет собой социальную сеть, характеризующуюся сложным взаимодействием внутренних и внешних факторов. Используемое в классических теориях социальных систем понятие структуры, делает возможным осуществить деление элементов системы на подсистемы и выделить наиболее существенные и устойчивые связи между подмножествами, характеризующие функционирование системы в целом. Классификация факторов по группам и элементам позволяет оценить место и роль каждого фактора, разобраться в причинах изменения исследуемых явлений. В завершеном варианте эта схема, примени-

процессов может быть теорией, позволяющей анализировать противоречия в обществе и, по возможности, давать некоторое приближенное модельное описание исследуемых процессов. Исходя из такого понимания методологии и методов имитационного моделирования, в качестве основного метода исследования социально-экономических процессов развития сельского социума, мы предлагаем использовать метод имитационного моделирования. Метод имитации позволяет построить модели развития социума, используя достаточно устойчивые характеристики. На этой основе можно получить значимую информацию о развитии событий с достаточной степенью точности.

Как мы уже отмечали под имитационным моделированием в теории современных информационных технологий принято понимать исследование объектов путем проведения экспериментов в режиме имитации. Имитационное моделирование таких сложных систем как социум, предполагает, что исследуется непрерывная совокупность динамических связей, отражающих развитие процесса во времени и пространстве. В процедуре анализа описываются потоки случайных событий и фактов, проходящие через сложную совокупность путей развития и оказывающих определенное, существенное или второстепенное влияние на развитие социально-экономических процессов. В качестве инструмента имитационного моделирования мы используем систему AnyLogic. Гибкость AnyLogic позволяет отражать динамику сложных и разнородных экономических и социальных систем на любом желаемом уровне абстракции и дает высокое качество графического интерфейса для визуального отображения изменения стратегий сельских сообществ, платформенно-независимого языка программирования. AnyLogic объединяет методы системной динамики, дискретно-событийного и агентного моделирования в одном языке и одной среде разработки моделей. На основе расширения системы AnyLogic можно определить два различных уровня системы. Уровень модели, включающей в себя спецификацию агента, библиотеку действия агента, выбор архитектуры взаимосвязей агентов, библиотеку интерфейсов пользователя, спецификацию агента, процессы, описывающие поведение агента во времени при взаимодействии с другими агентами и внешней средой, и позволяющий строить иерархию моделей. Уровень наблюдателя, определяющего вид представления результатов функционирования модели (или совокупности моделей) как уникальный объект для взаимодействия в целях получения результатов. В качестве основы методологии построения модели используется парадигма агентного моделирования и методологический подход к построению систем, основанных на процессах принятия решений – SEMMA, разработанный компанией SAS Institute. В общем виде методология SEMMA включает пять этапов – выборка (работа с большими объемами информации и выбор наиболее ценных данных), исследование (выявление общих тенденций и аномалий в отобранных данных), преобразование (структурное преобразование дан-

Ибрагимов Муса Муслиевич

*Доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и социологии
Грозненского государственного нефтяного технического университета
им. академика М.Д. Миллионщикова*

Балаева Асет Рамзановна

*Кандидат исторических наук
Доцент кафедры философии, политологии и социологии
Чеченского государственного педагогического института*

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЧЕЧНЕ В 1920-30-Х ГГ.

***Аннотация:** Аграрная революция на юге России, в частности в Чечне, проводилась в обстановке ожесточенной межнациональной борьбы, основой которой являлась горско-казачья вражда из-за земли. Процесс восстановления сельского хозяйства проходил здесь значительно медленнее, чем в других центральных районах страны. Он протекал в сложных условиях классовой борьбы, религиозных и патриархально-родовых пережитков. И потому аграрный вопрос на тот период становится основной проблемой чеченского населения, который мы рассмотрим в данной статье.*

***Ключевые слова:** сельское хозяйство, аграрная реформа, коллективизация, крестьянство, кулачество, коммунисты, Чечня.*

В конце XIX – начале XX вв. в общественно-экономическом строе России переплетались самые различные уклады. Крестьянские хозяйства, несмотря на экономическую слабость, ориентацию на внутреннее потребление все же неотвратимо втягивались в русло товарно-капиталистического развития. Вместе с тем происходил и очевидный прогресс в сельском хозяйстве. В конце первого десятилетия XX в. крестьянское хозяйство, изживавшее старые формы трехпольного земледелия, приступало к созданию новых хозяйственных систем.

Уже сто лет одно из центральных мест в общественно-политической жизни России занимает аграрный вопрос. В нем сфокусированы все современные проблемы: экономические, социальные, политические, культурные, нравственные и др. Аграрная революция на Юге России, в частности в Чечне, проводилась в обстановке ожесточенной межнациональной войны. Основой же непримиримого противоборства являлась историческая горско-казачья вражда из-за земли.

Восстановление сельского хозяйства сопровождалось усиленным процессом социально-экономической дифференциации чеченского крестьянства, который проходил здесь значительно медленнее, чем в центральных районах страны.

Он протекал в сложных условиях классовой борьбы, религиозных и патриархально-родовых пережитков.

Аграрный вопрос становится основной проблемой чеченского населения. Вся история Чечни в пореформенный период вплоть до аграрной реформы и расказачивания, есть сплошной грабеж вайнахских земель. В таких условиях Чечня вступала на путь коллективизации сельского хозяйства. В деревне появились тысячи агрономов и кооператоров, земских статистиков, которые изучали крестьянское хозяйство, вникая в основы его организационного строения. Они искали пути его видоизменения и построения новой деревни.

Общий подъем сельского хозяйства, перенос центра тяжести на крестьянское производство, оживление в связи с этим агрономической службы и кооперации, появление пристального внимания к крестьянскому хозяйству со стороны земской статистики, переориентация вузов сельскохозяйственного профиля на крестьянское хозяйство, осмысление новых проблем крестьянского хозяйства сельскохозяйственной наукой – все это явилось предпосылками новой экономической ориентации. Ее стержнем были агрономия и кооперация. В результате этого возникает новое течение экономической мысли – так называемое организационно-производственное направление (А. В. Чайнов, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев и др.).

Формирование хозяйств фермерского типа и кооперативная эволюция, хотя реально и пробивали себе дорогу, но постоянно наталкивались на сопротивление устойчивых консервативных факторов. Это и пережитки феодально-крепостнических отношений, и негибкая политика правительства, и консервативность общины с ее архаическими традициями преимущественно в сфере земельных отношений. Это и сохранение в широких масштабах сословно привилегированной системы казачьего землепользования, это и запутанность аграрных отношений в густонаселенных национальных районах Чечни, где сплелись проблемы национальные, земельные, сословные. В таких условиях Чечня вступила на путь коллективизации сельского хозяйства.

Благодаря февральской революции возникли благоприятные условия для проведения аграрной реформы. В ее создании принимали участие лучшие научные силы страны. Виднейшие специалисты-аграрники работали в Главном земельном комитете Министерства земледелия, Лиге аграрных реформ (независимая межпартийная организация). Аграрный вопрос активно обсуждался на 1 Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, на 1 Всероссийском съезде крестьянских депутатов, на десятках других представительных форумов, был объектом дискуссий в публицистике политических партий. В ходе обсуждения и разработки аграрной реформы выявились две основные, полярные точки зрения на предстоящий характер аграрных преобразований (даже независимо от того, как будет решаться аграрный вопрос: реформистским или революционным путем).

Первая точка зрения исходила из признания факта существования крестьянского малоземелья как главного фактора остроты аграрного вопроса.

ние процессы, противоречия, ограничения, обратная связь и т. д. Вход – это совокупность воздействий на социум, оказывающих существенное влияние на развитие систем, которые порождают новые процессы и явления. Выход – это результат функционирования, изменения социума. Ограничения – это установление определенных рамок функционирования процессов социальных сообществ в целях управляющего воздействия. Под социальным процессом понимается любое изменение значений параметров или структуры системы, имеющей социальную проекцию. Обратная связь – своеобразная функция контроля, это сопоставление полученных результатов с представленными первоначальными требованиями и критериями. При таком подходе каждый из структурных компонентов системы является вполне самостоятельным элементом и может быть подвергнут анализу в качестве функциональной системы. Это дает возможность, при постановке исследовательских задач, расширению (сужении) территориальных рамок или изменении перечня факторов влияющих на развитие системы, проследить любой составляющий структурный элемент в качестве подсистемы исследуемого структурного комплекса. Важно отметить, что использование такого методологического подхода при анализе динамики изменения социально-экономического развития дает возможность получать объективную и научно значимую информацию на любом иерархическом уровне [Шмаков, Сердюкова, 2010: 88-89].

Еще раз подчеркнем, что социально-экономические процессы – явления исключительно сложные, состоящие из многокомпонентных логических структур, включающих большой набор агентов с определенными свойствами, характеристиками внутренних взаимосвязей и противоречий. Отсюда очевидно, что модели социально-экономических процессов содержат большое количество неопределенностей, а в процессе исследования используется достаточно большое количество формализованных характеристик. И, естественно, возникает проблема определения принципов интерпретации баз данных. Отметим, что использование компьютерного моделирования при анализе итогов социологических исследований не дает однозначных результатов, проведение имитационных экспериментов позволяет определить некоторые тенденции в развитии социума. Использование технологий имитационного моделирования дает возможность приведения множества данных по исследуемым социальным объектам к некоторой однородности. Кроме того, позволяет в анализе развития социума учитывать массу факторов, которые, зачастую, противоречат друг другу. Всякий коллектив является социальным организмом, определяющим свои цели, задачи, имеющим свободу воли, выбора и принятия решения, и обладающий возможностями для их достижения. Коллектив состоит из личностей, каждая из которых определяет свои проблемы и пути их решения. Естественно, что и построение имитационных моделей социально-экономических процессов занятие достаточно проблемное. Но мы полагаем, что методологию имитационного моделирования можно использовать при анализе социально-экономических процессов с определенной мерой точности. С нашей точки зрения, теория моделирования общественных

simulations theory, Computational Complexity theory), теории программирования, и т.д. При моделировании социальных процессов чаще всего используется имитационная многоагентная модель. Начало имитационному моделированию положило создание электронно-вычислительных машин в 1950-1960-х годах. Имитационное моделирование позволяет имитировать поведение системы во времени, которым можно управлять в рамках модели, исходя из скорости протекания процессов. Современной наукой предлагается подход, основой которого является создание искусственной социальной системы (Artificial social system), состоящей из множества взаимодействующих агентов, имитирующих различные модели поведения. Агентное моделирование является относительно новым направлением в имитационном моделировании, которое получило развитие в 1990-2000 гг. и используется для исследования децентрализованных систем. При этом обсуждается вопрос о необходимости пересмотра методологии в социальных науках, перехода от математических моделей к компьютерным, агент-ориентированным моделям, которые можно усложнять до бесконечности [Макаров, 2010].

Основой концепции имитационного агентного моделирования является то, что для изучения явления или процесса создаются различные типы агентов, имеющие определенные свойства, характеристики, склонность к взаимодействию между собой. Каждый моделируемый объект состоит из множества агентов, действующих параллельно. Все процессы происходят итерационно, дискретными временными интервалами и не обладают свойством детерминированности. Под агентом понимается активный объект, обладающий поведением и имеющий возможность взаимодействия с другими агентами и со средой. Достаточно часто агент определяется как некоторая сущность, обладающая активностью, способностью существовать без глобального контроля за его поведением и принимать решения в соответствии с имеющимся набором правил, взаимодействовать с окружением, и самостоятельно изменяться. Используя методологию и методы многоагентного моделирования можно определить основные характеристики исследуемого целого из большой совокупности поведений и характеристик множества агентов как элементов целого. Исследование социальной реальности предполагает оперирование достаточно многочисленными параметрами, которые в той или иной степени отражают структуру социально-экономического развития. Для исследования этого процесса необходимо построение многокомпонентных логических структур, включающих в себя большой набор агентов с определенными свойствами. Это позволяет дать развернутую характеристику внутренних взаимосвязей исследуемых процессов, используя формализованные характеристики, дает возможность для дальнейшего проведения симуляции различных явлений и процессов, для проведения имитационных экспериментов.

В своем анализе социально-экономического развития сельского социума мы исходим из предположения, что социальное сообщество представляет собой систему, имеющую свои параметры и характеристики. Это – вход, выход, внутрен-

В вайнахской среде, в отличие от центральных районов страны, в рассматриваемый период не проводилась так называемая экспроприация кулачества. Искусственное формирование кулачества в национальных районах Северного Кавказа производилось позднее.

Вторая точка зрения сводилась к признанию необходимости рациональной организации крестьянского хозяйства, созданию максимального блага для крестьянства.

Крупные же и хорошо налаженные хозяйства предполагалось оставлять владельцам. Их последующее государственное регулирование посредством прогрессивного налога (частично в пользу малоимущих) достаточно корректно и безболезненно вводило бы их в систему народного хозяйства.

Готовили реформу квалифицированные специалисты: А. А. Рыбников, А. С. Посников, С. Л. Маслов, Н. П. Макаров, В. И. Анисимов, Б. Д. Бруцкус, Н. Д. Кондратьев, Н. Н. Черненко, Н. П. Огановский, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, А. Н. Минин, Н. И. Ракитников, А. А. Кауфман, П. Н. Першин и др. Готовили ее тщательно и неспешно (месяцев восемь), пытаясь создать «самый совершенный» закон для Учредительного собрания.

На гребне мощного крестьянского движения большевики сумели взять власть, декларируя всего лишь два лозунга, осуществления которых ждал народ: о мире – земле.

Все попытки реорганизации на «пролетарских» началах в 1919 и 1920г. привели к ее разрушению. Особенно это касалось сельскохозяйственной кооперации.

Аграрная политика Советской власти ориентировалась на строительство коммун и совхозов, которые рассматривались как потенциальные «фабрики зерна». Но этим надеждам не суждено было сбыться. Уже в 1920 г. курс на коммуны и совхозы был признан не главным. Советская власть в своей аграрной политике ищет опору в индивидуальных крестьянских хозяйствах, регулирование которых становится с конца 1920 г. ее главной линией.

В условиях Чечни периода 20-х годов практически основная часть населения была занята в сельском хозяйстве. В Чеченской области в 1924 году насчитывалось 62 855 крестьянских хозяйств.[1]

В Чечне, как и по всей стране, происходил процесс дифференциации крестьянства. В ходе первых аграрных преобразований в Чечне сложилось индивидуальное крестьянское землепользование. Однако в местных условиях она осуществлялась несколько иначе. О четкой поляризации аула не могло быть и речи. На протяжении нэповского периода превосходящее положение в чеченском ауле занимало мелкое товарное производство.

Перелом наступил в 1925 году. После падения самостоятельной Горской советской республики под предлогом «разоружения и изъятия оружия» началась крупномасштабная операция по ликвидации очагов сопротивления, названная соввластью «политическим бандитизмом».[2]

В 1925 году грозненская парторганизация выступила с призывом: «Коммунисты в деревню!». Данная активизация коммунистов была вызвана тем, что горское крестьянство, якобы находящееся под влиянием «кулацко – мульского элемента», нуждалась в «помощи», или как тогда говорили в «шефстве» со стороны пролетариата страны в деле социалистического строительства. Были мобилизованы коммунисты на оказание помощи крестьянам в восстановлении их хозяйства. Для этой цели десятки коммунистов были направлены в села.

Партийные организации Чечни развернули большую пропагандистскую и организаторскую работу среди крестьян. Коммунисты ездили по аулам, устраивали митинги и собрания, на которых разъясняли горской бедноте значение проводимых хозяйственных и политических мероприятий.

Прогрессивным путем аграрного развития было не просто наделение крестьян землей, а коренная реорганизация самого крестьянского хозяйства, важнейшим составным элементом которой должна была стать активная борьба с аграрным перенаселением. Здесь наиболее отчетливо выглядели два варианта, не исключающих взаимно друг друга: расселение одной части крестьян и переход другой их части с помощью государства на путь решительной интенсификации производства. Самым эффективным средством преодоления аграрного перенаселения (в идеале, разумеется, в комплексе ряда мер экономического, социального, культурного порядка и пр.) является переселение.

Вопросы сплошного землеустройства в 1925 году окончательно завершились в процессе коллективизации сельского хозяйства, работа, проведенная в том направлении в конце 1925 года полностью ликвидировала помещичьи землевладения. Это обстоятельство имело большое значение для развития производительных сил чеченской деревни. Середняк в ней становился преобладающей силой. Партия исходила из возможности ограничить кулака и помочь бедняку укрепить свое хозяйство, упрочить его союз с русским рабочим классом. Политика была направлена на активизацию политической и хозяйственной деятельности горского крестьянства, чтобы затем перейти к решительному наступлению на кулачество.

Для зоркости партийного взгляда уже в августе 1923 г. при ЦК РКП(б) была создана комиссия по работе в деревне, с 1928 г. соответствующие отделы организовывались в составе партийных комитетов всех уровней.

На протяжении 1925-1932 годов влияние на самосознание крестьян со стороны политической деятельности коммунистической партии заметно возросло. Практически все колхозы Чечни возникли на базе объединения простого крестьянского инвентаря, и пережила длительный период развития. Несмотря на усилия, предпринятые государством для восстановления сельского хозяйства, в селах происходило расслоение крестьянства. Крестьяне не желали расставаться со своим хозяйством и предпочитали иные формы кооперации.

Системный подход предопределяет поиск и формализацию системообразующих связей между отдельными компонентами, требует координации всех аспектов деятельности, с выделением целей каждого из элементов системы, влияющих на полученные результаты. Исследуемый нами сельский социум – это социальная система, упорядоченное целое, состоящее из множества подсистем, представляющих собой совокупность отдельных социальных элементов: индивидов, групп, институтов, организаций и др. В этом случае сельский социум можно представить не просто как социальную систему, а как своеобразную абстрактную модель. На латыни слово «modulus», означает «мера», «образец». Можно отметить, что в методологии науки в настоящее время чаще всего модель представляется как некоторый материальный или мысленно представляемый объект или явление, замещающий оригинальный объект или явление и сохраняющий некоторые важные его свойства. Например, в процессе изучения и конструирования. В этом случае модель является своеобразным инструментом, с помощью которого осуществляется исследование всей совокупности явлений и процессов социально-экономической жизни сообщества, включая функцию управления и прогнозирования. Исходя из этого понимания, моделирование – это построение модели, «образца» исследуемого объекта. Процесс моделирования начинается с описания исследуемого объекта как системы, выбора главных и второстепенных параметров, описания связей между ними. Моделирование включает такие этапы, как исследование реальной системы, создание и описание модели, программирования, проведения имитационных экспериментов, обработку и интерпретацию результатов моделирования. Проще говоря, моделирование – это процесс изучения объекта, построения и применения моделей, а компьютерное моделирование – метод решения задачи анализа или синтеза сложной системы на основе использования ее компьютерной модели.

Необходимо отметить, что компьютерные методы исследования в социологии в общественных науках на Западе применяются достаточно давно и активно. В России они получили распространение сравнительно недавно. Например. В 1990-е гг. идея использования компьютерных технологий для построения теоретических моделей социальных систем получила практическое воплощение в модульной теории социума, разработанной в Институте социологии РАН [Давыдов, 1994]. Проблемы моделирования социально-экономических систем с использованием агентного подхода активно занимаются в Центральном экономико-математическом институте Российской академии наук [Макаров и др., 2005].

Если отметить в целом, то математическое моделирование социальных систем развивается в рамках Computational sociology – компьютерной социологии, являющейся составной частью как социологии, так и частью Computer Science. В основе компьютерной теории социальных систем лежит Social computer science (социальная компьютерная наука), включающая компьютерную социологию, теорию социального компьютерного моделирования, компьютерную теорию сложности (Computational Sociology, Social computer

сложные трансформационные изменения и инновационные процессы. В социально-экономическую структуру сельскохозяйственных регионов внедряются новые инновационные хозяйственные уклады. Эти процессы чрезвычайно динамичны и имеют достаточное количество переходных состояний. Поэтому весьма важно при анализе социально-экономического развития сельских регионов учитывать всю совокупность факторов влияющих на развитие сельского социума. Для решения этой задачи, в Институте философии и права Сибирского отделения РАН, на основе материалов социологических экспедиций проведенных в период 2000 – 2013 гг. в сельских ареалах Сибири, сформирован максимально полный банк данных по современной социально-экономической ситуации в сельскохозяйственных регионах. Мониторинговый характер исследования развития села дает возможность проводить комплексный анализ социально-экономических процессов, институциональных изменений, проследить формирование и рост новых социальных институтов. В материалах банка данных заложена система социальных индикаторов, включающая: структуру занятости и безработицу, уровень и качество жизни, систему самоуправления, уровень урбанизации региона, природно-климатические условия, социальную и этническую самоидентификацию, демографию, уровень образования, развитость инфраструктуры и т.д., отражающих сущность и тенденции формирования адаптационных стратегий социально-экономического поведения жителей села и последствия протекающих процессов. В анализ включено более 100 эмпирических переменных. Используемая нами социологическая методика, включает в себя большой комплекс исследовательских процедур, что способствует эффективному отслеживанию изменений, происходящих в социальной структуре сельских локальных сообществ. Анализ ключевых социальных характеристик развития сельского социума позволяет выявить адаптационные реакции социума и определить вероятностные тренды развития. И что более важно, дает возможность уяснить степень готовности жителей села к инновациям, оценить их адаптивный потенциал.

Для изучения процессов влияния социально-экономической модернизации на различные группы сельского населения, анализа социальных процессов складывающихся в результате социально-экономического развития, выявления инноваций и моделей развития социума мы используем эконометрический анализ социальных и инновационных процессов, что позволяет исследовать сельский социум как набор социальных агентов, как структуру элементов многоуровневых иерархических систем. В качестве методологической основы анализа развития сельского социума мы используем принцип системного подхода. Системный подход, как форма методологического знания, позволяет исследовать объект как социально-экономическую структуру, которая характеризуется исключительной сложностью и разнообразием. Поскольку функционирование социальной системы зависит от большого набора различных по сложности факторов, мы включаем в анализ социально-политические, экономические, климатические, демографические, нормативно-правовые, технологические, и т.д. аспекты развития.

Партийные организации и советы Чечено – Ингушетии после решений XV съезда ВКП(б) усилили заботу об улучшении деятельности всех отраслей сельскохозяйственной кооперации и старых колхозов, это являлось предпосылкой развертывания массовой коллективизации.

К концу 30-х годов колхозное строительство приняло массовый характер. В села поставлялась новая агротехника, использовались новые культуры.

Литература:

1. Анфимов А.М. Ленин В.И. о российском крестьянстве. – М.: 1970. С. 81.
2. Чеченская республика и чеченцы: история и современность. / Под ред. Х.И. Ибрагимова. – М.: 2006. С.307.

Шамша И.В.

Национальный университет «Одесская юридическая академия»

ПРОШЛОЕ КАК МОДУС ВРЕМЕНИ

Статья посвящена анализу роли прошлого среди трех (прошлого, настоящего и будущего) модусов времени. На основе этого анализа предлагается один из возможных синтезов, на основе которого можно построить онтологию времени, позволяющую помыслить человека в единстве с миром.

Ключевые слова: прошлое, модусы времени, абстрактные и конкретные возможности.

I. Введение.

Человек, как известно – единое целое. Поэтому мысль, которую последовательно отстаивает автор статьи на протяжении ряда лет, состоит в том, что приоритет, отданный одному из модусов времени, нарушает это единство, такой приоритет противопоставляет модусы времени один другому, в конечном итоге, противопоставляя человека и миру, и самому себе.

Между тем, в последнее время в литературе все чаще высказываются мысли о том, что прошлое можно рассматривать в качестве альтернативы настоящему и будущему. Эти модусы времени, как бы «не оправдывают» ожиданий исследователей и человечества в целом в эпоху Постмодерна, поэтому, возможно, прошлое может стать тем модусом времени, вокруг которого должна выстраиваться онтология времени. Прошлое увлекает, прошлое захватывает, оно соблазняет, создавая параллельные реальности. Среди философов, исследования которых повлияли на понимание прошлого как модуса времени, можно назвать И.Канта, Г.В.Ф.Гегеля, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, М.Мерло-Понти, Э.В.Ильенкова и др. Среди новейших исследователей, интересующихся этой проблемой можно назвать Н.Г.Мозговую, А.А.Кургана, М.С.Назаренко и др.

II. Постановка задачи.

Исходная проблема позволяет поставить главную задачу настоящего исследования – это ответ на вопрос: «Может ли прошлое мыслиться в качестве модуса времени, являющегося смысловым центром онтологии времени?». Для ответа на этот вопрос понадобится обратиться к анализу прошлого как модуса времени и предложить синтез трех модусов времени, который позволит помыслить человека в единстве с миром.

Шмаков В.С.

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА

В статье на основе анализа социальных и инновационных процессов, структурных сдвигов, прослеживаются изменения качества жизни сельского социума с применением методологии и метода имитационного моделирования. Выявлено, что реакция сельского социума на возникающие проблемы во многом определяется доминированием нескольких хозяйственных укладов, являющихся основой моделей адаптации на территории конкретных поселений и районов. Развитие инновационных экономически ориентированных форм хозяйствования приводит к ослаблению социально-экономического потенциала ЛПХ, которое обеспечивает выживание села, в результате чего развитие сельского социума приобретает неустойчивый характер.

Ключевые слова: сельский социум, методология, социально-экономические процессы, информационные технологии, моделирование, имитационная модель.

Модернизационные процессы, происходящие в сельскохозяйственных регионах Западной Сибири, коренным образом меняют социально-экономические условия жизнедеятельности сельского социума, оказываются одним из существенных факторов, определяющих стратегии социально-экономического развития России. Инновации в аграрной политике Российской Федерации кардинально преобразуют социальную структуру села, изменяют количественные и качественные социально-экономические характеристики сельских сообществ. Жители села, в условиях перехода экономики страны на рыночные отношения, вынуждены приспособливаться к новым экономическим реалиям. Институциональные и структурные преобразования оказывают активное влияние на изменения стратегий социально-экономического поведения жителей села, вырабатывающих адаптационные реакции, которые определяют образ жизни сельского социума.

Целью нашего исследования является изучение социально-экономических процессов, происходящих в российском селе, анализ процессов модернизации и ее влияния на развитие сельскохозяйственных регионов на основе использования методологии и методов компьютерного моделирования. Объектом исследования является сельский социум, вырабатывающий в изменяющихся социально-экономических условиях развития собственные механизмы и формы социальной адаптации. В результате модернизационных преобразований на селе происходят

Литература

1. Аванесова Г.А. Трактровка духовной культуры и духовности в отечественной аналитике в прошлом и теперь// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1998. № 4. С. 3-17.
2. Бадхен А., Каган В. Новая психология и духовное измерение. Спб., 2005.- 256 с.
3. Бердяев Н.А. Избранные труды. М., РОССПЭН, 2010.- 272 с.
4. Гоголин Н.А. Духовность как нравственное и религиозное возрастание// Роль духовности в профессиональном становлении врача: Матер. межрег. межвузов. науч.-практич. конфер. – Пермь, 2006. С. 8-14.
5. Гукасян А.Г. Г.А.Захарьин. М.: Медгиз, 1948. 55 с.
6. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность. Сергиев Посад. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1998.
7. Лука (Войно–Ясенецкий), святитель. Дух, душа и тело. М., Артос–Медиа, 2006. С. 91–93.
8. Симеон (Минаков), иеромонах. Влияние различных религиозных философско-нравственных систем на эффективность работы врача// Роль духовности в профессиональном становлении врача: Матер. межрег. межвузов. науч.-практич. конфер. – Пермь, 2006.- С. 76-81.
9. Фромм Э. Иметь или быть. М., АСТ., 2014.- 320 с.
10. Шурупова Р.В. Профессиональное становление преподавателя высшей школы. Вестник РУДН. Серия Медицина. 2009. № 4. С. 68-69.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. Прогресс, 1990.- 187 с.

Для реализации поставленной задачи применяется диалектический метод. Необходимость применения последнего обусловлена самим исследуемым предметом – время является двойным отрицанием, оно противоречиво. Это значит, что применение других методов оставит проблему неразрешенной: эти методы сделают видимым один из аспектов времени – скажем, одну только бытийность или небытийность последнего. По глубочайшему убеждению автора статьи, без применения диалектического метода не постигнуть бытийно-небытийной природы времени во всей полноте, а значит, и не помыслить человека в единстве с миром.

III. Результаты.

Итак, приоритет, отданный одному из модусов времени, как было сказано выше, приводит к противопоставлению этих модусов, что разрушает единство человека с миром. Поэтому начнем с того, что не станем отдавать приоритет прошлому. Однако, необходимо выяснить, можно ли это сделать *в принципе*? Например, в классической философской традиции и в некоторых направлениях неклассической (позитивизм), настоящее мыслится в качестве наиболее бытийного модуса времени. Обусловлено это определенными онтологическими свойствами настоящего, которые позволяют помыслить этот модус времени в качестве смыслового центра онтологии времени. Философ может занимать любую теоретическую позицию относительно настоящего – отдавать ему, или не отдавать приоритет последнему – но он не может отрицать онтологических свойств настоящего, в котором пребывает бытие. Обладает ли прошлое как модус времени подобными свойствами?

В новейших публикациях в последнее время довольно однозначно высказывается мысль о том, что, возможно, прошлое выступает тем модусом времени, который должен стать опорой для остальных модусов, поскольку они недостоверны. Эта мысль выражается через осмысление восточной (японской) философии, способной стать альтернативой западноевропейской философской мысли [6, с.174]. Так, Н.Г.Мозговая подчеркивает, что восточная мысль в понимании времени восходит не от прошлого к будущему, как западноевропейская, наоборот – от будущего к прошлому [6, с.178]. Это не может удивить, поскольку прошлое в таком понимании оказывается самым онтологически надежным модусом времени, создающим опору в феномене человека не на новаторство, а на традицию – на что, как известно, и ориентированы восточные культуры. Получается, что постольку, поскольку восточная мысль способна стать альтернативой западноевропейской, прошлое может стать альтернативой настоящему (которое мыслилось в качестве наиболее бытийного модуса времени в классической философской традиции) или будущему. Также возможный приоритет прошлого перед остальными модусами времени осмысливается в контексте анализа философии постмодернизма (в частности, философского наследия В.Беньямина) [7, с.287]. Это также не может удивить, так как постмодернизму как направлению

философской мысли, свойственно ощущение «конца истории». Настоящее в этом мировоззрении разочаровывает, а будущее – ужасает.

Благодаря феноменологии внутреннего сознания времени Э.Гуссерля [2, с.21, 62], кантовскому времени как априорной способности чувственного созерцания [4, с.56] и времени Г.В.Ф.Гегеля, как двойному отрицанию [1, с.58–59], становится видимой главная проблема правильного понимания прошлого.

В феноменологии внутреннего сознания времени Э.Гуссерля понимание прошлого осуществляется через анализ «наслоения» ретенций [2, с.69, 73] и надвигания временных полей [2, с.74]. Предложенный Э.Гуссерлем анализ внутреннего сознания времени позволяет сформировать важную мысль – мысль о том, что настоящее как бы «обрамлено ореолом» из прошлого (ретенций) и будущего (протенций). Поскольку прошлое понимается Э.Гуссерлем как прошлое «теперь», то каждый момент прошлого является прошлым моментом «теперь», «обрамленным» своими недавним прошлым и возможным будущим. Эта мысль Э.Гуссерля была бы невозможной без гегелевского понимания прошлого как *небытия бытия* [1, с.59], поскольку уже в этом определении прошлое оказывается *прошлым настоящим*. Мысль о необходимости рассмотрения прошлого в единстве с настоящим, получает развитие и после Э.Гуссерля. Например, М.Мерло-Понти не видит смысла рассмотрения прошлого как такового, без понимания того, что прошлое является прошлым настоящим [5, с.533], а Э.В. Ильенков неоднократно подчеркивает необходимость мыслить прошлое в единстве с настоящим в соответствии с требованием конкретности историзма [см. например: 3, с.198]. Это говорит о продуктивности приведенной мысли, однако сейчас очень важно вернуться к рассуждениям Э.Гуссерля. Итак, по Э.Гуссерлю, каждый прошлый момент «теперь» имеет свое возможное будущее, которое – понятно – распадается на конкретные возможности, которые стали настоящим и – абстрактные возможности, которые так и остались нереализованными возможностями. Эти возможности не реализуются уже никогда. Поэтому мысль о том, что время может восходить от будущего к прошлому, необходимо должна содержать в себе пояснение – к какому именно прошлому восходит время. Дело в том, что время содержит в себе *прошлое будущее* (будущее какого-то прошлого «теперь»), а это будущее содержит в себе абстрактные и конкретные возможности. Если время восходит к конкретным возможностям *прошлого будущего*, превратившимся в настоящее, то наиболее бытийным модусом времени оказывается именно настоящее, а не прошлое. Если же время восходит к абстрактным возможностям *прошлого будущего*, то образуется, своего рода, тупиковая ветвь времени, в которой можно и «заблудиться», потеряв настоящее и утратив ощущение реальности. В этом понимании время является полностью субъективным, априорной способностью чувственного созерцания и окончательно отрывается от реальности.

Если же отвлечься от гуссерлевской мысли о ретенциях и протенциях и считать, что время восходит от настоящего момента «теперь» к прошлому моменту

лиза западной социологической и культурологической мысли, в этом случае исследуются, по существу, проявления рационального, идеального, в то время как может отсутствовать само обращение к категориям «духовная культура» и «духовность» (хотя анализ сосредоточивается на отдельных элементах и качествах явлений, ими отображаемых) [1].

Для человека нравственный закон возникает из живых показаний его нравственного чувства, которое фиксируется его сознанием и разумом, в результате обобщения этих показаний. Не случайно нравственный закон, заложенный в первозданную природу человека принято называть «естественным нравственным законом», св. Иоанн Златоуст называет его «надежным сожителем всего рода человеческого», а выдающийся немецкий философ И.Кант считал, что в мире существуют только два совершенства – звездное небо над головой и нравственный закон внутри человека.

Проблема воспитания в человеке духовных начал была и остаётся приоритетной в наше время. Нравственная воспитанность профессионала означает превращение общечеловеческих ценностей в его собственные ценности. «Врач должен быть гуманным и всесторонне образованным человеком. Сколько бы вы, милостивые государи, ни выслушивали, ни выстукивали, вы никогда не сможете безошибочно определить болезнь, если не прислушиваетесь к показаниям самого больного», – неизменно наставлял своих учеников Г.А.Захарьин [5]. Осмелимся заметить, что проводником духовности является врач, но только если сам врач является носителем духовных истин и нравственных ценностей.

Цель медицины – помочь человеку сохранить или восстановить здоровье. Следует осознавать, что человек – существо целостное, следовательно, полноценное психическое, социальное и физическое состояние в немалой степени является залогом духовного здоровья. Духовное же неблагополучие, в свою очередь, неминуемо приведет к нарушению здоровья с формированием болезненного состояния. Нравственный закон и принципы высокой духовности должны быть основой профессии врача. Каждый, пришедший в медицину, несмотря на сомнения и соблазны, моральное обнищание общества, должен стремиться к приобретению совокупности душевных качеств, которые в целом составляют характеристику категории духовность. Пути же воспитания духовности различны и индивидуальны для каждого индивидуума. Нравственные качества в их социальном измерении, духовность – это то, что делает межличностное общение здоровым, стабильным, доброжелательным и отвечает интересам социума.

Религиозное сознание врача отнюдь не заменяет его профессиональных компетенций и практических навыков, напротив, позволяет использовать их с наибольшей эффективностью с учетом многоконфессиональности нашего общества, присущих любому религиозному сознанию высокого нравственного ценза, эквивалентного понятию врачебный долг и призванию врача.

смаатривать духовность только как религиозный феномен, то возможности психологии и других социальных наук окажутся крайне ограниченными. Мы абсолютно согласны с Н.А.Бердяевым, который пишет о том, что духовные явления открываются иначе, чем любые иные, в том числе и душевные, что духовный опыт не познается через рефлексию души, и лишь духовный опыт может убедить в существовании духовного опыта. «Науки о духе тем и отличаются по своему характеру от наук о природе, что в них требуется родство и близость познающего со своим предметом.... Однако психология как наука рациональная не знает духовной реальности и занимается лишь реальностью душевной. Позитивизм возводит незнание в самый принцип познания и утверждает преимущество познания за теми, которые лишены духовного опыта.... Подобное познается подобным. Духовная жизнь познается совсем не в психологическом исследовании душевных процессов. Психология есть наука о природе, естественная наука, а не наука о духе. Духовная жизнь как особое качество жизни душевной обычно ускользает от психологической науки» [3]. В России возвращение к духовным ценностям и интересам наблюдается не только на пути массового обращения к православию, но и в рамках научных дискуссий о нравственности, моральных качествах личности, отражается в интересе к христианским ценностям. Мы считаем, что при этом объектом пристального внимания должен стать любой человек. Врачи, во всяком случае лучшие из них, – обладают высоким духовно-нравственным потенциалом. Достаточно вспомнить имена Е.С.Боткина, разделившего участь царской семьи, стойкость врачей при отстаивании профессиональных интересов при оказании помощи заключенным, репрессированным и т.д. Эти страницы отечественной истории наиболее драматичны и до сих пор не до конца изучены.. Несмотря на размытость содержания понятий «духовная культура» и «духовность», в их трактовке можно наблюдать общие тенденции. Во-первых, продолжает оставаться распространенным прежнее понимание духовной культуры и духовности, свойственное советскому периоду, хотя и без акцента на политико-идеологической определенности. В этом понимании широко используются аналитический аппарат, исследовательские установки. Например, говоря о духовной культуре, авторы обращаются к марксистскому неологизму «духовное производство», что, безусловно, привносит неадекватность в ее понимание; сама духовная культура нередко трактуется как «сумма человеческих достижений и высокой нравственности». Духовность же нередко понимается односторонне, лишь как высшее проявление нравственности. Следующая тенденция сводится к воссозданию понимания духовной культуры и духовности, свойственного нашей дореволюционной и послереволюционной аналитике за рубежом. При этом доминируют попытки вернуться к религиозной трактовке данных категорий. Подобная позиция, восстанавливая важный критерий анализа духовной культуры и духовности, вместе с тем ведет к утрате объективно-научных результатов в исследованиях этих категорий. Еще одна тенденция связана с освоением методологии ана-

«теперь», понятыми без всякого «ореола», то все равно восхождение будет осуществляться постольку, поскольку существует настоящее «теперь». Уже в том, что это настоящее *есть*, содержится критерий для различения абстрактного и конкретного, благодаря которому в прошлом «теперь» станут видимыми только те возможности, которые смогли конкретизироваться в настоящем. Таким образом, все равно настоящее окажется наиболее бытийным модусом времени.

Очень важно осознавать, что понимание, ощущение, восприятие времени в их мировоззренческом единстве выступают чрезвычайно важным фактором присутствия человека в мире. Без правильного осмысления этого фактора философия просто неспособна выполнить свою главную функцию – стать формой стратегического самоопределения человека в мире. Но осмысление прошлого как модуса времени, с необходимостью выводит исследователя на проблему объективности и субъективности времени. Определенное понимание прошлого, как мы увидели выше, «заваливает баланс» в сторону субъективности времени в целом.

В контексте этой проблемы следует отметить, что формирование правильного понимания времени, способного лечь в основу онтологии времени, адекватной современному миру, связано с риском впадения в две крайности.

Первая крайность состоит в абсолютизации объективного измерения времени. В этом понимании время сводится к астрономическому времени как меры обращения Земли вокруг Солнца. Этот, безусловно, очень важный физический аспект времени предполагает то, что время разделяется на три модуса – прошлое, настоящее, будущее. Прошлого *уже нет*, будущего *еще нет*, *есть* только настоящее. Однако руководствоваться этим неумолимым и равномерным движением времени является совершенно недостаточным для решения вопроса о человеческом бытии. Не зря в своей книге «Время человеческого бытия» Н.Н.Трубников доказательству этого последнего тезиса посвятил не один десяток страниц [см. напр.: 8; 7–8]. Выходит, что одного только объективного измерения времени недостаточно, если строить онтологию времени, ориентированную на человека.

Указанные противоречия создают вероятность впадения во *вторую крайность*. Последняя состоит в абсолютизации внутреннего сознания времени. Надо сказать, что внутреннее сознание времени значительно усложняет ситуацию с модусами времени. Как было сказано выше, благодаря творчеству Г.В.Ф.Гегеля [1; 59], Э.Гуссерля [2; 62], М.Мерло-Понти [5; 533] становится понятным, что прошлое является не просто *прошедшим*, но *прошедшим настоящим*. Таким образом, настоящим оказывается не только актуальный момент «теперь», но и любой момент в прошлом. Мысль Э.Гуссерля, высказанная в работе «Феноменология внутреннего сознания времени», о том, что, как и актуальный момент «теперь» имеет, своего рода, «ореол», «обрамление» из прошлого-будущего, так и любой момент в прошлом (поскольку он когда-то был настоящим), также имеет такое «обрамление», создает великое множество прошлых, настоящих и будущих. В этом множестве главным значением обладает актуальный момент «теперь». Однако, вспоминая, вернее, даже вчувствовавшись в прошлый момент

«теперь», человек «оживляет» и ретенционно-протенционный ореол этого момента. Благодаря феноменологии внутреннего сознания времени становится понятным, что время способно идти не только в одном направлении – от прошлого, через настоящее, к будущему. Оно способно пойти даже вспять – от настоящего, к прошлому. И там, в этом прошлом, которое когда-то было настоящим, сознание способно устремиться к собственному будущему этого прошедшего настоящего, причем – устремиться не только к тем возможностям, которые оказались конкретными и реализовались в актуальном моменте «теперь», но и к абстрактным возможностям прошедшего настоящего, которые не реализовались и не реализуются никогда. В этом случае внутреннее сознание времени попадает в, своего рода, «временную петлю», «временной лабиринт». Такое сознание можно ярко проиллюстрировать с помощью тех групп людей, которые своим хобби сделали ролевое моделирование исторических событий (например, средневековых баталий, или сражений периода Второй мировой войны), или с помощью различных молодежных субкультур, иронически реконструирующих тупиковые ветви развития цивилизации (steampunk). Человек в этих субкультурах – это человек, заблудившийся во времени, но при этом, актуальный и сегодня. В таких субкультурах осуществляется попытка сконструировать настоящее, «альтернативное» актуальному настоящему. Абсолютизация внутреннего сознания времени является крайностью, поскольку в нем абсолютизировано субъективное измерение этого феномена. Речь в данном случае идет не об анализе понимания времени в той или иной субкультуре, поскольку для такового анализа необходимо учитывать и иронический подтекст, без которого не понять смысла субкультуры. Носителем субъективного понимания времени является человек, который всерьез «заблудился» во времени или во временах.

Феноменология внутреннего сознания времени Э.Гуссерля, как известно, фактически продолжает кантовскую традицию понимания времени как априорной способности чувственного созерцания. Очевидно, что для осмысления бытия человека в мире недостаточно ни, так сказать, «внешнего» сознания времени, ни «внутреннего». В первом случае философ имеет дело с бесчеловечным миром, а во втором – с субъектом, сознание которого произвольно конструирует целые миры.

Бытие человека в мире, мышление мира в единстве с человеком неизбежно предполагает единство внутреннего и внешнего сознаний времени. Одна лишь феноменология внутреннего сознания времени недостаточна для онтологии времени, поскольку она игнорирует объективное измерение времени. Но и внешнего сознания времени также недостаточно для построения онтологии времени, поскольку в этом сознании проигнорировано сознание времени внутреннее. Автор текста глубоко убежден в том, что исследование мира без человека или человека без мира способно создать или бесчеловечную философию, или философию «безмирного» (в терминологии М.Хайдеггера) субъекта. Обе «философии» мало чем

Личность не есть также часть мира, космоса, наоборот, космос – часть личности. Человек, состоящий из души и тела, есть существо природное. Но дух не есть природа. Духовность личности трансформируется в духовность общества. Эпоха Возрождения привела к прогрессирующим утратам духовности во всех сферах и на всех уровнях общественной и личной жизни, в искусстве, науке, в которой духовность вышла за рамки проблематики социальных и гуманитарных областей знания. Возникла новая ментальность и новый социальный тип человека, с иной нехристианской системой ценностей. Крупные философы, психологи, психотерапевты прошлого века дали описание этого феномена: бездуховность или ложная духовность. Э.Фромм так писал о преобладающем в западном обществе социальном типе: «Это не имеет стержня, в нем нарушено чувство идентичности, отсутствуют духовные интересы. Главный метод успеха – красивая упаковка, умение преподнести себя как товар» [9]. В 30-40-е годы XX века Н.А.Бердяев описывает нарциссического человека – антипода трансцендирующей себя духовной личности. Он подробно останавливается на вечной, но принимающей различные обличья буржуазности, которая направляет свою волю к материальным благам [3]. В 70-е годы XX века австрийский психиатр В.Франкл [11] говорит о духовной пресыщенности современного человека, об утрате им смысла существования, об экзистенциальном вакууме, приводящем к ноогенным неврозам, к распространяющемуся все шире чувству утраты смысла, которые приводят к распространению наркомании и участвующимся суицидам, особенно среди молодежи. Ноогенный невроз – это не только скука, апатия – это отсутствие духовного смысла, цели жизни, это болезнь совести, ведь в поисках смысла человека направляет его совесть. Совесть – это орган смысла [11].

Что же такое духовность? Нравственные ценности, как правило, являются производными от вероучения, богословской системы конкретной религии. Говоря упрощенным языком, можно определить духовность как взаимоотношения человека и Бога, а нравственность, как взаимоотношения человека и человека [8].

Проблема поиска духовности «в бездуховном мире» задает широчайший диапазон вопросов без ответов и решений без исполнений. К. Юнг говорил, что среди его пациентов, вступивших во вторую половину жизни, не было ни одного, чья проблема, в конечном итоге, не сводилась бы к поиску религиозного взгляда на жизнь.

Феномен духовности во всех его ипостасях становится и актуальной междисциплинарной научной проблемой. О средневековье вспоминает и Э.Фромм, у него возникает мечта о синтезе «Града Божьего и Града Земного», он предсказывает: «...синтез духовных устремлений позднего средневековья с достижениями постренессансной рациональной мысли и науки. Имя этому синтезу – град Бытия» [9]. С конца XX века отмечается возрождение интереса к проблеме духовности. С 90-х годов даже среди традиционных школ растет осознание того, что духовное измерение человеческого опыта является полноправной сферой исследования и изучения в рамках психологической науки [2]. Однако если рас-

нравственного ценза будущих специалистов осложняется кризисом общечеловеческих ценностей, неразвитостью ценностного сознания, отрицанием в ряде случаев общечеловеческих позиций.

Вопрос взаимосвязи духовности и профессионального уровня врача поднимался в отечественных научных исследованиях, но до настоящего времени эта тема еще не стала объектом глубокого и всестороннего изучения. Имеющиеся исследования по данному вопросу рассматривают проблему профессиональной культуры врача с точки зрения психологии, деонтологии, филологии, этики и т.д. Однако данная проблема представляется нам недостаточно изученной в рамках категории духовности, поэтому требует всестороннего и комплексного рассмотрения.

Духовность – это весьма широкое, достаточно абстрактное понятие, которое признается практически всеми, однако воспринимается по-разному. Одни понимают под духовностью творчество, другие к сфере духовного относят науку, искусство, соотносят с культурой, третьи духовное ограничивают религиозной сферой. Духовность – это понятие, относящееся к идеальной сфере, которое, исходя из антропологической парадигмы, можно определить как качество души, отражающее в силу свободной воли человека уровень его интеллектуального, творческого, нравственного и религиозного возрастания. Нравственная составляющая представляется важнейшей характеристикой духовности. Истоки нравственности следует искать в самой духовной природе человека. Следовательно, основы нравственности общечеловечны. К ним относятся: нравственное влечение, нравственная потребность, нравственные чувства добра и зла [4]. Р.В.Шурупова так определяет духовность: «Духовность – это восприятие мира во всей его полноте через окружающую природу, искусство, литературу, живопись, музыку, а также общение с незаурядными личностями – всё то, что олицетворяет собой мир прекрасного и возвышенного» [10]. Думается, что согласиться с таким определением можно лишь с существенными оговорками.

Духовность человека по-разному трактуется в светской и христианской традициях. В первой она сводится к душевности, нравственности, интеллектуальности, добродетельности, во второй – это понятие выводится за пределы бытия души (психики). Духовные люди, по апостолу Павлу, «водимые Святым Духом» или, по св. Григорию Паламе, «новые люди, возрожденные благодатью Всесвятого Духа» [6]. В обоих случаях речь идет о высшей ценности природы человека, которая понимается по-разному в этих двух несовпадающих мировоззренческих системах и соответствующих им антропологических системах. Наука обращается к христианскому взгляду на человека, который ставит индивидуальную человеческую судьбу в исключительное положение по отношению не только к тварной природе, но и к обществу, государству, истории и даже цивилизации. Именно об этом пишет Н.А.Бердяев [3], что проблема человека может быть целостно поставлена и решена лишь в свете идеи богочеловечества. Существенно для личности то, что она предполагает существование сверхличного, того, что ее превосходит и к чему она стремится. Общество только часть личности, лишь социальная ее сторона.

могут помочь человеку в разрешении тех противоречий, который ставит перед последним современный мир. Поэтому сознание времени должно осмысливаться как объективно-субъективное или как субъективно-объективное. Только в этом случае можно будет помыслить человека в единстве с миром – достичь той цели, к которой двухтысячелетнее развертывание философии восходит на протяжении всей истории ее развития.

Проблема правильного понимания прошлого находится в плоскости понимания того, что возможности могут быть абстрактными, а могут быть конкретными. Как и будущее, прошлое содержит в себе и те, и другие возможности. Онтология времени, ориентированная на человека, должна основываться на диалектическом единстве абстрактных и конкретных возможностей в прошлом – единстве, в котором преимуществом обладают конкретные возможности, но которые утрачивают свой эвристический потенциал, если их отделить от возможностей абстрактных.

IV. Выводы.

Общий вывод состоит в том, что прошлое как модус времени не обладает онтологическими возможностями, позволяющими помыслить его в качестве смыслового центра времени, вокруг которого будет выстроена антропологическая онтология времени. Этот вывод и составляет научную новизну предложенного исследования. Также научной новизной обладает анализ прошлого, предложенный в этой статье, в контексте столкновения концепций времени, принадлежащих выдающимся философам. Эти философы, как правило, представляют не просто «точки зрения», но целые парадигмы сознания, а это означает, что они влияют не только на философский дискурс, а и на присутствие человека в мире.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что оно делает возможной выработку такого мировоззрения, при котором человек не противостоит миру, а способен быть помысленным в единстве с последним.

Дальнейшие разработки относительно прошлого как модуса времени, представляются чрезвычайно перспективными, поскольку и философская мысль прошлого, и онтологическое состояние современного человечества, постоянно «наталкивают» исследователя на мысль о прошлом как возможном центре онтологии времени. Эта мысль, последовательно доведенная до своего практического воплощения, помимо того, что приводит к неправильным теоретическим выводам, способна и усложнить присутствие человека в мире. Поэтому так важно правильно понимать онтологический статус прошлого.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. – Т.2. Философия природы / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; Отв. ред. Е.П.Ситковский. Ред. коллегия: Б.М.Кедров и др. – М.: Мысль, 1975. – 695 с. – (АН СССР. Институт философии. Философское наследие).
2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. – Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени / Эдмунд Гуссерль / Пер. с нем. / Составл., вступ. статья, перевод В.И.Молчанова. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
3. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса / Эвальд Васильевич Ильенков / Отв. ред. М.М.Розенталя; Предисл. М.М.Розенталя. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – 285 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / Иммануил Кант / Пер. с нем. Н.Лосского сверен и отредактирован Ц.Г.Арзаканяном и М.И.Иткиным; Примеч. Ц.Г.Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591, [1] с. – (Философское наследие).
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Морис Мерло-Понти / Пер. с франц. под ред. И.С.Вдовиной, С.Л.Фокина. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 606 с. – (Серия: Французская библиотека).
6. Мозгова Н.Г. Особливості філософсько-антропологічних вимірів буття людини в японській соціо-культурній традиції / Н.Г.Мозгова // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: [зб.наукових праць] / ред. рада: В.П.Андрущенко (голова). – К.: Видавництво НПУ імені М.П. Драгоманова, 2012. – Вип.28 (41). – С.173–180.
7. Назаренко М.С. Минуле як соціокультурний орієнтир в епоху постмодернізму / М.С.Назаренко // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія 7. Релігієзнавство. Культурологія. Філософія: [зб.наукових праць] / ред. рада: В.П.Андрущенко (голова). – К.: Видавництво НПУ імені М.П. Драгоманова, 2012. – Вип.28 (41). – С.283–289.
8. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия: Монография / Николай Николаевич Трубников. – М.: Наука, 1987. – 255 с.

Малютина Н.Н., Шевчук В.В., Квасков В.Н.

Пермская государственная медицинская академия им.ак. Е.А.Вагнера

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ВРАЧА

Рассмотрена роль религиозного сознания и проблема формирования духовно-нравственных ценностей врача. проблемы, связанные с достижением высокого уровня духовности, приобретают особую значимость в жизни современного общества. Нравственная составляющая является важнейшей характеристикой духовности. Истоки нравственности следует искать в самой духовной природе человека. Возвращение к духовным ценностям возможно с использованием опыта религиозного сознания с учетом многоконфессиональности нашей страны. Проблема воспитания духовных начал была и остаётся приоритетной в наше время. Приверженность нравственным идеалам профессионала означает превращение общечеловеческих ценностей в его собственные ценности.

Ключевые слова: нравственность, духовность, духовные ценности, здоровье.

Актуальность исследования роли духовности в профессиональной культуре и воспитании врача обусловлена рядом причин. В современном обществе, охваченном процессом глобализации, растет спрос на специалистов, профессиональная культура которых предполагает не только наличие глубоких специальных знаний, но и высокую духовность в широком смысле этой категории. Известный врач-хирург, ученый, церковнослужитель святитель Лука (Войно-Ясенецкий) писал: «Психотерапия, состоящая в словесном, вернее, духовном воздействии врача на больного, – общепризнанный, часто дающий прекрасные результаты метод лечения многих болезней...» [7]. В современном мире остро ощущается потребность в гуманизации всех сторон жизни и деятельности человека, в процессе которой духовные ценности приобретают особую значимость. В соответствии с этим, возникла проблема необходимости воспитания не просто профессионала, а человека, способного транслировать духовные ценности последующим поколениям. Именно поэтому проблемы, связанные с достижением высокого уровня духовности, приобретают особую значимость в жизни современного общества. Подготовка будущих врачей в наше время не соответствует современным культурно-ценностным позициям. Их духовно-нравственный уровень не отвечает требованиям современности, кроме того, процесс формирования духовно-